Пров

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

X
2 экз
F

ОПИСАНІЕ СЕЛЬСКАГО ДУХОВЕНСТВА.

Ч. I т 3-6

IV.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1858.

Пров. 1987 г

2 экз
Р

„Il y a en Russie un grand nombre de questions de la plus haute importance qui attendent une solution et qui appellent les méditations de tous les esprits sérieux. Mais, je n'hésite pas à le dire, de toutes ces questions, il n'en est pas une seule qui puisse rivaliser avec celle de l'éducation et de la formation du clergé. Donnez à la Russie un clergé digne de sa haute mission, et la Russie se place sans effort aux premiers rangs des nations chrétiennes; supposez, au contraire, un clergé sans science, sans indépendance, sans dévouement, sans zèle, sans considération, sans autorité; et les progrès mêmes que la Russie fera dans une civilisation toute matérielle, toute superficielle, deviendront pour elle la source de nouveaux dangers. Ainsi l'avenir de la Russie dépend de ce qui sera le clergé, et l'avenir du clergé dépend de l'éducation qu'on lui donnera, des soins que l'on prendra de l'initier à la science sacrée et de former en lui l'esprit sacerdotal. Par conséquent, l'avenir de la Russie est intimement lié à cette grande question des écoles ecclésiastiques."

(De l'enseignement de la Théologie dans l'Eglise russe par le P. J. Gagarin; Paris 1856. p. 59.)

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
968
96

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Сельскіе іерей 1

Первоначальное образованіе:

1. Квартиры 3

2. Училища 6

3. Училищныя начальства и учители . . . 9

4. Ученіе 16

Заключеніе 24

Семинарское образованіе 26

Квартиры 42

Хожденіе въ церковь 46

Заключеніе 51

А) Поступленіе на мѣста 53

В) Бытъ семейный 57

С) Средства жизни 68

Д) Отношенія іерея:

а) Къ прихожанамъ — помѣщикамъ . . . 81

къ крестьянамъ . . . 89

б) Къ причту 92

в) Къ благочиннымъ 106

г) Къ Правленіямъ и Консисторіямъ . . . 116

Стран.

д) Къ эпархіальнымъ архіереямъ 121

е) Къ раскольникамъ 128

Сельскіе іереи какъ проповѣдники въ соборахъ 133

Награды 136

Общій взглядъ и заключеніе 145

Дополненія:

I. Іереи уѣздныхъ городовъ 150

II. Еще нѣсколько словъ о семинарскомъ образованіи 152

III. Жалованіе іереямъ 154

IV. Необходимое объясненіе 162

СЕЛЬСКІЕ ІЕРЕИ.

Ὁ ἐλέγχων ανθρώπȣ ὁδȣ̀ς χάριτας ἕξει μᾶλλον τοῦ γλοσσοχαριν τȣ̃τος.

Πορoιμ, 23. XXVIII.

Грустно и больно смотрѣть, до чего унижено и подавлено у насъ сельское духовенство, и тѣмъ болѣе грустно и больно, что оно само нѣкоторымъ образомъ подало и подаеть поводъ къ этому, и не имѣетъ даже права сказать въ утешеніе себѣ: вся терпимъ Христа ради. Не такъ оно держитъ себя, чтобы возбуждать въ другихъ все необходимое благоговѣніе къ служенію своему, высокому и пренебесному, чтобы возраждать въ пасомыхъ имъ искреннюю, сердечную расположенностъ къ себѣ и ту любовь, крѣпкую яко смерть, которая неразрывно соединяло бы его съ паствою въ одномъ общемъ стремленіи — къ цѣли горняго званія.

Гдѣ причина этаго? Въ чемъ зло?

Чтобы отвѣтитъ на эти вопросы, мы прослѣдимъ жизнь сельскаго іерея съ лѣтъ его дѣтства. Это не будетъ слишкомъ изъ далека: въ жизни дѣйствительной человѣка лишь развивается то, что посѣяно, когда онъ приготовлялся или его приготовляли къ этой жизни; и то, что такъ глубоко унизило сельское духовенство есть неизбѣжное послѣдствіе его

образованія. Конечно, и послѣ такого образованія человѣкъ, поставленный въ иныхъ условіяхъ могъ бы сдѣлаться совершенно инымъ; но условія, въ которыхъ поставлено сельское духовенство, именно какъ-будто нарочно придуманы, чтобы зло расло, развивалось и приносило свои горькіе плоды.

Выскажемъ, не обинуясь, всю правду, но-лишь одну правду; и да востяжетъ насъ Господъ на судѣ своемъ страшномъ, если мы осмѣлимся сказать хоть одно слово лжи.

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

1. Квартиры.

Будемъ преимущественно имѣть въ виду дѣтей священниковъ. — Каковъ бы ни былъ священникъ въ своей служебной жизни, но ни одинъ не захочетъ видѣть дѣтей своихъ испорченными физически или нравственно, и каждый, безъ исключенія, заботится о нихъ, пока они у него на глазахъ. Говоримъ безъ малѣйшаго опасенія, чтобы насъ обличили въ преувеличеніи. Мальчику приходитъ время учиться, и вотъ его привезли въ уѣздный или губернскій городъ. Прежде всего ему нужна квартира.

Весьма не много такихъ священниковъ (изо ста два-три не больше), которые имѣютъ средства поставить сына на квартиру къ хорошему чиновнику, купцу и надежному священнику; большая часть ищетъ квартиры возможно дешевлѣйшей и особенно, когда у священника уже учатся два-три сына, что не рѣдкость. Гдѣ жъ эти квартиры? У мещанина-полунищаго, отставнаго солдата, вдовы, промышляющей Богъ-знаетъ чѣмъ и какъ, причетника (городской причетникъ почти всегда равняется мещанину полунищему). И подъ надзоръ и храненіе этому люту вручается мальчикъ

осьми-девяти лѣтъ! Чтожъ онъ видитъ въ своей квартирѣ? Отвратительную нищету, неразлучные спутники которой: грязь, грубость — до звѣрства, самые страшные пороки, которыхъ даже не считаютъ и нужнымъ скрывать. И вотъ первыя впечатленія мальчика, — первыя, которыя по свидѣтельству всѣхъ опытныхъ людей остаются неизгладимыми! Еще, еслибъ онъ только видѣлъ; нѣтъ, его заставляютъ быть орудіемъ и даже участникомъ разныхъ мерзостей; посылаютъ въ кабакъ за водкой, воровать щепъ или дровъ, когда печь истопить нечѣмъ и пр.; больше — его постовляютъ въ необходимость самому прибѣгать къ разнымъ преступнымъ продѣлкамъ; такъ: истребивъ для себя въ двѣ-три нѣдѣли все, что было привезено мальчику на цѣлую треть, они кормятъ его хлѣбомъ и щами, на которыя и смотрѣть страшно; что дѣлать ему, всегда голодному? Если онъ робокъ, то въ одну треть дѣлается скелетомъ; если смѣлъ, то воруетъ или промышляетъ подобными средствами. Не дальше какъ прошедшей зимой въ городѣ N. мы видѣли слѣдующее: часовъ въ шесть вечера, — а это было въ декабрскіе лютые морозы, на паперти одной церкви ученикъ лѣтъ десяти страшно трясется отъ холоду и горько плачетъ. — Что съ тобой? Очемъ ты плачешь! — Боюсь идти на квартиру. — Отчего? — Да хозяйка утромъ посылала за водкой, а ужъ пора была идти въ классъ, я и ушелъ; пришелъ обѣдать, она меня исколотила, прогнала да и сказала, что вечеромъ еще и не то будетъ. — Отправляемся къ хозяйкѣ; то была вдова послѣ подъячаго, лѣтъ еще очень молодыхъ, но упившаяся сильно. Объясняться съ человѣкомъ въ такомъ состояніи, и особенно съ пьяной бабой было не возможно, и мы сочли лучшимъ объяснить все это инспектору. Что жъ? На всѣ наши

объясненія и просьбы, чтобы онъ избавилъ мальчиковъ отъ такой гибельной жизни, онъ отвѣтилъ только не ваше дѣло, не суйтесь туда, гдѣ васъ не спрашиваютъ. По собраннымъ послѣ свѣдѣніямъ оказалось, что эта, съ утра до ночи пьяная, баба состоитъ подъ особеннымъ покровительствомъ инспектора, и что мальчики ставятся къ ней по его личному приказанію и не иначе, какъ дѣти очень достаточныхъ отцевъ и пр. И несчастныхъ мальчиковъ у ней квартируютъ шестеро! — Подобные случаи дѣло самое обыкновенное во всѣхъ и губернскихъ городахъ.

Пріѣзжаетъ мальчикъ домой, и родители не узнаютъ его, — такъ онъ измѣнился физически и нравственно; переводятъ на другую квартиру, — и только изъ одного мута перетаскиваютъ въ другой. Если прибавимъ къ этому, что мальчики почти всегда страдаютъ отъ наножныхъ болѣзней (преимущественно распространены во всѣхъ училищахъ. Phtiviasis, Lichen, Thermintus, Favus, Scabies) и что даже иногда заражаются такими болѣзнями, о которыхъ даже и говоритъ срамно и страшно, — то можно будетъ составитъ ясное понятіе о квартирахъ учениковъ духовныхъ училищъ.

Отъ всѣхъ этихъ язвъ, физическихъ и нравственныхъ, не спасаются и тѣ, которые стоятъ на лучшихъ квартирахъ: они заражаются отъ зараженныхъ уже товарищей, и имѣютъ лишь то пріимущество, что для нихъ берутся хоть какія-нибудь средства противъ этого, и зло не развивается такъ быстро и неудержимо.

И вотъ подъ какими погибельными вліяніями проводятъ мальчики цѣлыхъ шесть лучшихъ и важнѣйшихъ лѣтъ своей жизни! Правда, время отъ времени берутъ ихъ домой родители, но что самые любящіе,

самые умные родители успѣютъ сдѣлать какихъ-нибудь въ двѣ и даже шесть вакантныхъ недѣль? Успѣютъ развѣ залечить какую-нибудь болѣзнь физическую, не болѣе; а язву нравственную, которая развивается годами, не вырвешь днями. Притомъ мальчики, пользуясь губительными примѣрами, скоро пріобрѣтаютъ навыкъ — скрывать язвы нравственныя. Конечно, и въ этомъ какъ и во всемъ, есть исключенія; но, какъ изключенія, они рѣдки: нужна слишкомъ счастливая организація мальчика, чтобы не увлечься дурными примѣрами, которые у него всегда передъ глазами; а много ли всегда найдется такихъ мальчиковъ?

Скажутъ: „есть училищное начальство, которое должно смотрѣть за всѣмъ этимъ.“ — Должно, конечно; но едва ли гдѣ больше забывается и смѣлѣе пренебрегается должное, чѣмъ у тѣхъ, которымъ ввѣрена какая-либо власть среди духовенства. Квартиры — это оброчная статья смотрителя и инспектора училищъ. Взявши тѣмъ или другимъ съ хозяина или хозяйки, за тѣмъ они предоставляютъ имъ полную волю и свободу надъ мальчиками.

---

2. Училища.

Еще не такъ заразительно дѣйствовали бы на мальчика грязь и все дурное, все растлѣвающее душу на квартирѣ, еслибъ всему этому было противодѣйствіе въ училищѣ; но нѣтъ, къ ничѣмъ непоправимому несчастію, въ училищѣ онъ не видитъ ничего добраго: таже грязь, танія же лица, враждебныя ему, лишь въ другой формѣ, поразительно страшные безпорядки, различнаго рода и вида.

Что такое зданія училищныя? По большей части трудно было бы угадать, для чего эти зданія тому

кто видитъ ихъ въ первый разъ. Это-не казармы, не конюшни, не хлѣвы, — нѣтъ хуже всего этого. Большею частію это еледержащіеся, при безчисленныхъ подпоркахъ, остатки чего-то, въ незапамятныя времена строеннаго, въ которыхъ вѣтеръ гуляетъ со всей свободой, куда проникаетъ дождь самый не большой, гдѣ накопляются цѣлые сугробы снегу. А если, что однакожь чрезвычайная рѣдкость, стѣны цѣлы и даже крѣпки и сквозь нихъ не проникаетъ ни дождь, то все таки ученикамъ не многимъ лучше и въ такомъ училище. Мыть или мести полы считается самою непростительною роскошью; а на случай пріѣзда архіерея ихъ посыпаютъ пескомъ да можжухой и — только. Топить училища, хоть безъ сомнѣнія на это отпускаются нужныя суммы, не считаютъ нужнымъ, еслибъ даже зимы были такъ жестоки, какъ напр. въ прошедшемъ году. Училищныя комнаты до того тѣсны, что ученики буквально сидятъ въ тискахъ. Зимой наношенный на ногахъ снѣгъ и занесенный мятелями отъ спершагося воздуха растаяваетъ, на полу образуется грязь, и весь классъ дѣлается болотомъ. И въ такихъ-то зданіяхъ учится юношество, изъ котораго въ послѣдствіи должны быть іереи и даже архіереи! . . . Изъ грязныхъ квартиръ переходятъ ученики въ еще болѣе грязные классы! Но тамъ, въ квартирахъ, по крайней мѣрѣ тепло; здѣсь же имъ нужно кутаться въ двѣ-три одежины, чтобы не замерзнуть. И что же? Когда всѣ усядутся и воздухъ сопрется, дѣлается нестерпимо душно; между тѣмъ какъ ноги, неизбѣжно погруженныя въ болото, зябнутъ до того что наконецъ совсѣмъ коченѣютъ; и по окончаніи класса видишь, что ученики идутъ точно на костыляхъ. — Но какъ же переносятъ все это ученики? Съ здоровьемъ отъ природы слабымъ — гибнутъ; съ здоровьемъ крѣпкимъ —

отдѣлываются горячками или другими болѣзнями.*) Могутъ этому неповѣрить. Но пусть посмотрятъ уѣздныя училища въ губерніяхъ: Московской, Ярославской Тверской, Владимирской (о другихъ не знаемъ а въ этихъ, состояніе училищъ намъ хорошо извѣстно) и — повѣряетъ. А если угодно, то вотъ доказательство, противъ котораго, надѣемся, нечего будетъ сказать. „Взглянемъ на свѣтское училище, говоритъ одинъ ученый обозрѣватель сѣверной части Россіи о Божеукѣ, а показать духовное училище не хотѣлось почтенному смотрителю, потому что домъ очень ветхъ.**) И смотритель съ своей стороны былъ правъ, — показать наши училища человѣку свѣтскому невозможно; лишь архипастырей нашихъ могутъ непоражать они. Что слышалъ этотъ обозрѣватель въ Бѣжеукѣ, то-же бы услышалъ вездѣ — отказъ показать училище. А для повѣрки того, каково въ этихъ училищахъ зимой, пусть кто-либо изъ любопытства заглянетъ въ нихъ; самый терпѣливый не пробудетъ получаса, потому что его оглушитъ непрерываемый концертъ изъ кашлю и хрипѣнія, его голова закружится отъ спершагося гнилаго воздуха, его обоняніе не вынесетъ атмосферы, переполненной азотомъ.

Не ужели духовное начальство не принимаетъ ни какихъ средствъ къ улучшеніямъ? Нельзя сказать этого: упадетъ потолокъ, — оно распорядится поста-

*) Въ декабрѣ прошедшаго года морозы доходили до 30 г. Въ городѣ N. училище (каменное) во всю зиму не протопилось ни разу. Слѣдствіе этого: въ одномъ декабрѣ умерло до 30 учениковъ; цѣлую треть ихъ спасли лишь тѣмъ, что успѣли взять во время по домамъ; двѣ трети получили цынгу. Въ настоящую зиму тоже.

**) Москв., 1848 г. N. 12, отд. I. стр. 112.

вить подпорку; рухнетъ полъ, — оно прикажетъ сдѣлать новый переводъ; покачнутся стѣны, тутъ поставятъ три или четыре подпорки.

О, какъ грустно, какъ больно, невыносимо больно дѣлается, когда вспомнишь о дѣйствіяхъ высшаго духовенства въ иныхъ земляхъ и сравнишь его съ нашимъ! У нашихъ — ни малѣйшей заботы объ образованіи даже того сословія, въ главѣ котораго стоятъ они сами, съ которымъ неразрывно, хотя и противуестественно, соединены они! Вались училище имъ и дѣла нѣтъ; не то чтобы пожертвовать изъ собственности, которая Богъ знаетъ идетъ куда, даже и похлопотать-то о необходимыхъ улучшеніяхъ не хотятъ! И то сказать: чужихъ дѣтей ни жалко; еслибъ ихъ дѣти учились въ духовныхъ училищахъ, — безъ сомнѣнія не допустили бы они до того, что теперь есть.

---

3. Училищныя начальства и Учителя.

Съ содроганіемъ сердца приступаемъ къ изображенію этихъ лицъ, которымъ безусловно, безгранично родители передаютъ своихъ дѣтей, — лучшее, что есть у нихъ въ жизни. Нѣчто несодѣянное, неслыханное невообразимое, а между тѣмъ до послѣдней буквы справедливое, — сему свидѣтель самъ Господь, — разскажемъ мы.

Прежде всего, — у насъ назначаются въ учителя не тѣ ученики, которые выкажутъ болѣе способностей къ педагогическимъ занятіямъ, или болѣе знакомы съ тѣми предметами, которые имъ нужно преподавать; а или тѣ, которые имѣютъ случай и деньги, или тѣ, которые, въ спискѣ учениковъ занимаютъ высшее мѣсто. О первыхъ нечего говорить; и пос-

лѣдніе занимаютъ высшіе мѣста не за знаніе тѣхъ предметовъ, которые нужны въ училищѣ, а за успѣхи, преимущественно въ богословіи, такъ что не рѣдко хорошо успѣвшій въ этомъ предметѣ, по гречески съ трудомъ можетъ даже и читать. И чтожъ? При назначеніи кончившаго курсъ ученика въ учители на это не обращается ни малѣйшаго вниманія. Чтобы поступить въ гражданское уѣздное училище, кромѣ полнаго гимназическаго курса, требуется выдержать экзаменъ преимущественно изъ того предмета, на который кто хочетъ поступить, и даже теперь экзаменъ въ Университетѣ. У насъ-нѣтъ ничего подобнаго: ученикъ просится въ учители, нерѣдко и необозначая куда и на какой предметъ, и его опредѣляютъ, куда и какъ придется, не спрашивая даже изъ любопытства, имѣетъ ли онъ какое-нибудь понятіе объ этомъ предметѣ. Результатъ такого распоряженія понятенъ: большинство учителей въ духовныхъ училищахъ состоятъ изъ глубочайщихъ невѣждъ; послѣ нѣсколькихъ лѣтъ преподаванія едва знакомы они съ начатками преподаваемаго предмета. Еще это зло могло бы нѣсколько поправлятся, еслибъ учители на всегда оставались учителями: сколько нужда, столько же и долголѣтняя практика сколько-нибудь ознакомили бы ихъ съ дѣломъ; а то каждый смотритъ, какъ бы скорѣе выйти во священника, и не считаетъ нужнымъ заняться усильно своимъ предметомъ, зная, что тамъ — на мѣстѣ онъ для него рѣшительно безполезенъ. И дѣйствительно, прослужитъ онъ лѣтъ пять и даже десять безъ малѣйшей пользы для учениковъ и — выходитъ; его мѣсто занимаетъ такой же ученикъ съ такими же познаніями и съ такими же цѣлями, и такъ идетъ вся исторія училищнаго ученія.

Одну способность только показываетъ большая

часть учителей — обирать деньги. Зло это всюду пустило глубокіе корни; но нигдѣ оно не обнаруживается такъ небоязненно, такъ нагло, съ такими страшными притязаніями, какъ въ духовныхъ училищахъ, въ духовныхъ правленіяхъ и консисторіяхъ. Приводятъ мальчика въ училище; отецъ долженъ его явить смотрителю и пятерымъ учителямъ. Явить-значитъ принести деньги. При этомъ случаѣ отъ бѣднѣйшаго причетника требуется не менѣе двухъ руб. сер. смотрителю, и не менѣе рубля на каждаго учителя. Священникъ долженъ представить въ четверо или по крайней мѣрѣ въ трое. Мы сказали: требуется и долженъ; такъ — тутъ не произволъ ихъ, и не средства, которыми они могутъ располагать, опредѣляютъ суму взноса, а воля того, къ кому приносятся деньги. И напрасны тутъ просьбы, напрасны даже слезы: кто стоитъ на одномъ, что не въ силахъ дать требуемаго, тотъ выгоняется въ толчки; а что послѣдуетъ за тѣмъ, увидимъ дальше. Таже исторія повторяется послѣ святокъ, послѣ Пасхи, послѣ ваканта, — непрерывно во все продолженіе курса. Но зачѣмъ же даютъ?“ За тѣмъ, что горе тому мальчику, отецъ котораго когда-либо не выплатилъ назначеннаго: месть жестокая, неумолимая, звѣрская, преслѣдуетъ его съ утра до ночи на каждомъ шагу. Истязаніямъ несчастнаго, — и какимъ страшнымъ истязаніямъ!... нѣтъ ни конца ни мѣры. Скажемъ одно: въ одинъ и тотъ же день отъ двоихъ-учителей ученику случается вытерпѣть до 200 розогъ, самыхъ безпощадныхъ, потому что учитель стоитъ тутъ же и кричитъ: больнѣе, больнѣе! Сѣкущій изъ учениковъ, хорошо знаетъ, что за малѣйшее послабленіе ему грозитъ тоже казнь, и потому напрягаетъ всѣ силы удовлетворить учителя. И этого мало: ученика,

едва вставшаго съ полу, учитель хлещетъ-рукой, книгой, чѣмъ пришлось, по ушамъ, по головѣ, по щекамъ, вырываетъ у него цѣлые клочья волосъ и пр. и пр. И это на недѣлѣ повторяется два, три раза. Жаловаться смотрителю ученики не смѣютъ и думать; за жалобой неизбѣжно слѣдуетъ наказаніе отъ смотрителя, — не палачу учителю, а тому же ученику. Въ дѣлѣ грабежа они дѣйствуютъ общими силами и поддерживаютъ одинъ другаго. И кому же эти казни? Мальчику — отъ 8 до 14 лѣтъ! Тутъ ни сколько не помогаютъ ни добрые успѣхи, ни прекрасное поведеніе: отъявленный негодяй пользуется и лаской и привѣтомъ отъ всѣхъ, если отецъ его и поитъ смотрителя съ учителями всегда до упаду, и тащитъ имъ всего — отъ денегъ и до яицъ, обильно; прекраснѣйшій мальчикъ, но сынъ бѣднаго отца, засѣкается, — именно засѣкается. Не дальше. какъ два года назадъ N училищѣ двѣнадцати лѣтняго мальчина, такимъ образомъ наказаннаго и не за вину, а за то, что отецъ его не привелъ учителю корову, который тотъ требовалъ, принесли на рукахъ домой, и онъ на другой же день померъ. И это дѣло не рѣдкое. Почему же несчастный отецъ не жаловался? И почему не жалуются вообще на разбой и грабежъ учителей и смотрителей? Скажемъ дальше.

И исчисленнымъ поборамъ еще не конецъ. Это все только по мелочамъ. Самый главный при переводѣ изъ однаго класса въ другой и особенно въ семинарію. Вотъ напр., какъ это дѣлается. Въ 1855 году изъ . . . . аго училища; за мѣсяцъ до экзаменовъ, всѣ ученини были разосланы по домамъ съ строжайшимъ приказаніемъ: принести по стольку-то смотритель самъ назначилъ по скольку), съ предостереженіемъ таковымъ: кто принесетъ меньше назначенаго,

тотъ будетъ оставленъ; кто совсѣмъ неприсетъ, — будетъ исключенъ. Высшая цифра (на долю многихъ священниковъ) была назначена 50 р. сер., низшая (на долю бѣднѣйшихъ причетниковъ) 5 р. — Что было дѣлать отцамъ? Не представить назначеннаго, — угроза исполнится безъ сомнѣнія, и сыновей или исключатъ, — а куда дѣться съ мальчикомъ въ такія лѣта? — или оставитъ въ томъ же классѣ, — а чего стоитъ лишнихъ два года пробыть ученику въ одномъ и томъ же классѣ, не говоря уже о неизбѣжной мести? — и нѣкоторые, преимущественно отцы негодяевъ поспѣшили исполнить требуемое. Большая же часть, особенно же тѣ, которые рѣшительно не имѣли возможности прислать назначенную сумму, или разсчитывали на то, что дѣти ихъ вполнѣ достойны перевода, явились къ смотрителю. Здѣсь начались торги, и нѣкоторымъ сдѣланы уступки; тѣ же, которые осмѣлились ничего не заплатить и даже пригрозить жалобой, выгнаты отъ смотрителя со срамомъ. — Какой же конецъ? Дѣти первыхъ переведены, дѣти послѣднихъ или оставлены, или исключены.

Нашлись, однако же, которые въ самомъ дѣлѣ принесли жалобу семинарскому правленію. Чтожъ? Смотрителя вызваны для объясненія, (объясненія, когда нужно было сдѣлать строжайшее изслѣдованіе! Такъ у насъ и всегда: попадется какой нибудь бѣднякъ, его задавятъ слѣдствіями; надѣлаетъ всѣхъ мерзостей человѣкъ денежный, его вызовутъ въ губернскій городъ, — для чего, понятно; тѣмъ все дѣло и кончается.) Какъ и что онъ объяснялъ, неизвѣстно; но при спокойно возвратился въ свой городъ и смѣлѣе прежнаго продолжаетъ свои дѣйствія.

Теперь о жалобахъ. Почему не жалуются? Вотъ напр., отецъ засѣченнаго мальчика пріѣхалъ въ городъ

и въ самомъ дѣлѣ приготовилъ жалобу; но у него учатся еще два сына; принесши жалобу, нужно было бы сей-часъ же взять ихъ изъ училища, иначе и имъ была-бы не лучшая судьба; а онъ и въ своемъ-то городѣ едва можетъ содержать ихъ, — куда же бы онъ ихъ дѣлъ? Подумалъ, попланалъ, погоревалъ и отдалъ на судъ Божій. Вотъ, напр., лѣтъ тому десять, жестокости смотрителя и инспектора . . . аго училища сдѣлались до того невыносимыми, что ученики стали бѣгать изъ училища. Принесли жалобу семинарскому правленію. Дѣло весьма важное; поѣхалъ изслѣдовать его самъ ректоръ семинаріи. Что-жъ онъ сдѣлалъ? Провелъ цѣлую недѣлю у смотрителя, не выходя изъ комнаты, — а что дѣлалъ, Богъ знаетъ; за тѣмъ явился въ училище, пересѣкъ жесточайшимъ образомъ учениковъ и донесъ, что ученики взбунтовались и что онъ прекратилъ бунтъ . . . Взбунтовались-мальчики отъ 8 до 14 лѣтъ, даже и отцы которыхъ, подъ жесточайшей тиранніей, при милліонахъ несправедливостей, несмѣютъ и помыслить очемъ либо подобномъ! . . . Случилось даже однажды, что профессоръ, посланный въ . . . рное училище, честно произвелъ слѣдствіе и обнаружилъ всѣ мерзости смотрителя и учителей? Что-жъ вышло изъ этого? Смотритель поспѣшилъ побывать у ректора семинаріи и у письмоводителя архіерея, — велѣно преслѣдовать. Понятно, что новое слѣдствіе вполнѣ оправдало виновныхъ. Слѣдователя вытѣснили изъ семинаріи съ дурнымъ аттестатомъ. Кто-жъ осмѣлится послѣ этого производить слѣдствіе строго-справедливо? Къ чему же, значитъ, и жалобы? И еще ли послѣ этого спросятъ: почему не жалуются?

Предположимъ даже, что жалоба принесенная академическому правленію, что пріѣхалъ произвести изслѣ-

дованіе честнѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ, и что (самое важное условіе) онъ можетъ, не опасаясь дурныхъ для себя послѣдствій, открыть правду. Что онъ будетъ дѣлать? Допрашивать учениковъ? Но развѣ не съумѣютъ за ранѣе запугать мальчиковъ? Развѣ осмѣлятся они, при офиціальномъ допросѣ, высказать, что-либо, еще не зная что не останутся у нихъ смотритель и учителя тѣже? Развѣ осмѣлятся даже отцы ихъ, при такомъ же допросѣ, высказать что либо, вполнѣ убѣжденные, что за это достанется дѣтямъ ихъ, если не въ училищѣ такъ въ семинаріи. (На нашихъ глазахъ было: профессоръ риторики, — теперь каѳедральный протоерей, — жесточайшимъ образомъ гналъ весьма хорошаго ученика единственно за то, что отецъ его обличилъ смотрителя въ утайкѣ и хищеніи жалованья бѣднымъ ученикамъ; не проходило почти класса, чтобы не обращался къ ученику съ словами: „а отецъ твой кляузникъ, доносы пишетъ; значитъ и ты такой же негодяй, такая же гадь, такой же разбойникъ“ и прочее, что срамно писать; наконецъ добился-таки что этого ученика исключили); а еще можетъ достаться и имъ самимъ? Но предположимъ наконецъ, что всѣ осмѣлились, и виновные наказаны; что же? Явятся другіе и будутъ продолжать тоже, какъ и во всѣхъ другихъ училищахъ, ни на волосъ не измѣнятъ своихъ дѣйствій разчитывая, и весьма вѣроятно, что не всякій же разъ будутъ жаловаться, и не всякій разъ будутъ пріѣзжать подобные слѣдователи.

Нѣтъ, никакая частная жалоба не поправитъ дѣла!

А пусть бы если не во всѣ, то хотъ въ большую часть училищъ были назначены ревизоры, и — свѣтскіе всенепремѣнно свѣтскіе, преимущественно изъ не-

давно кончившимъ курсъ университета; пусть бы они пожили въ городѣ недѣли двѣ-три, отнюдь не объявляя, кто они, распрашивали учениковъ въ квартирахъ, на улицахъ; пусть бы послѣ этого заглянули разъ пять въ училища во всѣ времена дня, особенно до классовъ и въ концѣ классовъ, одѣвшись какъ можно хуже (conditio, sine qua non); пусть бы внимательно всмотрѣлись во все — отъ физіономіи учителей и до ихъ обращенія съ учениками, до ихъ способа преподаванія; пусть бы наконецъ, какъ простые путешественники, побывали по селамъ и пораспросили отцевъ видѣнныхъ или учениковъ о томъ, каково учится ихъ дѣтямъ и какъ ведутся дѣла въ училищахъ; — пусть бы только это сдѣлалось!...

О, тогда увидѣли бы и узнали бы всѣ, что такое наши училища! Тогда до послѣдней буквы оправдалось бы все сказанное нами; дальше, — тогда узнали бы и то, чего еще и сказать мы не осмѣлились!...

Тогда, и только тогда, изучивъ въ основаніи зло, можно бы вырвать его съ корнемъ. До тѣхъ же поръ, чтобы ни дѣлали, все по пустому; до тѣхъ поръ самыя благія распоряженія не принесутъ ни какой пользы.

---

4. Ученіе.

Скажемъ сначала — чему, и потомъ — какъ учатъ въ духовныхъ училищахъ.

Главный и важнѣйшій предметъ ученія, на который обращается исключительное вниманіе — латинскій языкъ. Корнелій Непотъ — мѣрило умственныхъ способностей и успѣховъ учениковъ; и сколько усилій, сколько истязаній, чтобы вбить въ головы уче-

никовъ этого вѣчнаго кошмара ихъ; сколькими слезами, и какими слезами обливается онъ каждый курсъ!

Странное и непонятное явленіе, возможное только въ образованіи Русскаго духовенства: въ главу образованія будущаго сельскаго іерея ставится языкъ мертвый, который для дѣйствительной его жизни будетъ столько же полезенъ какъ и языкъ санскритскій! Чтобы быть добрымъ пастыремъ, прежде всего надобно быть латинистомъ; безъ этаго ему никогда не бывать пастыремъ, потому что безъ знанія, въ настоящее время совершенно ничтожнаго и поверхностнаго, латыни его никогда не переведутъ изъ училища въ семинарію! . . . Цѣлые шесть лѣтъ мальчикъ убиваетъ свои способности на изученіе языка, который забудетъ въ первые же два года своего священства, потому что во всю свою жизнь ему не придется встрѣтиться ни съ одной буквой этого языка! Понятно былобы еслибъ его учили съ такимъ же вниманіемъ славянскимъ нарѣчіямъ, — это было бы прекраснымъ подготовленіемъ для его будущаго служенія; обладая знаніемъ этихъ нарѣчій, онъ не становился бы въ тупикъ передъ мужикомъ — начетчикомъ при его вопросахъ; понятно было бы, еслибъ его заставляли изучать Четь-Минею: каждый урокъ былъ бы для него матеріаломъ будущихъ собесѣдованій съ прихожанами, не говоря уже о томъ, какое благодѣтельное вліяніе произвело бы это изученіе на юную душу и сердце; а то — заставляютъ забивать голову какимъ нибудь Алкивіадомъ, Кимономъ и т. п., да еще и на языкѣ чуждомъ! Чего ждать отъ такого образованія въ основаніе котораго кладется совершенно безполезная для сельскаго іерея латынь? Да и можно ли назвать это образованіемъ? —

Скажутъ: но знаніе латинскаго языка необходимъ

для тѣхъ, которые впослѣдствіи должны поступить въ академію. Такъ; но много ли поступающихъ въ академію? Обыкновенно: изо ста 2—5 человѣкъ; а прямо въ епархіальное вѣдомство поступаетъ 70—80 человѣкъ. Съ которой же цифрой должна бы сообразоваться программа образованія? Безъ сомнѣнія съ послѣдней; а между тѣмъ на дѣлѣ на оборотъ. Значитъ для цѣлыхъ 30 человѣкъ шесть важнѣйшихъ лѣтъ пропадаютъ рѣшительно даромъ и для дѣйствительной жизни не подготовляютъ ничего полезнаго.

Говорятъ: изученіе языковъ развиваетъ мыслящую способность и прочее въ родѣ этого. Положимъ что это правда; но ужъ конечно не пошлое, нелѣпое, мертвое изученіе, каково въ духовныхъ училищахъ. А почему-жъ бы не изучать языки: нѣмецкій, французкій или англійскій? Знаніе этихъ языковъ было бы въ двойнѣ полезно сельскому священнику: любознательный имѣлъ бы подъ руками средства продолжить свое образованіе и на мѣстѣ; потому что въ каждомъ уѣздѣ найдется два-три помѣщика, у которыхъ есть библіотека изъ книгъ того или другаго языка; имѣющій нужду въ средствахъ жизни, — а какой священникъ не имѣетъ въ нихъ нужды? — могъ бы пріобрѣтать ихъ путемъ чистымъ и честнымъ, — именно давать уроки въ домахъ помѣщиковъ. И кромѣ личной пользы для священниковъ, какая безконечная польза вытекала бы изъ этихъ уроковъ для самаго ихъ служенія! Ими они сблизились бы съ помѣщиками и имѣли бы непрерывное благое вліяніе на ихъ бытъ семейный, такъ глубоко разтлившійся въ послѣднее время; посредствомъ ихъ они воспитали бы иное дворянское поколѣніе въ духѣ строго православномъ, не то что какіе нибудь выходцы съ Запада, всегда посѣвающіе въ воспитываемыхъ ими презрѣніе ко всему

Русскому вообще и къ Православію въ особенности*). „Но въ семинаріихъ преподаются языки нѣмецкій и французскій.“ О, лучше бы совсѣмъ не преподавать, чѣмъ такъ преподавать! . . . При томъ языки нѣмецкій и французскій нужно преподавать съ самыхъ юныхъ лѣтъ, чтобы это послужило къ чему нибудь. Но о преподаваніи ихъ скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Второй предметъ, который также считается главнымъ, хотя и не такъ важнымъ, какъ латынь, языкъ греческій. Не говоря уже о томъ, что онъ вездѣ безъ исключенія преподается весьма дурно, (положительно и смѣло говоримъ что ни одинъ учитель этаго языка, на всемъ пространствѣ Руси, не имѣетъ на столько знанія въ немъ, чтобы понять и опредѣлить, чѣмъ отличается языкъ писаній преп. Макарія Египетскаго отъ языка сочиненій Златоустаго; объ Гомерѣ, Гезіодѣ и т. п. мы уже и не говоримъ), — какая польза отъ него для будущаго священника, еслибъ онъ преподавался даже и какъ должно, и онъ изучилъ его въ совершенствѣ? „Онъ можетъ изучать Св. Писаніе на этомъ языкѣ, читать творенія Греческихъ отцевъ церкви.“ А гдѣ, въ какомъ селѣ найдется, — объ отцахъ церкви, такъ рѣдкихъ и дорогихъ; и говорить нечего, — гдѣ найдется хоть одна буква этого языка? Ни гдѣ. Значитъ и этотъ языкъ онъ учитъ единственно для того, чтобы забыть. И для этого онъ не дожидается окончанія семинарскаго курса, а спѣшитъ забыть его даже въ семинаріи. Для повѣрки сказаннаго пусть въ любой семинаріи спросятъ оканчивающихъ курсъ учениковъ, и вотъ окажется:

*) Антогонисты изученія новыхъ языковъ въ семинаріяхъ не видятъ всего этого, и какъ впдѣть? Стоятъ слишкомъ высоко. Не то сказали бы они, еслибъ сами побыли сельскими іереями.

изо ста 5—10 могутъ едва сносно перевести что либо изъ хрестоматіи; 10—20 съумѣютъ отличить одну часть рѣчи отъ другой; остальные не въ состояніи даже и читать книгъ — печати старинной.

Далѣе слѣдуютъ — катихизисъ и священная исторія. И вотъ то, что должно быть положено въ главу угла всякаго образованія, занимаетъ лишь третью степень; и гдѣ жъ? Въ духовныхъ училищахъ! Могутъ не повѣрить, да и въ самомъ дѣлѣ трудно повѣрить; но пусть только справятся съ чего начинаются экзамены въ семинаріяхъ для учениковъ поступающихъ изъ училищъ, и сколько для чего посвѣщается времени, и убѣдятся, что даже въ семинаріяхъ на катихизисъ и св. исторію смотрятъ какъ на предметы весьма не невысокаго значенія. Такъ они и преподаются въ училищахъ. Все дѣло ограничивается тѣмъ, что ученика заставляютъ зубрить и зубрить. Онъ зубритъ, почти всегда непонимая того, что зубритъ и особенно текстовъ. Ни въ душу же его ни въ сердце не проникаютъ ни одна благодатная мысль, ни одно святое чувство, ни одинъ высокій порывъ. Онъ заучилъ, что должно и что не доложно, но безъ всякаго внутренняго сознанія; въ 13—14 лѣтъ онъ не умѣетъ дать себѣ отчета, — почему это должно, а это — нѣтъ; отчего? оттого, что онъ училъ катехизисъ, какъ и все прочее; давали работу одной только памяти, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, чтобы разшевелить его сердце, внѣдрить въ немъ святыя истины и увлечь на путь добра.

Далѣе — грамматика русская. Не говоримъ уже объ величайшей нелѣпости, какая можетъ быть допущена лишь только въ духовныхъ училищахъ, считать мертвые языки главными предметами преподова-

нія, а живой свой, родной чуть — чуть не послѣднимъ, — граматика русская у насъ въ жалкомъ положеніи. Ученики тоже зубрятъ правила, не понимая ни духа, ни механизма языка. Отъ этого не только въ училищахъ, даже въ семинаріяхъ правописаніе камень претыновенія для многихъ. Что это не преувеличеніе, пусть повѣрятъ въ любой семинаріи; пусть прочтутъ какое либо писаніе какого либо сельскаго священника, который ограничилъ свое образоваоіе лишь тѣмъ, что получилъ въ семинаріи.

Прочіе предметы, которые не считаются ни главными, ни даже второстепенными, а чѣмъ-то въ родѣ дополненія, преподаются еще слабѣе.

Нотное пѣніе, то дикое, антимузыкальное пѣніе, которое услаждало нашихъ предковъ въ часы разгула, преподается съ особенною заботливостію. Нѣтъ нужды, что большая часть изъ того, надъ чѣмъ бьются ученики, уже не въ употребленіи не только въ сельскихъ, но даже и въ самыхъ монастыряхъ; нѣтъ нужды, что взамѣнъ этого допотопнаго обихода правительство издало — книги пѣнія, такъ называемаго придворнаго, этого простаго, но приспособленнаго къ духу нашего служенія пѣнія, которое одинаково поразительно-хорошо, исполняется ли цѣлымъ хоромъ или однимъ причетникомъ, лишь бы исполнялось вѣрно и поющіе или поющіе имѣли стройные, хорошо упрарляемые голоса. — На пѣніе придворное не обращается ни малѣйшаго вниманія, а убиваютъ время на обиходы и октоихи.

Теперь скажемъ — какъ учатъ въ духовныхъ училищахъ. Мы замѣтили выше, что учениковъ заставляютъ зубрить; именно — все училищное ученіе, по самой строгой справедливости, можно назвать наукой зубренія. Здѣсь не обращается ни малѣйшаго

вниманія на способности ученика: „выучить отъ N. до N.“, гласить учитель; а о томъ, для всѣхъ ли это возможно, у него и помышленія нѣтъ; а о томъ, чтобы облегчить какъ нибудь трудъ того кого Богъ не наградилъ легко воспринимающею памятью, у него никогда заботы нѣтъ. Приходитъ время отдавать уроки: не многіе приготовили, большая часть нѣтъ. Изъ неприготовившихъ одни сдѣлали это отъ лѣни и шалости другіе отъ недостатка способностей. И что жъ? Учитель не даетъ себѣ ни малѣйшаго труда — повѣрить дѣйствія своихъ учениковъ: и легче и удобнѣе наказать всѣхъ; и онъ наказываетъ на всей своей волѣ. Какое же слѣдствіе этого? Прилежный но малоспособный, бичуемый одинаково съ лентяемъ и шалуномъ, въ свою очередь бросаетъ всѣ труды и дѣлается лѣнтяемъ. Не все ли равно думаетъ онъ, быть наказаннымъ, — пробьюсь ли я всю ночь и не выучу, или вовсе не буду учить? Такимъ образомъ изъ мальчика, который при терпѣливомъ, кроткомъ и заботливомъ направленіи своихъ способностей, могъ бы сдѣлаться хорошій ученикъ, дѣлается неисправимый лѣнтяй. Напрасно погибаетъ въ немъ и то не многое, что даровалъ ему Господь; погибаетъ и всякая энергія къ труду Случается и не рѣдко, такіе переводятся въ семинарію и даже оканчиваютъ курсъ; но всѣ семинарскія задачи работаются для нихъ другими; остальное восполняется приношеніями отечественными. Вотъ почему не рѣдкость видѣть ученика семинаріи въ состояніи совершеннаго бездѣйствія — тѣлеснаго и душевнаго; онъ сидитъ или лежитъ въ продолженіи многихъ часовъ съ полусонными глазами, безъ заботъ, тревогъ, думъ; его не волнуетъ и не шевелитъ ни тѣнь мысли!

Далѣе почти цѣлая половина училищнаго време-

ни употребляется на такъ называемыя конструкціи. Что это за операціи, считаемъ нужнымъ пояснить. Диктуютъ сначала что-нибудь на русскомъ языкѣ, и потомъ надъ каждымъ словомъ назначаютъ латинское или греческое слово въ первоначальной его формѣ. Ученики должны граматически измѣнить формы ихъ, чтобы образовалось мысль соотвѣтственно съ тѣмъ, что написано на русскомъ языкѣ. Цѣль всей этой операціи,*) — должна же быть цѣль въ самыхъ безсмысленныхъ дѣйствіяхъ, — вѣроятно та, чтобы приучить ученика къ переводамъ съ русскаго на латинскій и греческій языки. Но для чего же все это будущему іерею? Положимъ, чего никогда не можетъ быть, онъ совершенно успѣлъ въ этомъ дѣлѣ и прекрасно переводитъ на который либо языкъ; но какая же изъ этого польза для него? Къ чему и для чего ему это умѣнье? Что онъ переводить будетъ, и для кого и для чего? — И вотъ, съ невольною, невыно-

*) Вотъ какъ образованнѣйшіе педагоги разсуждаютъ объ этомъ. "Вы услышите въ школахъ, что при чтеніи латинскихъ писателей (а у насъ и не при чтеніи, а просто выдернутъ откуда-нибудь клокъ, безъ связи, нерѣдко безъ смысла, исказятъ его нелѣпѣйшимъ переводомъ на русскій языкъ и заставляютъ искажать еще болѣе перетаскиваніемъ обратнымъ) заставляютъ отыскивать латинскую конструкцію. Вотъ еще новый способъ губить дарованія, потемнять свѣтлый отъ природы умъ." (Давидовъ. Объ изученіи Латин. яз. Москв. 1842 года ч. VI. стр. 343). И этимъ способомъ — губить дарованія въ духовныхъ училищахъ душатъ мальчика почти каждодневно въ училище и въ праздники на квартирахъ!... Ужъ если, мудрые педагоги наши, не въ состояніи понимать дѣла, то хоть бы читали, какъ судятъ объ этомъ люди, глубоко изучившіе педагогику; такъ и этого не хотятъ дѣлать!!...

симою грустью должно сказать: когда все и вездѣ движется впередъ, мы одни стоимъ на той же точкѣ, на которую поставили насъ Поляки, первые наши учители. Не только предметы, которые они считали главными, и до селѣ у насъ считаются такими же, даже методъ преподованія сохранился неизмѣннымъ; даже средства — заставить мальчика учиться, эти убійственныя для всякаго успѣха средства: страхъ и казни, — остались неизмѣнными, не смотря на видимыя преобразованія духовныхъ училищъ. Преобразованія — громкое слово; но что же преобразовано? Введены нѣкоторые предметы, которымъ не учились отцы и дѣды наши; классы, вмѣсто фары, инфимы и пр., стали называться: высшее, среднее, низшее отдѣленіе; и только? — Да не обинуясь скажемъ: только!! Сдѣланы внѣшнія, и то самыя ничтожныя преоброзованія; внутреннее же его значеніе тоже, что было въ прошедшія вѣка. Скажемъ больше: настоящее наше образованіе безконечно ниже, ничтожнѣе того, какое получали отцы и дѣды наши: они знали хоть что-нибудь, но знали основательно; изъ училищъ выходили прекрасные латинисты; теперь же, что знаютъ основательно ученики училищъ и семинарій? Ничего, ни даже латыни! —

И вотъ ученикъ кончилъ училищный курсъ и, такъ или иначе, переходитъ въ семинарію. Какой же запасъ вынесъ онъ изъ училища для дѣйсвительной жизни? Никакого! Почти все, на что онъ употребилъ шесть лѣтъ, ни къ чему: все училъ онъ для того, чтобы скорѣе или медленнѣе забыть. Не убиты ли значитъ вполнѣ и всецѣло эти лучшіе годы жизни?

Ради чего жъ онъ вытерпѣлъ столько наказаній, перенесъ столько мукъ, пролилъ столько слезъ? И еще, еслибъ эти годы были только убиты, сгибли безъ пользы; нѣтъ, въ теченіи ихъ глубоко заронилось въ юную, воспріимчивую душу семя зла. Что онъ видѣлъ постоянно въ квартирѣ своей? Грязъ и поронъ. Что онъ видѣлъ въ училище? Туже грязь. Что видѣлъ въ начальникахъ и учителяхъ? Злыхъ и жестокихъ наемниковъ, единственная цѣль дѣйствій которыхъ — грабежъ, смѣлый, непреслѣдуемый и ненаказываемый; видѣлъ, что для учителя, часто не трезваго, не существуютъ ни законъ, ни правда, ни совѣсть: что онъ безнаказанно казнитъ и милуетъ, и что единственное средство избавиться отъ козней — давать деньги, какъ можно болѣе денегъ или инаго чего; — вотъ что неотступно передъ глазами его было цѣлыхъ шесть лѣтъ! ... Мудрено и взрослому продышать цѣлыхъ шесть лѣтъ въ такой губительной атмосферѣ и не заразиться; чего же хотѣть и ждать отъ мальчика? И весь страшно заражается онъ. Грубѣетъ и искожается его нравственное чувство. Безъ отвращенія смотритъ онъ на самый грубый развратъ. Съ нимъ безумно жестоки, — ожесточается онъ; съ его отца выжимаютъ деньги, — выжимаетъ и онъ, если только имѣетъ возможность, если напр.: онъ авдиторъ или старшій. Словомъ, въ немъ отражается все дурное, что только было въ квартирахъ и училищѣ. И вотъ основной камень его образованія, которое должно приготовить изъ него будущаго служителя православной церкви! Исключенія встрѣчаются, и послѣ такого гибельнаго начала выростаютъ добрые ученики, которыхъ видно самъ Господь хранитъ; но къ несчастію, такія исключенія рѣдки. О вы, слѣпые судьи чужихъ дѣлъ! Такъ безпощадно преслѣдуете вы и насмѣшкой и

презрѣніемъ несчастныхъ іереевъ; но еслибъ провести васъ сквозь этотъ омутъ, что зовется нашимъ образованіемъ. — Богъ знаетъ, вышли-ль бы вы чище, были-ли бы вы лучше въ жизни! . . .

Не поправитъ ли дѣла семинарія? Не вырветъ ли она зла съ корнемъ? — А вотъ увидимъ.

СЕМИНАРСКОЕ ОБРАЗОВАНІЕ.

Цѣль всякаго спеціальнаго образованія — приготовить достойныхъ людей къ тому или другому роду службы. Чѣмъ выше эта служба, тѣмъ строже должна быть обсуждена программа этого образованія; въ составъ ея должно входить лишь то, что прямо ведетъ къ предположенной цѣли, что самымъ дѣломъ изъ мальчика можетъ сдѣлать достойнаго дѣятеля на предположенномъ ему жизненномъ пути Пусть такое образованіе будетъ далеко не энциклопедическое; что нужды? Было бы оно прочно, было бы оно такъ поведено и направлено, чтобы образующійся заранѣе всей душой и всѣмъ сердцемъ полюбилъ будущее свое дѣло, всѣмъ существомъ своимъ предался ему такъ, чтобы въ послѣдствіи ни что не могло отвлечь отъ него; пусть онъ заранѣе ознакомился бы со всѣми сторонами своего дѣла, изучилъ бы тѣ способы, которые вѣрнѣе и надежнѣе могутъ вести къ успѣху и довольно. Такъ образованный будетъ дѣлателемъ полезнымъ.

Что служеніе священническое на столько же выше всѣхъ службъ гражданскихъ, на сколько небо выше земли, вѣчность выше временнаго, противъ этого, надѣемся, никто не станетъ спорить. Значитъ и программа образованія тѣхъ, которые готовятся къ этому служенію, должна быть обсуждена строжайшимъ об-

разомъ. Въ кругъ этого образованія должно быть введено лишь то, что предуготовитъ ихъ — быть вѣрными, ревностными и неукоснительными служителями Христа, провозвѣстниками Его спасительнаго ученія и неусыпными стражами Его стада. Все прочее можетъ быть только допущено по, стольку сколько содѣйствуетъ главной цѣли.

Смотримъ на программу семинарскаго образованія, — и что же видимъ? Богословіе, Философія, Риторика, Математика, Физика, Агрономія, Медицина и. пр. и. пр. Что же къ чему готовятся изучающіе все это? Если-бъ дать прочесть эту программу иностранцу, то онъ рѣшительно сталъ бы въ тупикъ, особенно когда бы увидѣлъ, что какъ на изученіе богословіи полагается два года, такъ и философіи и реторики. Ясно, что изъ ученика семинаріи хотятъ сдѣлать немножко бо́гослова, немножко философа, немножко ритора, агранома, медика. А что должно выходить по суду здраваго смысла и по свидѣтельству опыта на самомъ дѣлѣ? Да ровно ничего. Въ дѣлѣ образованія всѣ немножко весьма близко граничатъ съ ничѣмъ; и чѣмъ болѣе этихъ немножко, какъ напр. въ семинаріяхъ, тѣмъ вѣрнѣе сумма всего образованія сложится въ количество близкое къ нулю. Такъ и выходитъ изъ ученика семинаріи — ни богословъ, ни философъ, ни агрономъ, ни медикъ! . . . Всѣ преподаваемыя науки смутно проносятся передъ очами его неустоявшагося самосознанія, потому что всѣ преподаются лишь въ общихъ, неопредѣленныхъ чертахъ; въ душѣ его не остается никакого живаго чувства: въ немъ не раждается ни влеченія, ни привязанности ни къ одной наукѣ, потому что онъ не ознакомился, какъ должно, ни съ одной. Кажется, не разумная воля управляетъ всѣмъ его образованіемъ, а слѣпая

судьба; по крайней мѣрѣ, въ весь семинарскій курсъ не одинъ ученикъ не мотъ дать себѣ отчета: къ чему готовится онъ? — И по окончаніи курса онъ не имѣетъ особеннаго влеченія ни къ чему: онъ готовъ быть священникомъ, учителемъ, подъячимъ, — всѣмъ чѣмъ угодно. Чтожъ это за образованіе?

По если нелѣпа и безсмысленна программа семинарскаго образованія, то еще нелѣпѣе, еще безсмысленнѣе идетъ самое дѣло образованія. Невольно думаешь: не устроено ли все намѣренно такимъ образомъ, чтобы изъ учениковъ семинаріи приготовить полныхъ невѣждъ — съ огромными претензіями? Начнемъ съ начальниковъ и наставниковъ.

Главное лице въ семинаріи, имѣющее обширнѣйшее вліяніе на учениковъ — ректоръ семинаріи, всегда монахъ. Странность ни чѣмъ необъяснимая: главнымъ двигателемъ и наблюдателемъ надъ образованіемъ юношества, большая часть котораго предуготовляется въ сельскіе іереи, назначается лице, на всегда отчуждившися отъ міра и всѣхъ его волненій и всѣхъ его требованій, лице, по крайней мѣрѣ, по идеѣ, умершее всему живущему въ этой плачевной юдоли, что зовется земля. Онъ всегда магистръ, т. е. ученый, — пусть даже ученѣйшій мужъ; но что-жъ такая отвлеченная ученость для дѣйствительной жизни? Славнѣйшіе мудрецы — развѣ не всегда дѣти въ дѣлѣ житейской мудрости? Гдѣ жъ изучилъ ее, эту неуловимую ни какимъ умомъ, а лишь познаваемую опытомъ мудрость онъ — магистръ и даже докторъ богословіи? Не въ стѣнахъ же академіи и того или другаго монастыря, гдѣ онъ начальникъ; да и не могъ, еслибъ хотѣлъ изучить ее. Здѣсь въ дѣйствительной жизни все: и высочайшій подвигъ добра и

порокъ во всей наготѣ своей, и ангелы небесные и демоны преисподней, развѣ можно (т. е. позволено и должно) монаху окунутся въ этотъ омутъ? А если нельзя, то какое жъ понятіе его объ жизни? Еще, если бъ большинство этого юношества предуготовлялось для жизни аскетической, тогда ректоръ — монахъ было бы явленіе понятное; а то — юношество, готовящееся на борьбу съ плотію и кровію, съ обоятельною властью князя пренебеснаго и съ міромъ возлѣ лежащимъ, — что узнаетъ это юношество объ вѣрныхъ и надежныхъ средствахъ вести успѣшно эту борьбу изъ самыхъ ученыхъ, но лишь теоретическихъ, уроковъ своего ректора? Нѣтъ, руководителемъ образованія будущихъ іереевъ долженъ быть самъ іерей, не столько ученый, сколько искусившійся въ жизни, самъ испытавшій все, что ждетъ его учениковъ на будущемъ тяжкомъ ихъ поприще. Пусть не передаетъ онъ всѣхъ схоластическихъ тонкостей богословія; но покажетъ многообразное, безконечно различное, часто поразительно — рѣзкое, еще чаще едва замѣтное, едва уловимое дѣйствіе страстей человѣческихъ; но научитъ ратовать противъ нихъ: это неоцѣнимый, ни чѣмъ не замѣнимый даже огромнѣйшими курсами богословія, запасъ для будущаго іерея! Мы уже не говоримъ о томъ, что ректоръ — монахъ, въ годы самаго страшнаго дѣйствія страстей въ человѣкѣ, свободно располагающій своимъ временемъ и большими средствами, нерѣдко примѣромъ своимъ убиваетъ и то не много, доброе, что успѣетъ передать словомъ; не говоримъ до какихъ погибельныхъ крайностей иногда доходитъ это . . . Пусть кому угодно и кому нужно пройдутъ изъ конца въ конецъ Россію и внимательно прислушаются, что говорятъ объ ректорахъ семинарій, — див-

ныя вещи услышатъ, конечно не вездѣ, а во многихъ, многихъ мѣстахъ! . . .

Наставники въ семинаріи большею частью магистры; не смотря на то рѣдко приносятъ они всю ту пользу дѣлу образованія, которую должны бы приносить Причиной этого тотъ порядокъ, который ведется при назначеніи профессоровъ Здѣсь необращается ни малѣйшаго вниманія на способности ихъ педогогическія: кончилъ курсъ академіи и — достаточно, будь профессоромъ, хоть бы въ устной рѣчи не умѣлъ связать двухъ словъ толкомъ. Кромѣ того, большею частью назначаются не на тѣ предметы, въ которыхъ кто сильнѣе, а на первые, которые представятся не занятыми въ какой либо семинаріи, хоть бы они объ нихъ не имѣли никакого понятія. Словомъ, при назначеніи профессоровъ ни особенныхъ испытаній ни пробныхъ лекцій, какъ это въ заведеніяхъ; а просто предостовляется на волю судьбы. Знатоки напр., математеки толкнула судьба на классъ философіи, которую онъ знаетъ и понимаетъ сколько и будущіе его ученики, и — будь профессоромъ — философомъ; съ особеннымъ успѣхомъ занимавшагося философіей толкнула судьба на классъ математеки, совершенно ему чуждой, и — преподавай ее! . . . Бываетъ и то: студентъ академіи прошелъ весь курсъ и не вынесъ ничего; и что жъ? И его посылаютъ наставникомъ на какой-нибудь предметъ второстепенный; прослужитъ онъ года три-четыре, — видятъ, что нестерпимо — плохо преподаетъ (плохо по семинарски, на общечеловѣческомъ языкѣ равняется чистѣйшему нулю), — его толкнутъ на другой предметъ, тамъ на третій; такъ и толкаютъ до тѣхъ поръ, пока онъ или выйдетъ во священника, или дослужится до пансіона... Послѣ такихъ мудрыхъ распорядковъ, каково-жъ

должно идти самое преподованіе? О, еслибъ люди истинно образованные послушали, что и какъ преподается въ семинаріяхъ!... Не знаемъ, какое чувство сильнѣе овладѣло бы ими: смѣха ли на эту жалкую и пошлую карикатуру образованія; скорби ли объ этомъ несчастномъ юношествѣ, Богъ знаетъ за что, осужденныхъ на неисходное невѣжество; негодованія ли, что время и силы и трудъ учениковъ гибнутъ рѣшительно даромъ; отвращенія ли къ монахамъ, которые, забравши все въ свои руки, цѣлію всѣхъ своихъ дѣйствій имѣютъ: деньги, удовлетвореніе своихъ страстей — отъ тщеславія и до..., а о благѣ ввѣренныхъ имъ помышляютъ менѣе, чѣмъ о какомъ-нибудь науромъ... Но знаемъ, что хладнокровно они не въ состояніи были бы оставить семинарію, узнавши каково тамъ преподованіе; такъ хорошо, усердно, плодотворно, завлекательно оно все — отъ богословіи до Еврейскаго языка включительно.

Возмемъ напр.: Богословіе, эту науку изъ наукъ, важнѣйшее изъ знаній человѣческихъ, краеугольный камень его образованія, его жизни. Холодно, безучастно, безжизненно читаетъ профессоръ свою лекцію, — какой-нибудь отрывокъ изъ записокъ академическихъ, или переводъ, съ грѣхомъ пополамъ, изъ какого-нибудь германскаго и лютеранскаго богослова: холодно и безучастно слушаютъ ее и не знаютъ какъ дождаться конца. Профессоръ приказываетъ ее заучить; худо или хорошо ее заучиваютъ, — тѣмъ и все дѣло оканчивается. Слѣдовательно, заставляютъ работать лишь память, а о томъ, чтобы ученіе божественное и спасительное взволновало всю душу, неизгладимо врѣзалось въ сердцѣ, претворилось въ плоть и кровь учениковъ, — о томъ и не помышляютъ. Какія же слѣдствія этого? Ученики и на богословіе смотрятъ какъ и на

всякую другую науку, т. е. какъ на тяжелое бремя, отъ котораго не знаютъ, какъ избавится. Заученное они помнятъ только пока въ семинаріи; прожили годъ-другой на мѣстѣ — и все забыто, и не одного догмата не съумѣютъ они объяснить удовлетворительно, и о цѣломъ курсѣ богословія у нихъ сохроняется темное воспоминаніе, что вотъ N. N. читалъ что-то. Самое нравственное богословіе также лишь заучивается и ни сколько не прилагается къ жизни; сухо и мертво говорятъ: обязанности къ Богу такія-то, къ ближнему такія-то; говорятъ такъ, какъ сказали бы: была Семирамида, жилъ Астіагъ, до которыхъ никому дѣла нѣтъ. Отъ-этого ученикъ, выслушавшій утромъ лекцію о недѣланіи чего либо, вечеромъ дѣлаетъ именно это самое. Попался, его спѣшатъ наказать, не взявши на себя ни малѣйшаго труда пробудить въ немъ сознаніе въ черноте своего поступка, и объяснить ему всѣ гибельныя послѣдствія подобныхъ поступковъ въ жизни. И наказанный жалѣетъ не о томъ, что сдѣлалъ дурное, а о томъ, что не съ умѣлъ скрыть сдѣланнаго. И привыкаетъ хитрить, лгать и обманывать всѣми средствами и мѣрами. Скажутъ: „Это преувеличено; есть ученики прекраснѣйшей нравственности.“ Да, бываютъ, — изо ста человѣкъ другой — третій, но не семинарскому образованію обязаны они тѣмъ, а или тому, что къ счастію воспитываются на глазахъ отца, или природному влеченію къ добру. — Преувеличено? Нѣтъ, нескажетъ этого тотъ, кто самъ прошелъ семинарскій курсъ, и кто захочетъ сказать правду передъ Богомъ и совѣстью. Отъ архіерея и до послѣдняго инспектора семинаріи — у всѣхъ забота одна, чтобы ученики трепетали передъ ними; а чтобы пріобрѣсти ихъ довѣренность, любовь, дѣтскую покорность, чтобы ученики съ полною откровен-

ностію открывали свою душу передъ ними, какъ передъ любимыми родителями, о томъ ни у кого никогда не бываетъ помысла. Вслѣдствіе этого каждый поступокъ ученика неизбѣжно влечетъ за собою казнь, если онъ обнаруженъ; а чтобы разобрать, взвѣсить значеніе этого поступка, чтобы опредѣлить — намѣренный онъ или нѣтъ, развращенное ли сердце или увлеченіе неопытной молодости причина его, и сообразно съ этимъ одному назначить физическое наказаніе, для другаго удовольствоваться строгимъ выговоромъ передъ товарищами, или отеческимъ совѣтомъ въ кабинетѣ, — это дѣло небывалое въ семинаріяхъ. „Казни всѣхъ безпощадно, лучше будутъ бояться.“ — Вотъ система семинарскаго управленія. А кому неизвѣстно, что послѣднее дѣло — страхомъ казней останавливать человѣка отъ злыхъ проступковъ? Нѣтъ, пробудите въ немъ любовь къ добру, влеченіе къ чистой жизни, и — онъ будетъ добръ, и чиста будетъ жизнь его среди всѣхъ искушеній и соблазновъ. *Ἐγκαινισμὸς νέᾳ κατὰ τὴν ὁδὸν αὐτῆς, κάμγε ὅταν γηράσῃ, ἐκ ἀποσήσεται ἀντ' ἀυτῆς*, —*) а этого-то и нѣтъ въ семинаріяхъ! Чегоже ждать добраго отъ такого образованія? Юноша не привлеченъ къ добру; и сдѣлавшись мужемъ, въ какое званіе ни былъ бы поставленъ, онъ не понимаетъ и не цѣнитъ его, и легко и скоро привлекается ко всему злому, и страшно падаетъ, и безсиленъ возстать! Злое и дурное обращается ему въ прывычку и дѣлается второй его природой.

Возмемъ Философію. Смѣшно и горько видѣть, что и какъ преподается въ семинаріяхъ подъ этимъ

*) *Πορομι.* XXII. 6. Въ Славянской Библіи этотъ текстъ пропущенъ; смыслъ его: поставь юношу на путь его, и до старости онъ не сойдетъ съ его. *Ἐγκαινισμὸς* — возстановленіе, укрепленіе, instauratio.

громкимъ названіемъ. Не заставляютъ учениковъ путемъ собственнаго мышленія искать истину; нѣтъ, а заставляютъ учить, еще иногда и на латинскомъ языкѣ, какую-нибудь нелѣпѣйшую компиляцію изъ quasi философовъ XVII. и XVIII. вв., компиляцію, сдѣланную безъ толку, безъ смысла, изъ десяти разныхъ авторовъ, безконечно различныхъ между собою, какимъ нибудь самодѣльнымъ философомъ профессоромъ. И бьются несчастные ученики надъ изученіемъ этой безтолковой и безцѣльной мудрости; заучивъ бойко отвѣчаютъ и на экзамѣнахъ; а въ существѣ дѣла ни въ состаяніи дать себѣ отчета, — что это онъ дѣлаетъ и для чего. Не вдумывался онъ самъ ни во что, потому что его заставляли учить и учить; учить букву, а не смыслъ, до того, что если онъ въ отвѣтъ одну фразу замѣнялъ другою, равносильною, то профессоръ, съ тетрадкою въ рукѣ, сей часъ же остонавливалъ его и приказывалъ отвѣчать какъ написано. И ни что не оставалось въ головѣ его; и на всю эту науку, даже среди самаго курса ея онъ смотрѣлъ какъ на что-то темное, непроницаемое, гдѣ нѣтъ Божьяго свѣта.

Говорить-ли о преподаваніи другихъ наукъ? Кажется, нѣтъ нужды. Если такъ преподаются тѣ, которые считаются главными, то понятно, какъ должны преподоваться второстепенныя. И ученики или совсѣмъ не ходятъ на эти классы и убиваютъ время на квартирахъ за картами; или запасаются романами, и преспокойно, необращая не малѣйшаго вниманія на профессора, развращаютъ свою душу чтеніемъ какого-нибудь нелѣпѣйшаго произведенія французской школы. Скажемъ по нѣскольку словъ объ недавно введенныхъ агрономіи и медицинѣ.

Прекрасно, по видимому, цѣль, съ которою ввe-

дена агрономія; священникъ будетъ самъ земледѣльцемъ, не рутиннымъ а ученымъ, свое знаніе передаетъ и прихожанамъ, — и процвѣтетъ хозяйство, какъ его самаго, такъ и всей его паствы; на что лучше? И преподаватели уже вездѣ ученые, воспитанники образцовыхъ земледельческихъ школъ; пусть онѣ вездѣ не дѣлаютъ ничего и вся эта наука въ презрѣніи у самаго начальства; пусть ни одинъ изъ окончившихъ семинарскій курсъ не съумѣетъ отличить одной почвы отъ другой, мергиля отъ гипса; нѣтъ нужды, была бы введена наука, и пусть она идетъ, какъ судьбѣ угодно. По предположимъ, что судьба распорядилась именно такъ, что эта наука пошла прекрасно; въ самомъ ли дѣлѣ прекрасна цѣль, съ которою введена она? И можетъ ли быть она достигнута, т. е. священникъ будетъ агрономомъ образуемъ для своихъ прихожанъ? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы предложимъ еще нѣсколько вопросовъ. Къ чему готовится большинство учениковъ въ семинаріи? Не къ тому ли, чтобы быть іереями въ селахъ или городахъ? — Конечно, да. И не желаетъ ли начальство, чтобы эти ученики, впослѣдствіи, были іереями не по имени только, а самымъ дѣломъ, т. е. ревностно, неусыпно заботились о спасеніи душъ какъ своихъ, такъ и тѣхъ, которые будутъ ввѣрены ихъ паствѣ? — Безъ сомнѣнія, да. — А если такъ, то не ужли не знаютъ, что священнику, на рукахъ котораго бываетъ отъ тысячи до двухъ съ половиною и болѣе душъ, мужескаго и женскаго пола, не много уже останется времени отъ главнаго его дѣла, на какія бы то ни было посторонніе дѣла? Что мы сказали: не много останется времени? Да если священникъ понимаетъ, какъ должно, что за каждую душу нужно будетъ дать строжайшій отчетъ, то онъ найдетъ, что и двадцати четырехъ часовъ

въ сутки ему мало для того, чтобы — однихъ оберегать отъ соблазновъ, другихъ укреплять въ вѣрѣ, и добрѣ, — словомъ, вести всѣхъ къ цѣли горняго званія: до агрономіи ли тутъ? И пойдетъ ли она въ голову, когда — тутъ нужно совершать служенія, съ необходимыми приготовленіями къ нимъ, тутъ приготовить поученіе, тутъ съ пособіями и вещественными и духовными посѣтить болящаго, тутъ приготовить къ страшной минутѣ умирающаго, тутъ примирить ссорящихся; — словомъ, каждую минуту быть всѣмъ вся, безъ чего онъ не будетъ іереемъ достойнымъ? Помѣщику управляющему возможно и должно быть агрономами, — это главная цѣль ихъ жизни; но священнику, настоящему а не такъ называемому только физически, невозможно. „Но владѣютъ же теперь священники землями и обдѣлываютъ ихъ.“ Къ величайшему несчастію, да. Какія слѣдствія этого, будетъ сказано на своемъ мѣстѣ. Одно можетъ быть только допущено, и то не какъ дѣло, а какъ отдыхъ отъ дѣла, такъ тревожныхъ и утомительныхъ для духа — садоводство. Значитъ, и прекрасно преподанная агрономія въ дѣйствительной жизни сельскаго іерея — ни къ чему: не она его званіе, не она его дѣло. Предположимъ однако же и то, чего не можетъ быть на дѣлѣ, что священникъ имѣетъ и время и страсть быть агрономомъ, да гдѣ же у него средства для этого? А какимъ нибудь чудомъ нашлись средства, такъ его полосы лежатъ среди полосъ причета; онъ бы хотѣлъ ввести что-нибудь новое и лучшее, такъ они не хотятъ, или не могутъ; тутъ что дѣлать? И видя и созновая все дурное въ своемъ хозяйствѣ, онъ не въ состояніи измѣнить ничего; и ведетъ его, какъ вели отцы и дѣды, т. е. пересыпаетъ изъ пустаго въ порожное. Къ чему-жъ было и учить его? — Пред-

видимъ и еще возроженіе: „не всѣ ученики поступятъ въ іереи; не нашедшіе мѣста могутъ поступить въ управляющіе. На основаніе этого можно-бъ ввести и еще сотню другихъ наукъ: могутъ поступить туда и туда; да только и теперь изъ-за столькихъ наукъ ученики не усвоиваютъ себѣ ни одной, ни даже главной; а тогда развѣ бы совсѣмъ съ ума свели. Не то нужно бы сдѣлать: учениковъ лишекъ сравнительно съ мѣстами и желаютъ обезпечить будушую судьбу ихъ, такъ пусть сдѣлаютъ строжайшую сортировку: однихъ оставятъ въ семинаріи и готовятъ ихъ, но ужъ собственно, въ іереи, другихъ отправятъ въ земледельческія школы: тамъ они въ самомъ дѣлѣ приготовятся въ управляющіе, а ужъ ни какъ не въ семинаріи, т. е. каждый пусть готовится къ тому, чѣмъ быть долженъ, а отнюдь не ко всему.

Теперь объ Медицинѣ. Вотъ наука, которая должна идти въ семинаріяхъ объ руку съ главнымъ предметомъ, и которая извѣстна такъ только по имени, хотя и введена въ курсъ наукъ семинарскихъ. — Спаситель не только училъ но изцѣлялъ. Глубоко-знаменательный примѣръ! И на чтобы лучше этого примѣра, чтобы образовать настоящего іерея? Такъ нѣтъ, нужно хитрить и мудровать; нужно ввести десятки наукъ, которыя рѣшительно не нужны ни для сельскаго іерея, ни для паствы его, и пренебрегать наукой, въ которой не стоитъ существенная необходимость и которая, какъ нельзя болѣе, полезна для іерея. По селеніямъ нѣтъ лекарей; отъ этого тамъ раздолье знахарямъ и ворожеямъ, этимъ губителямъ душъ и тѣлъ несчастныхъ крестьянъ, — губителямъ, достойнымъ всѣхъ каръ и козней; отъ этого тамъ гибнутъ иногда сотнями отъ такихъ болѣзней, которыя могли быть своевременными и умными мѣрами оставлены и совер-

шенно прекращены. Правда есть уѣздные врачи; но что одинъ врачь на сотни тысячъ крестьянъ, изъ которыхъ состоятъ уѣзды? Будь онъ усерденъ, дѣятеленъ, какъ только вообразить можно, — ему физически не возможно поспѣвать къ больнымъ во всѣ концы уѣзда, который не рѣдко раскинутъ на пространствѣ 300—500 верстъ. Но такой врачь явленіе не бывалое въ уѣздныхъ городахъ. Всѣ эти господа своему дѣлу предпочитаютъ спокойствіе, комфортъ, а не рѣдко и чарку. Живя постоянно въ городѣ, въ селенія они выѣзжаютъ не иначе, какъ на слѣдствія или къ паціентамъ помѣщикамъ. Дѣло невиданное и не слыханное, чтобы врачь рѣшился поѣхать въ домъ крестьянина, хоть бы даже верстъ за пять отъ города. Даже въ своемъ домѣ за осмотръ, — всегда небрежный, неимовѣрно грубый, больному они назначаютъ такое вознагражденіе, которое ужъ никакъ не по силамъ крестьянамъ. А если прибавить къ этому рецептъ въ два, три и болѣе рублей (дешевыхъ рецептовъ не бываетъ) съ успѣхомъ весьма сомнительнымъ, то можно будетъ понять, почему крестьяне боятся врача не менѣе всякой болѣзни, и соглашаются терпеть самыя невыносимыя страданія, а необращаться за пособіями къ врачу. Чѣмъ поправить такое зло? — Одно средство: сдѣлать священника врачемъ, — настоящимъ врачемъ, а не поимени только. Пусть сдѣлаютъ это, и сколько благихъ, спасительныхъ послѣдствій выйдетъ изъ этого для крестьянъ! Находясь всегда въ кругу своей паствы, во время взять всѣ нужныя мѣры противъ недуга; а кому неизвѣстно, что это во время весьма часто спасаетъ больнаго, и самыми ничтожными средствами? При недугѣ усилившимся, день за днемъ онъ можетъ слѣдить за развитіемъ его и бороться съ нимъ. Такъ, — это для паствы; а кромѣ

того, сколько прекрасныхъ и вѣрныхъ средствъ дадутъ ему для достиженія главной цѣли его служенія! Для врача тѣла всегда открыта душа болящаго; при слабости организма душа доступнѣе всѣмъ впечатлѣніямъ, всѣмъ совѣтамъ и убѣжденіямъ. И вотъ бы когда, врачуя тѣло, священникъ на сквозь бы проникъ въ душу пасомаго, на всегда открылъ бы въ нее свободный доступъ для себя, легко могъ бы направить ее на путь спасенія и неуклонно вести по нему. Вотъ бы когда, возстанавливая болящаго съ одра болѣзни, могъ иногда потрясти всего внутренняго человѣка, а не во время машинальной, холодной поспѣшной, безжизненной, какъ теперь, исповѣди. Врачь тѣла, и въ одномъ и томъ же лицѣ врачь души, — Отецъ Небесный, сколько добра, сколько добра — чистаго, высокаго, могло бы посѣвать это лице непрестанно во кругъ себя!... Благодарность, довѣренность и наконецъ любовь, — вотъ бы что соединяло пастыря съ пасомыми; вотъ бы что лежало въ основаніи всѣхъ сношеній между ними, а не эта необходимость, противъ которой не рѣдко возмущаются крестьяне, — необходимость повѣнчать свадьбу, похоронить покойника и т. п. Но напрасно мы захотѣли бы описать всю пользу, которая вытекала бы изъ знанія сельскими священниками медицины; она выше всего, что можемъ сказать мы И мы не преувеличиваемъ дѣла ни на волось. На опытѣ мы видимъ, что такое священникъ-врачь, и врачь эмпирикъ, не только въ своемъ приходѣ, но и въ цѣломъ околодкѣ... Это общій совѣтникъ, другъ, къ которому обращаются за пособіями, даже въ страшнѣйшихъ болѣзняхъ душевныхъ. Что жъ было бы, еслибъ каждый священникъ былъ врачемъ настоящимъ?

Но возможно ли сдѣлать это? О весьма возмо-

жно, лишь бы захотѣли. Курсъ семинарскій шесть лѣтъ; пусть уничтожатъ науки безполѣзныя и малополѣзныя для сельскаго іерея) реторику, философію, математику, агрономію, языки: греческій и еврейскій; исторію — и всеобщую и церковную, пусть сократятъ на половину, — все равно не знать ничего, проходятъ ли ее по обширнѣйшимъ или по кратчайшимъ учебникамъ и пр.) и этого времени совершенно достаточно, чтобы пройти полный курсъ медицины со всѣми привходящими къ ней науками. По неприложнымъ условіемъ при этомъ должно быть слѣдующее: профессоры должны быть назначаемы начальствомъ академіи медицинской съ самымъ строгимъ разборомъ; какъ они, такъ и самое преподаваніе должны быть подъ непосредственнымъ, строжайшимъ надзоромъ университетовъ или академіи; иначе все дѣло пойдетъ на выворотъ, не лучше теперешняго. Далѣе, — ученики окончившіе курсъ, должны держать экзамены отнюдъ не въ семинаріяхъ, а въ тѣхъ же университетахъ, чѣмъ и будутъ повѣряться и знаніе дѣла и усердіе къ нему профессоровъ. Противъ этого могутъ сказать: „не всѣ-жъ имѣютъ средства добраться до столицъ и прожить тамъ нѣсколько времени.“ А суммы въ комитетахъ попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія на что скапливаются? Не лучше ль былобы употреблять ихъ на подобныя, безконечно полѣзныя дѣла? Наконецъ, въ поощреніе всѣхъ, получившимъ степень лекаря давать лучшія мѣста въ эпархіяхъ. Могутъ сказать: „для всего этого нужны новые профессоры, нуженъ анатомическій музей; а гдѣ средства?“ Все этого нужно на первый разъ и весьма легко можетъ устроиться, лишь бы захотѣли устроить. Съ уничтоженіемъ не нужныхъ предметовъ уничтожатся и профессоры, теперь рѣшительно даромъ

получающіе жалованье; ихъ мѣстами заступятъ профессоры медицины. А что до нужныхъ аппаратовъ, то стоитъ подвергнуть строжайшему контролю суммы, назначаемыя на семинаріи, да по строже смотрѣть за экономами, и въ три, четыре года ихъ можно пріобрѣсти всѣ. А не это, такъ собрать съ церквей и монастырей (что для инаго монастыря 1000 р. и для иной церкви 300—500? десятая часть годоваго дохода). Наконецъ, если и не это, то изъ милліона опытовъ видно, что наше правительство слишкомъ щедро на пожертвованія, отъ которыхъ можетъ произойти прямая польза для государства; нѣтъ сомнѣнія, что оно никогда не откажетъ въ пособіи и въ этомъ случаѣ. Развѣ распространеніе по селеніямъ возможно большаго числа врачей не прямая государственная польза? Здоровое народонаселеніе — сила государства. А теперь, при совершенномъ отсутствіи врачей, грустно и больно посмотрѣть на иное селеніе. Гдѣ крестьяне промышленные, и особенно промышляющіе въ столицахъ, тамъ цѣлыя селенія заражены тѣмъ ужаснымъ недугомъ, который, убивая настоящее поколѣніе, передается и будущему. Такъ все можно устроить въ семинаріяхъ, лишь бы, повторяемъ захотѣли.

Объ языкахъ французскомъ и нѣмецкомъ, преподоваемыхъ въ семинаріяхъ, и говорить нечего. Ихъ преподаютъ профессоры, не умѣющіе и читать (безъ малѣйшаго исключенія), и оттого ученики рѣшительно не занимаются ими. Значитъ, время назначенное на преподованіе ихъ, проподаетъ совершенно даромъ. Тоже должно сказать и объ языкѣ еврейскомъ. Языками латинскимъ и особенно греческимъ, ученики также не занимаются; и тутъ время проподаетъ даромъ.

Тутъ даромъ, тамъ даромъ, такъ сколько же времени, которое ученики употребляютъ съ пользою для

себя въ семинаріи? Удивятся, если скажемъ, что небольше двухъ часовъ въ сутки. Но перестанутъ дивиться, когда мы прибавимъ, что профессоры, которые знаютъ, что ихъ предметами не занимаются, — жалуютъ въ класъ на 15, много на 30 минутъ; да и это короткое время употребляютъ не рѣдко на какіенибудь пошлые разговоры, шутки и т. п. Даже профессора главныхъ предметовъ немного усерднѣе къ своему дѣлу: часъ изрѣдка съ четвертью, считается совершенно достаточнымъ для класса. Чѣмъ же занимаются ученики въ такіе продолжительные антракты? Пустѣйшей болтавней, чтеніемъ всякой гадости, какая подъ руку попала... Послѣ этого, извольте судить о суммѣ свѣденій, пріобрѣтаемыхъ учениками въ семинаріяхъ?

Что́ для будущаго сельскаго іерея семинарія, т. е. на сколько приготовляетъ его къ великому дѣлу пастырства, мы видѣли; теперь посмотримъ, что для него квартиры. И для большей части учениковъ семинаріи, какъ и училищъ, квартиры — у бѣднѣйшаго мѣщанина, солдата, вдовы и подъячаго, т. е. люда весьма двусмысленной нравственности. Пусть они почти всегда занимаютъ по двое, по трое и больше, отдѣльныя комнатки; но столкновенія съ хозяевами непрестанныя и вліяніе ихъ на учениковъ неизбѣжно. Каково же должно быть вліяніе подобнаго человѣчества? Каковы должны быть полѣдствія этого вліянія для ученика, у котораго еще въ училищѣ нравственное чувство притуплено, душа загрязнена и весь онъ предрасположенъ къ воспріятію злаго? Страшныя и горькія послѣдствія!

Въ семинаріи, лишь только перемѣняются роли между учениками и хозяевами противъ училищъ: тамъ

ученики служили хозяевамъ, здѣсь хозяева служатъ ученикамъ . . . Видѣть ученика за трубкой, картами, водкой, — дѣло весьма обыкновенное; бываетъ и хуже, и до того худо, что и сказать нельзя. „По не ужли семинарское начальство не смотритъ за этимъ?“ — Нѣтъ, есть инспекторъ, помощники его и старшіе. О старшихъ и говорить нечего: тѣже ученики, и всегда первые гости на каждой пирушкѣ. А инспекторъ и одинъ или два его помощника, — что жъ это на нѣсколько сотенъ человѣкъ? Посѣтятъ они разъ, два или три въ недѣлю ученика, и обыкновенно вечеромъ? все прочее время, и особенно ночи, онъ на полной свободѣ. Нѣтъ, не взглянуть нужно на ученика два-три раза, а не спускать съ него глазъ во всѣ часы дня и ночи. А возможно ли это, когда ученики разбросаны по всѣмъ частямъ, улицамъ и переулкамъ города? Явно, нѣтъ; слѣдовательно не на квартирахъ бы должны жить ученики семинаріи; не въ этихъ омутахъ, заразительныхъ и погибельныхъ, должны проводить свое время будущіе іереи, отъ которыхъ, для полученія этого высшаго и пренебеснаго сана, прежде всего требуется чистота тѣла, а въ одномъ общемъ корпусѣ, подъ непрестаннымъ и неусыпнымъ надзоромъ начальства. Юноша, и прекрасно направленый, танъ легко увлекается на заманчивый путь порока; нуженъ глазъ и глазъ, чтобы во время предохранить, остановить и удержать отъ паденія. Что жъ сказать объ юношѣ, который съ дѣтства окруженъ былъ заразительной атмосферой порока? И почему бы тѣмъ, которые сами прошли этимъ путемъ, слѣдовательно не могутъ не знать, сколько зла отъ квартиръ, и которые, сдѣлались архіереями, почему бы имъ не озаботиться о постройкѣ корпусовъ, гдѣ бъ могли жить всѣ ученики? Каждый отецъ съ ра-

достью платилъ бы за содержаніе своего сына въ корпусѣ, лишь бы былъ увѣренъ, что тутъ надзоръ бдителенъ и въ содержаніи нѣтъ злоупотребленій. Квартиры, — это такой неотступный кошмаръ и для родителей, который давитъ ихъ ночью, не даетъ покоя и днемъ: боязнь естественная и понятная. — Но и здѣсь, какъ во всемъ, что нужно сдѣлать добраго и полезнаго для духовенства, отговорка одна: „на устройство корпусовъ средствъ нѣтъ.“ Какъ! Когда Правительство не щадитъ милліоновъ на улучшеніе быта духовенства, вы говорите: „средствъ нѣтъ?“ Да попытались ли вы объяснить Правительству все зло, всю гибель отъ квартиръ, всю необходимость воспитываться ученикамъ подъ однимъ общимъ надзоромъ? Нѣтъ?? Такъ какъ же, въ оправданіе своей непростительной безпечности, вы ссылаетесь на недостатокъ средствъ? Вотъ — неусыпному о благѣ всѣхъ подданныхъ Правительству благоугодно было обезпечить сельское духовенство жалованьемъ: взошли-ль вы въ виды Правительства? ходатайствовались о томъ, что особенно нужно сельскому духовенству еще прежде жалованья? Ничего подобнаго не сдѣлано вами. Даже, — кто бы повѣрилъ? нашлись архипастыри, которые отвергли этотъ даръ царевъ, осмѣлились прекекать намѣренію Помазанника Божія, намѣренію, самимъ Богомъ внушенному — извлечь жалконесчастное духовенство изъ тьмы бѣдствій, нуждъ и всего, что такъ унизило и подавило ихъ. „Сельскому духовенству не нужно жалованья,“ — изрекли они въ своей мудрой и благонамѣренной заботливости о пасомыхъ. — „Не нужно жалованье,“ — т. е. сельское духовенство на вѣки вѣчныя должно остаться въ этомъ горькомъ, загнанномъ и безнадежномъ положеніи, въ какомъ было до селѣ (этимъ вы хотите навсегда

сохранить свою беззаконную, нечестивую, ужасную власть надъ бѣлымъ духовенствомъ? вы не хотите и знать, обезпечивая свою тираннію, что есть Судяй земли?); чтобы имѣть какія-нибудь средства жизни, вы осудили его на всегда прибѣгать къ этимъ беззаконнымъ, постыднымъ, преступнымъ, презрѣннымъ поборамъ съ прихожанъ, что зовутся доходами, потому что иныхъ средствъ нѣтъ. „Ненужно жалованье,“ — вы-одиноке, добровольно осудившіе себя на лишенія и монашескую скудость, давшіе строгій обѣтъ — совершеннаго нестяжанія, — заботливо собираете десятки и сотни тысячъ доходовъ въ годъ; этого мало; каждый монастырь для васъ аренда; и кромѣ всего этого вы не пренебрегаете и жалованьемъ; а на что бы вамъ все это? На столъ, на шелкъ, на бархатъ, на рясы изъ соболей, на обезпеченіе племянницъ и чадъ ихъ? ... (о, до чего все извратилось въ Церкви православной! Сергій Преподобный, напр., знавшій дерюгу и крашенину и тутъ же какой-нибудь N., чтобы не сказать выше, въ десятитысячной рясѣ!...) А сельскому іерею, живущему домомъ, имѣющему почти кстати, — не вѣтромъ навѣянныхъ племянницъ — а законное, Богомъ данное семейство въ десять и болѣе человѣкъ, воспитывающему два-три сына въ семинаріи, имѣющему нужду отдать двухъ, трехъ и болѣе дочерей въ замужство — жалованье не нужно!.. Онъ долженъ довольствоваться какой-нибудь сотней рублей въ годъ, и то собранныхъ съ нарушеніемъ — не говоримъ уже о законѣ и правдѣ, — всѣхъ даже приличій! Нѣтъ, это не маніавелизмъ только, а что-то такое до того злое, до того враждебное бѣлому духовенству, до того гибельное для всей церкви, что мы и назвать не умѣемъ....

Вотъ, еслибъ вы сказали, что прежде жалованья,

нужно перевоспитать духовенство, и кончить тѣмъ, съ чего теперь начинается, тогда видно бы было, что желаете добра своимъ пасомымъ, заботитесь о благѣ Церкви. — Да, не съ жалованья нужно начинать улучшенія духовенства, а съ радикальнаго преобразованія всего его быта и, главное, его образованія. Безъ этого никакое жалованье не послужитъ ни къ чему. Этого мало: при такомъ искаженномъ, погибельномъ образованіи, какое теперь дается духовному юношеству, оно даже послужитъ во вредъ; въ рукахъ неумѣющихъ пользоваться имъ оно будетъ тѣмъ же, что огонь или ножъ въ рукахъ ребенка. Пусть прежде жалованья устроятъ корпуса, гдѣ бы всѣ ученики съ дѣтства и до окончанія курса воспитывались на счетъ казенный подъ непрерывнымъ надзоромъ испытанныхъ въ чистотѣ жизни и благонамѣренныхъ наставниковъ и начальниковъ. Мы сказали: на счетъ казенный, потому что только этимъ можетъ уравновѣситься положеніе духовенства между собою, — безъ чего невозможны зависть и послѣдствія ея; безъ этого, при всякомъ жалованье, какъ и теперь, бездѣтный всегда будетъ богатъ, многосемейный будетъ бѣдствовать и страдать. Съ этого, повторяемъ, должно начаться улучшеніе духовенства, жалованьемъ же кончиться.

Скажемъ наконецъ нѣсколько словъ и объ важномъ злоупотребленіи, какое только можетъ быть допущено при образованіи юношества, готовящагося въ іереи — сельскіе, городскіе, столичные, все равно. Ученики семинаріи обязаны ходить къ литургіи лишь только во дни воскресные и великихъ праздниковъ. О какъ изъ этого одного видно, что программа образованія духовнаго юношества составлена не іереемъ Бого Вышняго!

И вотъ — курсъ ученія конченъ. Двѣнадцать, четырнадцать, а иногда и болѣе, лѣтъ тяжкихъ, тѣмъ болѣе тяжкихъ, что ученикъ занимался даже и главными предметами безъ охоты, безъ рвенія и безъ увлеченія, а по одной крайней необходимости, — худо или хорошо прожиты имъ. Слѣдуютъ вопросы: что же онъ теперь? Что въ немъ? Куда направитъ онъ путь свой?

Не спрашивайте его самаго: что онъ? иначе васъ непріятно поразитъ его отвѣтъ: я кончившій курсъ студентъ или ученикъ. Въ звукахъ голоса, въ манерѣ, физіономіи онъ даетъ вамъ знать, что это не кто-нибудь, не простой человѣкъ, — кончившій курсъ. Да, нужно отдать честь семинаріи: если мало добраго и дѣльнаго посѣваетъ и развиваетъ она, такъ за то прекрасно умѣетъ развить дурное въ человѣкѣ. Семинаристъ безъ претензій — явленіе, едва ли виданное когда-нибудь. Самолюбіе мелкое, пошлое безсмысленное и не смотря на то, обнаруживающееся слишкомъ рѣзко и угловато, — вотъ чѣмъ набитъ ученикъ семинаріи, и особенно кончившій курсъ съ головы до пятокъ. Какъ умѣетъ семинарія развить въ такихъ страшныхъ размѣрахъ такой погибельный порокъ, — это ея тайна, которой намъ нѣтъ ни желанія ни нужды разгадывать. Скажемъ только, что это семинарское самолюбіе, если ученикъ пойдетъ выше, переходитъ въ дьявольскую гордость, въ невыносимѣйшій педантизмъ, въ эгоизмъ — безъ предѣловъ и мѣры; если онъ сдѣлается іереемъ, и особенно въ селѣ, то преображаетъ его въ какое-то жалкое и смѣшное существо, отъ всѣхъ требующее себѣ почету и уваженія безъ всякихъ правъ на то и другое; не позволяющее, чтобы кто въ присутствіи его забывался, тогда какъ чаще всего оно забывается первое, су-

щество раздражительное, неуступчивое, неуживчивое. Бываютъ исключеніе въ томъ и другомъ случаѣ; изъ семинаристовъ выходятъ прекраснѣйшіе, благороднѣйшіе люди на высотѣ честей и заслугъ; и въ селахъ мелькаютъ іереи, отрѣшившіеся отъ духа семинарщины; но эти исключенія рѣдки, незамѣтны въ общей массѣ, и объ нихъ говорить нѣтъ нужды. Вообще семинариста можно сей-часъ замѣтить и въ рясѣ и въ мундирѣ, и при крестахъ и звѣздахъ: ужъ такой неизгладимый типъ! . . .

Что въ немъ, — разгадать оченъ не трудно: стоитъ только завести съ нимъ разговоръ дѣльный и заставить только высказаться, чтобы увидѣть, что въ немъ совершеннѣйшая пустота, отсутствіе всякаго положительнаго, вполнѣ усвоеннаго знанія. Случается, бойкій на слово засыплетъ словами; но напрасно вы захотѣли бы въ потокѣ словъ уловить мысль живую, сознанную, прочувствованную, — ничего подобнаго вы не замѣтите. Иначе и быть не можетъ послѣ такого образованія какое получилъ онъ въ семинаріи: въ ней развивали лишь память, и подавляли самомышленіе (съ прямою цѣлію: чѣмъ меньше мыслятъ тѣмъ меньше разсуждаютъ: чѣмъ меньше разсуждаютъ, тѣмъ удобнѣе и свободнѣе двигать ими, какъ пѣшками и пр. и пр.; пусть видящіе не видятъ, слышащіе не слышатъ, не разумѣютъ). Пока еще свѣжо въ памяти, что зубрилъ онъ во время своего курса, онъ болтаетъ безъ умолкно, не умѣя однакожъ дать себѣ ни какого отчета въ томъ, почему это такъ и не иначе; отъ этого какой-нибудь пустой, ничтожный софизмъ сейчасъ же собъетъ его съ толку; отъ этого на экзаменѣ для поступленія въ Университетъ, онъ откажется описать напр. Кремль, и попроситъ назначить себѣ темой что-нибудь полегче, напр. о безсмертіи души. И для

него дѣйствительно это легче: такъ еще недавно онъ зубрилъ лекцію о безсмертіи души; стоитъ только перевести зубренное на бумагу и — разсужденіе готово. А чтобы описать Кремль, нужно хоть сколько-нибудь самому мыслить, — этому-то онъ и не научился въ семинаріи; кромѣ того нужно знать Исторію; Исторію онъ зубрилъ въ Реторикѣ, и къ окончанію курса успѣлъ вполнѣ забыть ее: что же сталъ бы онъ писать о Кремлѣ? Да еслибъ вы заставили его описать и село, въ которомъ онъ родился, и тутъ онъ сталъ бы въ тупикъ и попросилъ бы темы полегче, напр. объ единеніи породъ во Христѣ.

Куда направитъ онъ свой путь? Да этого онъ и самъ не знаетъ: такъ мудро и цѣлосообразно устроено и ведено его образованіе! Естественно и ближе всего ему поступить въ священники; пусть онъ не чувствуетъ къ этому званію никакого сердечнаго влеченія, — но его отецъ, предки, родные — всѣ служители Церкви на высшей или низшей степени, и — онъ просится въ какое-либо село въ іереи. Удалось, дѣлается іереемъ; неудалось, ищетъ путей побочныхъ для достиженія той же цѣли (каніе это пути, будетъ сказано дальше); если это не послужило ни къ чему, просится въ учители; не попалъ, — также хладнокровно, также безъ всякого сердечнаго участія хлопочетъ о поступленіи въ подъячіе.... Словомъ, нѣтъ званія, къ которымъ бы не рѣшился прильнуть семинаристъ, лишь бы тамъ онъ могъ ожидать себѣ кусокъ хлѣба. Слѣдовательно о какое страшное и горькое слѣдствіе!! и въ іерея онъ по ступаетъ не ради Іисуса, а ради хлѣба кука ...

Скажутъ: изъ семинаристовъ выходятъ ученѣйшіе профессоры, и даже Университетовъ, государственные люди, примѣрные священники въ столицахъ. Но

пусть спросятъ всѣхъ таковыхъ: семинаріи ли они обязаны тѣмъ, что силы ихъ развились и сдѣлали ихъ людьми; въ семинаріи ли они сознали свое призваніе и назначеніе? И, если они захотятъ отвѣтить по совѣсти, то безъ малѣйшаго сомнѣнія отвѣттятъ: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!... Великій дѣятель семинаріи — судьба толкнула одного въ университетъ; тамъ обратилъ почему-либо на него вниманіе профессоръ, или попалъ онъ на уроки въ богатый, образованный домъ; его вытерли, вымяли, изгнали изъ него злаго духа, — семинарщину, и — пошелъ онъ въ ходъ; а остался онъ при собственныхъ средствахъ, съ духомъ и направленіемъ, полученными въ семинаріи, и — погибъ. Кинула его судьба въ академію, сблизила съ людьми благородными, не по званію а по духу и жизни, — съ людьми благородномыслящими, благороднодѣйствующими; взяли они на себя трудъ образовать его, — существо безобразное въ самой академіи, и — вышелъ примѣрный священникъ; не случилось этого, — пусть онъ одолѣетъ и академическій курсъ, даже понахватается и наукъ, и займетъ лучшее мѣсто въ столицѣ, но только не на радость, славу и красу своему званію: онъ — или великій пріобрѣтатель денегъ, или ни съ кѣмъ никогда ужиться не можетъ, или... бросила его судьба, по окончаніи академическаго курса, въ канцелярію какого-нибудь вельможи; приглянулся онъ своему начальнику; тотъ взялъ его въ желѣзныя руки, ввелъ подъ свой кровъ — для ученія ли дѣтей, для домашнихъ ли занятій, и — вотъ онъ, впослѣдствіи, самъ государственный человѣкъ какъ Графъ Сперанскій; не случилось этого, онъ погрязъ въ своей семинарщинѣ. Пожалуй, послѣ неимовѣрныхъ трудовъ, онъ — и превосходительный; да только тяжко и жутко отъ такого превосходительнаго подчиненнымъ...

А пусть бы всѣхъ этихъ людей судьба толкнула въ сельскіе іереи, и были бъ они не лучше другихъ. Вѣдъ и теперь изъ числа выходящихъ въ сельскіе іереи есть съ огромными духовными силами, неразвитыми, даже и не початыми; и всѣ эти силы гибнутъ въ омутѣ жизни. Исключенія только за тѣми, которые попадутъ въ село, гдѣ есть помѣщикъ съ настоящимъ образованіемъ; тутъ священникъ спасенъ. Возмется за него помѣщикъ, выбьетъ изъ него дурь семинарскую, пробудитъ его мыслящую способность, даетъ ему въ руки свою библіотеку, — у такихъ всегда прекрасныя библіотеки, — даетъ ему средства жизни — не богатыя, но вѣрныя, при которыхъ священнику нѣтъ нужды ни въ грубыхъ и грязныхъ занятіяхъ землей, ни въ отвратительныхъ поборахъ съ прихожанъ, — сформируется образцовый священникъ. Но много ли такихъ помѣщиковъ; не говоримъ уже въ цѣлыхъ губерніяхъ? — Значитъ, и священниковъ такихъ не можетъ быть много; и объ этомъ исключеніи, какъ очень рѣдкомъ, говорить нечего.

Что-жъ сказать вообще объ образованіи, которое получаютъ ученики духовныхъ училищъ и семинарій? Мы видѣли какъ оно безцѣльно, нелѣпо, ничтожно; мы видѣли, какъ мало добра могутъ вынести ученики изъ училищъ и семинарій, и какъ много выносятъ зла. Слѣдовательно имѣемъ все право сказать: въ училищахъ и семинаріяхъ все и съ самаго основанія должно быть измѣнено и преобразовано, если хотятъ, чтобы образованіе духовнаго юношества было не однимъ образованіемъ. По крайнему разумѣнію, образовавшемуся вслѣдствіе долговременныхъ наблюденій и крѣпкихъ размышленій, мы сказали бы, какова

должно быть это образованіе; да къ чему? Кто послушаетъ словъ человѣка, идущаго путемъ безвѣстнымъ, горькимъ и страшно тернистымъ? Необходимость преобразованія чувствуется, но новые проэкты напишутся въ набинетѣ человѣка громкаго и славнаго, окруженнаго всѣмъ комфортомъ, для котораго быть сельскаго іерея, требованія и нужды его — темна вода въ облацѣхъ воздушныхъ. Введутъ новыя науки, перемѣнятъ учебники, а духъ останется тотъ же, и все пойдетъ по старому. А еще чего добраго, — семинаріи соединятъ съ гимназіями, и въ конецъ собьютъ съ толку несчастное духовенство!!... Такъ и всегда и во всемъ: нужно преобразовать деревушку, — проэкты объ этомъ пишутся въ изящнѣйшихъ набинетахъ, разсуждаютъ объ этомъ въ великолепнѣйшихъ залахъ, — а саму деревушку и не спроситъ, что ей нужно; да что и спрашивать? Народъ темный, и самъ не понимаетъ, что ему нужно... Непонимаетъ!!! И приводятъ проэкты въ исполненіе; а что выходитъ??

СЕЛЬСКІЙ ІЕРЕЙ.

А) Поступленіе на мѣста.

О хорошемъ мѣстѣ въ эпархіи лучшему (лучшему по аттестату) студенту и мечтать нечего. Такія мѣста обыкновенно раздаются племянницамъ архіерейскимъ; а если ихъ нѣтъ, то сволочи, окружающей архіерея. Жестко выразились мы; но какъ же иначе назвать архіерейскихъ лакеевъ, келейниковъ, письмоводителей, пѣвчихъ? Что это за людъ? Лакей-всегда выгнанный за безпутное поведеніе изъ училища или изъ семинаріи, ученикъ перебывавшій въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ и сторожемъ гдѣ-нибудь и послушникомъ, потомъ прибившійся къ архіерейскому дому и втершійся, такъ или иначе, въ лакеи. Если онъ окажетъ особенную способность на послуги, то возводится въ званіе келейника — съ обширнѣйшимъ довѣріемъ. Письмоводитель — это наглѣйшій, безсовѣстнѣйшій, безжалостнѣйшій подъячій, въ сравненіи которымъ даже подъячіе земскихъ судовъ агнцы... А пѣвчіе, — это гнѣздо пьянства, разврата, буйства, это — вѣчные грабители церквей, монастырей и всего духовенства, неимовѣрно безсовѣстные, ни чѣмъ никогда недоволь-

ные; при объѣздахъ преосвященными епархій заѣзжающіе во всѣ села, и тутъ неистовствующіе надъ священниками и старостами, нагло требующіе водки и денегъ, сквернословящіеся не напоенные и еще болѣе позволяющіе себѣ напоенные; все это совершающіе безъ малѣйшаго опасенія наказаній, потому что прикрываются мантіей владыки... Къ нимъ всегда примыкаютъ протодіаконъ и иподіаконы, которые отличаются отъ пѣвчихъ лишь одной одеждой, а во всемъ прочемъ — едино съ ними. Какъ же назвать этотъ презрѣнный людъ, какъ не сволочью? — И этому люду раздаются лучшія мѣста! Этого мало: открывается хорошее мѣсто, одинъ изъ таковыхъ утверждаетъ его за собою и потомъ передаетъ брату, сестрѣ, племянницѣ, или даже просто продаетъ; такую продѣлку повторяетъ три-четыре раза, пока на стыдъ и позоръ званію, не сдѣлается самъ іеремъ.

Но и посредственное мѣсто студентъ можетъ получить подъ однимъ условіемъ заплативши за него деньги. Прежде лѣтъ за двадцать, зло это еще не слишномъ было сильно; но въ послѣднее время оно развилось до невѣроятной степени. Поводомъ къ этому было то, что сильно возросло учениковъ, оканчивающихъ курсъ, и оттого на одно и то же мѣсто подаютъ иногда человѣкъ до десяти, и даже болѣе. Изъ нихъ мѣсто дается не тому, у кого лучше аттестатъ, а кто дастъ больше денегъ. Продаютъ — или письмоводитель архіерейскій, всегда ишѣющій огромное вліяніе на архіерея или келейникъ его, а иногда и оба вмѣстѣ. Чѣмъ лучше мѣсто, тѣмъ выше цѣна, возрастающая иногда до 200 рублей. Но еще не все сдѣлано, когда заплачены деньги этимъ господамъ; нужно не менѣе отдать въ консисторію: оттуда нужна справка съ мнѣніемъ; безъ платы подобныя вещи не

дѣлаются; безъ удовлетворенія всѣхъ — и членовъ, и секретаря, и подъячихъ въ консисторіи мнѣніе можетъ послужить не въ пользу . . . Каково первое впечатлѣніе для будущаго іерея? Некогда думать ему о томъ, къ чему приступаетъ онъ; не до того, чтобы настроить умъ и сердце къ воспріятію чудной благодати; и думы, и заботы, и помышленія объ одномъ; денегъ! денегъ! гдѣ бы взять денегъ? — Чтобы не возвращаться къ этому, скажемъ о дальнѣйшихъ поборахъ при производствѣ въ іерея: послѣ посвященія онъ долженъ заплатить протоіерею, протодіакону, иподіакону, пѣвчимъ, т. е. сей-часъ же по принятіи благодати и тутъ же, на мѣстѣ посвященія, отбиваться деньгами и просьбами, нерѣдко и бранью отъ цѣлой стаи звѣрей самыхъ хищныхъ, самыхъ ненасытныхъ! долженъ заплатить за указъ въ консисторію, за грамату письмоводителю (кромѣ казенной цѣны); иначе его продержатъ мѣсяцы; словомъ онъ долженъ издержать отъ 60 (ни какъ не менѣе) до 100 р. сер.

Гдѣ жъ ученику или студенту, которые всегда нищіе, взять столько денегъ? Онъ обыкновенно ищетъ себѣ, не имѣя въ виду никакого мѣста, невѣсту, т. е. не собственно невѣсту, а деньги съ невѣстой, и хлопочетъ не о томъ, чтобы выбрать себѣ подругу жизни, а чтобы какъ можно больше найти денегъ. Приторговавшись къ нѣсколькимъ невѣстамъ, рѣшается тамъ, гдѣ даютъ больше, — будь невѣста со всѣми недостатками, нравственными и даже физическими. Условившись, получаетъ деньги и получаетъ мѣсто.

Или: ищетъ поступить въ домъ. Это значитъ — ищетъ священника, который по старости ли, или попавъ подъ судъ, долженъ оставить свое служеніе. Здѣсь не обращается ни малѣйшаго вниманія ни на достоинство невѣсты, ни на бытъ семейный ея роди-

телей, — можно ли спокойно и безтревожно жить съ ними. Главное — мѣсто, невѣста же можетъ быть вдвое сатрше жениха и глупа, и безобразна и. т. под.

Если жъ почему-либо онъ не устроитъ такъ дѣлъ своихъ, т. е. или не захочетъ взять деньги съ невѣстой (что впрочемъ весьма рѣдко), или будетъ думать, что ему даютъ все еще мало (что весьма обыкновенно), то будь онъ два раза студентъ, подавай на каждое мѣсто, и, не смотря на то, лѣть пять-десять пробудетъ безъ мѣста. И вотъ почему ученики втораго разряда, которые цѣнятъ себя много дешевле студентовъ и особенно третьяго, которые, при денежной оцѣнкѣ себя, спускаются еще ниже второразрядныхъ, скорѣе находятъ себѣ мѣста, чѣмъ студенты. т. е. по эпархіи преимущественно расходится то, что и въ семинаріи то было худшаго. А прочіе студенты послѣ многихъ безполезныхъ попытокъ, выходятъ или въ учителя или въ подъячіе.

Скажемъ кстати о томъ, по скольку обыкновенно берется днегъ за невѣстами. Въ губерніяхъ Московской, Ярославской, Тверской и Владимірской, весьма близко намъ извѣстныхъ, ученику, могущему поступить въ сельскіе іереи, дается 500—1000 р. сер., кромѣ приданаго. Отъ этого женами сельскихъ іереевъ дѣлаются лишь дочери богатыхъ священниковъ, дьяконовъ, или даже причетниковъ (получившихъ наслѣдство отъ какого-нибудь монаха и т. под.). Какъ пріобрѣли они свое богатство: трудомъ честнымъ и благороднымъ, или безсовѣстными поборами, преступными притязаніями прихожанъ, и даже продѣлками и никакъ непростительными (напр. благочинные грабя церкви и пр.) на это не обращается никакого вниманія. Дочери же честныхъ, но бѣдныхъ и многосемейныхъ священниковъ или остаются дѣвицами, или выходятъ за

причетниковъ, подъячихъ и прочій погибельный людъ. Будь онѣ красавицы собой, прекрасной нравственности, воспитанныя въ страхѣ Божіемъ, отъ нуждъ и лишеній, въ которыхъ выросли, кроткія, терпѣливыя, домовитыя, — все это ни къ чему.

В) Бытъ семейный.

И вотъ бывшій ученикъ семинаріи — сельскій іерей. Онъ вышелъ въ домъ, или на праздное мѣсто. Посмотримъ на того и другаго въ ихъ семейномъ быту. Считаемъ нужнымъ сказать, что мы описываемъ большинство, а отнюдь не всѣхъ. Найдется и лучше и выше того, что мы скажемъ, но такого найдется очень не много; найдется и хуже, и такого не мало. По этому, на исключенія мы не будемъ указывать, какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ отдѣленіяхъ.

Ученикъ принимается въ домъ. Не свободная воля располагаетъ дѣйствіями той и другой стороны, принимающей и вступающей въ домъ, а крайность. Съ одной стороны: перезрѣлая невѣста, или потеря по суду мѣста, заставляютъ быть не слишкомъ разборчивыми въ женихахъ, принимать не лучшаго въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, а возможно дешевѣйшаго; съ другой необходимость имѣть кровъ и пищу заставляетъ соглашаться на самыя тажкія условія вступать въ семейство многочисленное иногда явно безпорядочное, и въ добавокъ ко всему — брать себѣ въ жену какого-нибудь урода, если не физическаго, то нравственнаго. Послѣдствія такой погибельной сдѣлки обнаруживаются слишкомъ скоро. Не успѣетъ

дешевѣйшій сдѣлаться іереемъ, какъ уже на дѣлѣ доказываетъ справедливость поговорки: дешевое гнило, и даже на первыхъ порахъ не умѣетъ скрыть своего, нравственнаго растлѣнія. Всегда начинается съ условій: принявшіе требуютъ буквальнаго исполненія ихъ, вступившій сначала не можетъ, а потомъ не хочетъ исполнить.. И вотъ возникаютъ ссоры, — соблазнительныя, потому что ссорятся два іерея и такъ близнія между собою; ссоры переходятъ въ непримиримую вражду, за нею — судбища и раздѣлъ. Одно лице, которое могло бы быть миротворцемъ между той и другой стороной — жена молодаго іерея большею частію раздуваетъ только пламя. Не по взаимному сердечному влеченію вступили они въ бракъ, и потому она не имѣетъ ни малѣйшаго вліянія на мужа и не въ состояніи ни уговорить ни успокоить его еслибъ и хотѣла. Но рѣдко и хочетъ она этого, особенно если порядочно заматорѣла въ днехъ своихъ. Мужъ, уменъ или глупъ, но вступивши въ домъ съ своими потребностями, съ своимъ направленіемъ, съ своей упрямой семинарщиной, хочетъ вести свой порядокъ въ домѣ, и чѣмъ глупѣе онъ, тѣмъ скорѣе принимается за это; жена, привыкшая къ старому порядку, не въ состояніи понять и обсудить, что единственное средство имѣть вліяніе на мужа: во всемъ приспособиться къ нему — и идетъ во всемъ противъ него; и вотъ между мужемъ и женой начинается перебранками и оканчивается ненавистью. Досадить мужу, раздражить его, — удовольствіе для безсмысленной жены. Разумѣется, мужъ платитъ тѣмъ же. Послѣ этого, при ссорахъ мужа съ родителями ея, она беретъ всегда сторону послѣднихъ и, правъ онъ или нѣтъ, неумолимо и неутомимо осыпаетъ его бранью, терзаетъ попреками, перебираетъ по косточкѣ его

родителей, всѣхъ родныхъ и пр. и. пр. Какой конецъ этого? Молодой іерей начинаетъ ненавидѣть все — до самыхъ стѣнъ дома, въ которыхъ живетъ. Быть дома — мука для него, и онъ ищетъ всѣхъ случаевъ быть внѣ его — въ приходѣ, у причетниковъ, въ сторожкѣ, гдѣ бы то ни было, только не дома. Не имѣя въ себѣ нравственной точки опоры, отъ семинаріи съ предрасположеніемъ злымъ, онъ принимается за чарку — сначала чтобы заглушить горе, а потомъ чарка дѣлается для него потребностью и обращается въ страсть. Гдѣ чарка, тамъ онъ и званый и не званый, часто не прошенный и не желанный. Нужно исправить обязанность священническую; повѣнчать бракъ, схоронить покойника, дать молитву родившей и. т. под., — прежде всего чарка. Онъ наконецъ и дѣлится съ тестемъ, и остается одинъ съ женой, но успѣвъ возненавидѣть ее, снискавъ уже привычку пить, не дѣлается лучше. Такъ и волочитъ свою жизнь, — нечистую и соблазнительную. Случается, и нерѣдко, предается грубѣйшимъ порокамъ: пьяному и ненавидящему свою жену что не взойдетъ въ голову? Каковы должны быть дѣти въ такомъ несчастномъ семействѣ, — понятно. Хуже всего то, что они съизмаленька привыкаютъ презирать своихъ родителей и не питать къ нимъ никакихъ дѣтскихъ чувствъ. Кое-какъ воспитанные и устроившись сами, они въ мысли не держатъ-успокоить своихъ родителей подъ конецъ дней ихъ. Сынъ, отказывающій въ кускѣ хлѣба своимъ отцу и матери, не думающій посѣтить ихъ, не говоримъ уже съ пособіемъ, а и словомъ ласковымъ среди самой тяжкой болѣзни; сынъ, осыпающій своихъ родителей самою площадною бранью, съ позоромъ выгоняющій ихъ изъ своего дома въ какой-нибудь праздникъ и. пр. и. пр., — явленія нерѣдкія. Ждать ли отъ взросшихъ въ

такомъ семействѣ любви братской, той чистой и святой любви, которая заставляетъ душу свою полагать за брата своего? Ее нѣтъ, — этой святой любви. Братья видятся между собой изрѣдка, но не иначе какъ въ праздники, и не для того, чтобы соутѣшиться или совозрадоваться духомъ, а чтобы въ неистовой оргіи перессориться между собою... И не здѣсь ли основаніе того глубокаго разъединенія между лицами духовнаго званія, изъ-за котораго каждый іерей видитъ въ своемъ собратѣ если не врага, то по крайней мѣрѣ недоброжелателя, завистника и т. под.? Да, дурной братъ никогда не будетъ хорошимъ сосѣдомъ, добрымъ сотоварищемъ, надежнымъ сослужителемъ. Изъ сердца, не согрѣваемаго любовію къ близкимъ, всегда вытекаетъ зло, одно только зло, къ чужимъ.

Вообще, обыкновеніе принимать въ домъ, при жизни отца и матери невѣсты, есть зло, на которое давно бы пора обратить вниманіе правительству. Предположимъ, что бываетъ весьма рѣдко, изо ста развѣ пятеро, женихъ и невѣста понравились одинъ другому, и, сдѣлавшись мужемъ и женой, полюбили другъ друга, и даже условія удобоисполнимыя, — уже одно то, что въ домѣ два хозяина, изъ которыхъ одинъ жить привыкъ по старому, т. е. въ грязной простотѣ, другой хочетъ жить почище, одинъ ломилъ работу всю самъ, другой не хочетъ или даже не можетъ дѣлать этого, одинъ любитъ шумные праздники, другой не терпитъ ихъ, и пр., — ведетъ къ неудовольствіямъ. Столкновенія между старымъ и новымъ, какъ бы благонамѣренна ни была цѣль ихъ, неизбѣжны. Значитъ, неизбѣжны и ссоры. Чью же сторону приметъ жена? Не принять нельзя: родители, въ досадѣ, что все не по ихъ дѣлается, досаду свою вымѣщаютъ на дочери. Защищать ей мужа? Значитъ воо-

ружать противъ себя родителей, и съ утра до ночи слышать ихъ упреки и брань. Бранить вмѣстѣ съ ними мужа? Ей больно и страшно, чтобы не потерять его любовь и привязанность. Что жъ остается ей? Терпѣть, плакать и страдать. Два-три года такой тревожной и страдальческой жизни убиваютъ совершенно ея силы, и — слабая здоровьемъ скоро гибнетъ, самая крѣпкая рѣдко спасается отъ чахотки. Вотъ почему такъ обыкновенно вдовство между сельскими іереями (на 10 отъ 4 до 5)! Но еще прежде этой страшной катастрофы мужъ, и любящій свою жену, но видя ее вѣчно въ слезахъ, вѣчно въ унынiи и не находя средствъ поправить дѣло, ищетъ утѣшенiй въ чаркѣ. Еще при жизни жены онъ остерегается, любовь къ ней удерживаетъ его отъ крайностей; но смерть ея — провозвѣстникъ его совершеннаго паденiя. Тутъ ищетъ онъ въ чаркѣ уже не утѣшенiя, а совершеннаго самозабвенiя; ищетъ — заглушить въ себѣ этимъ погибельнымъ ядомъ тоску одиночества, семейныя неудовольствiя и всего жизненнаго горя. Еще, если бъ въ семинарiи его духъ былъ укрѣпленъ противъ бурь и невзгодъ жизни, если бъ научили его понимать и любить науку, еслибъ развили и укрѣпили въ немъ вѣру въ Промыслъ Божiй, онъ могъ бы устоять. А то, что поддержитъ его, когда ничего подобнаго не вынесъ онъ изъ семинарiи? — Въ одномъ случаѣ можно допустить — принимать въ домъ, когда умираетъ священникъ и оставляетъ послѣ себя семейство. Тутъ новаго іерея ждутъ только нужда и бѣдность съ двумя семействами, — своимъ и сиротствующимъ: по крайней мѣрѣ тутъ не можетъ быть столкновенiй, потому что сиротство по неволѣ уступчиво и безпритязательно; а нужды легче переносить, чѣмъ семейныя ссоры. Но и тутъ условiя между той

и другой стороной должны быть строго взвѣшены, разсмотрѣны, обсуждены, и потомъ уже утверждены начальствомъ во избѣжаніе будущихъ ссоръ, — когда, напр., нужно отдать въ замужство или содержать въ училищѣ сиротъ.

Представляется важный вопросъ: „а что дѣлать тѣмъ іереямъ, которые по болѣзни или по старости не могутъ продолжать болѣе своего служенія? Отказавшись отъ мѣста и не принявши зятя, они останутся безъ куска хлѣба.“ Да, именно безъ куска, въ самомъ точномъ значеніи слова. Положеніе священника безъ мѣста несравненно бѣдственнѣе, чѣмъ положеніе инвалида. Тотъ можетъ собирать милостыню; священнику воспрещено и это. И вотъ, къ чести нашихъ владыкъ, въ какомъ положеніи духовенство: подъячій, прослужившій 35 лѣтъ, и такъ прослужившій, что вся служба его ограничивалась сшивкой и подклейкой книгъ въ судѣ, увольняется съ пансіономъ и имѣетъ вѣрный кусокъ хлѣба; священникъ, прослужившій 30, 40 и болѣе лѣтъ, на время старости и оскудѣнія силъ не имѣетъ ничаго! Случается, въ ужаснѣйшей нищетѣ, онъ обращается съ просьбой о пособіи къ архіерею. Послѣ долгихъ проволочекъ, ему иногда и назначаютъ; но сколько? 10—15 руб. — По неволѣ примешь зятя, даже и заранѣе зная, что съ зятемъ не шутье; по крайней мѣрѣ — не умрешь съ голоду. Такъ мудрые и благономѣренные архипастыри наши допускаютъ всякое зло, съ полнымъ сознаніемъ, что это зло (тяжбы между тестями и зятьями идутъ къ нимъ) для того, чтобы какъ-нибудь не измѣнился прежній порядокъ вещей, чтобы не допустить улучшеній въ духовенствѣ... „Пусть живутъ, какъ знаютъ, было бы намъ хорошо,“ — это мудрое, вполнѣ современное правило выражается во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ и ра-

споряженіяхъ. А чтобы понять, какъ живутъ отказавшіеся отъ мѣста священники, изъ множества близко намъ извѣстныхъ случаевъ разскажемъ одинъ. Солдатъ, оставшійся на вторую службу и прослужившій 40 лѣтъ, вполнѣ обезпечиваетъ свою старость; учитель какого — нибуть приходскаго или сельскаго училища за 25 лѣтъ службы пользуется полнымъ пансіономъ; а протоіерею, бывшему лучшему ученику семинаріи, лучшему изъ іереевъ, всю жизнь работавшему головой до того, что самая болѣзнь развилась вслѣдствіе усиленныхъ умственыхъ занятій, предоставлено право: умереть съ голоду!!...

Слѣдовательно, зло отъ принятія въ домъ можетъ быть прекращено лишь тогда, когда старость священниковъ будетъ обезпечена пенсіономъ. Но случится ли это когда нибудь? Нѣтъ надежды. Значитъ зло это со всѣми своими страшными послѣдствіями, будетъ существовать вѣчно.

Ученикъ выходитъ на праздное мѣсто. Казалось бы, тутъ есть всѣ условія для счастливой семейной жизни: жизнь вдвоемъ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, должна бы сблизить молодыхъ мужа и жену, хоть они до брака почти не знали другъ друга. На дѣлѣ однако же не то. Выше мы сказали, какъ дѣлаются у насъ эти дѣла: ищутъ не подругу жизни, а денегъ; и — берутъ деньги, а съ ними, что судьба пошлетъ. И рѣдко судьба не наказываетъ за такой извращенный порядокъ вещей, рѣдко къ деньгамъ прилагается добрая жена. Иначе и быть не можетъ. Дочери богатыхъ священниковъ — людъ избалованный, своевольный, привыкшій къ лѣни и расточительности, а если на бѣду еще отецъ и благочинный, то съ огромными претензіями (какъ же: изъ-за отца и ей кланялись подвѣдомственные

іереи, а причетники падали до ногъ). Образованія, которое уничтожало бы, по крайней мѣрѣ смягчало бы все это, у насъ нѣтъ, и всѣ недостатки выказываются рѣзко, поразительно, угловато. Пусть же представятъ себѣ двѣ огромнѣйшія претензіи — семинарщину и благочинническое произведенія, столкнувшіяся между собою, — каково должно быть это столкновеніе? Чѣмъ оно должно разразиться? Естественно ни чѣмъ добрымъ. На самыхъ первыхъ порахъ жизни начинаются ссоры изъ-за какихъ нибудь сущихъ пустяковъ; обѣ стороны раздражительны и неуступчивы и ссоры переходятъ въ это невыносимое положеніе, когда мужъ и жена привязываются ко всякому случаю унизить, уязвить, уколоть другаго; тутъ жена всѣмъ и каждому жалуется на свою горькую судьбу; находятся благодѣтели, которые вмѣшиваются въ ихъ дѣла, неумѣстными совѣтами и попреками раздражаютъ еще болѣе; оканчивается всегда тѣмъ что мужъ, если онъ пилъ водку въ семинаріи, въ два-три года дѣлается горькимъ пьяницей; если не пилъ, то начинаетъ попивать, и хоть не скоро а все-таки пріобрѣтаетъ страсть къ питью. Случается, мужъ и жена сойдутся кое-какъ между собою; между ними нѣтъ крѣпкой привязанности, нѣтъ и вражды; такъ тутъ другая бѣда. Изъ денегъ полученныхъ за женою, рѣдко остается какая-нибудь бездѣлица на дѣйствительную жизнь; а нужно строиться, раззаводиться всѣмъ нужнымъ, гдѣ взять средства? Тутъ является руководительницей жена: „мой батюшка нажилъ себѣ состояніе вотъ какъ: за свадьбу бралъ столько, — не даютъ, онъ, нажметъ чѣмъ-нибудь, и ругаютъ а даютъ; за молебенъ столько, иначе и служить не станетъ и пр. и пр.; чего же и тебѣ смотрѣть?“ — Новый іерей, въ душѣ котораго не посѣяно чести,

правды и даже простой житейской мудрости (-заслужи, все дадутъ), легко склоняется на такія убѣжденія и, не прослуживъ году, начинаетъ страшныя притязанія во всемъ: и за молебенъ прежде давали мало, и за свадьбу, и за все; нужно столько . . . Рѣдкій іерей (изо ста не больше пяти) не начинаетъ такъ своего поприща. Слѣдствія этого понятны: прихожане возмущаются, и на новаго іерея смотрятъ, какъ на какого нибудь становаго, т. е. какъ на неизбѣжное зло; они и платятъ, но съ глубочайшимъ негодованіемъ, съ тайной, а иногда и явной бранью. Бываетъ и то, что всѣмъ приходомъ вооружаются, и какъ заводить ссоры не крестьянское дѣло, то они берутъ свои мѣры: назначаютъ цѣну за все меньшую противъ прежняго. Іерей побьется-побьется и волей-неволей долженъ согласиться. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ съ перваго раза разорвалъ всякое единеніе между собой и прихожанами, и въ цѣлую жизнь ему не поправить зла, которое надѣлалъ въ первые три-четыре года.

Таковъ, за немногими исключеніями, семейный бытъ сельскихъ іереевъ! Счастливыхъ супружествъ, — такихъ, въ которыхъ мужъ видѣлъ бы въ женѣ своей друга, помощника, совѣтника во все доброе, въ которыхъ бы жена силой своей воли и ума, руководимыхъ и направляемыхъ истинной любовію, изъ семинариста преобразовала бы мужа своего въ человѣка, — такихъ супружествъ слишкомъ мало!

Чѣмъ уничтожить это зло? Чѣмъ и какъ улучшить этотъ несчастный семейный бытъ сельскихъ іереевъ?

Прежде всего необходимо образованіе для свя-

щенническихъ дочерей. Семейное образованіе, при настоящемъ положеніи духовенства, невозможно; должно быть общественное. Да будетъ благословенно Царственное семейство наше: оно положило уже основаніе этому, устроивъ два училища для дѣвицъ духовнаго званія. Но два училища на цѣлую Россію, — что это, какъ не капля въ морѣ? Притомъ, какъ ни не высока сумма, которую должно платить за воспитаніе дѣвицъ, а для большинства сельскихъ іереевъ она рѣшительно невозможна. 60—70 р. въ годъ, когда годовой доходъ сельскаго іерея: 100, 150 и весьма рѣдко 200 р., и изъ этого дохода ему нужно содержать домъ и двоихъ, троихъ сыновей въ училищѣ или семинаріи? Даже заплатить половину было бы невыносимо тяжело. А и кромѣ того: теперь женѣ священника необходимо самой управлять всѣмъ хозяйствомъ, т. е. и за скотомъ ходить, и жать, и молотить и пр., а воспитавшіяся въ этихъ училищахъ дѣлать всего этого не въ состояніи; вотъ почему ихъ и прекрасно образованныхъ, боятся брать за себя будущіе сельскіе іереи. Пусть же преобразуютъ бытъ сельскихъ іереевъ, образуютъ для нихъ женъ, т. е. въ каждомъ губернскомъ городѣ заведутъ училища для воспитанія на казенный счетъ священническихъ дочерей, и — только тогда улучшится семейный бытъ сельскихъ іереевъ. А за этимъ улучшеніемъ сколько прекраснѣйшихъ послѣдствій для будущаго поколѣнія!

Но во всякомъ случаѣ, — устроится это когда-либо или нѣтъ, — всѣми мѣрами строгости и не медленно должно быть прекращено глубоко укоренившееся обыкновеніе — брать за невѣстами деньги. Разумѣется, этому должно предшествовать полное уничтоженіе постыдной, презрѣнной, достойной всѣхъ каръ,

покупки іерейскихъ мѣстъ, и всѣхъ отвратительныхъ поборовъ, которые введены при производствѣ іерея. Пусть божественная благодать на самомъ дѣлѣ дается даромъ, безъ платежа архіерейской и консисторской сволочи. Тогда ученикъ будетъ искать себѣ жену, и возметъ лишь ту, которая придетъ ему по сердцу, будь она дочь бѣднѣйшаго священника. Нѣтъ нужды говорить, что значитъ для человѣка жена по сердцу; какое огромное и благодѣтельное вліяніе можетъ имѣть она, даже необразованная, но воспитанная въ честномъ, строго — христіанскомъ семействѣ. Скажутъ: „нужны жъ новому іерею деньги, чтобы построить себѣ домъ.“ Такъ. А почему бы въ каждомъ приходѣ не построить и не содержать казеннаго дома? — „Но это невозможно; для этого потребуется много денегъ.“ — Какъ! Въ нашей, по преимуществу Православной землѣ, это невозможно, а у Лютеранъ возможно? Тамъ — пасторъ обезпеченъ во всемъ, отъ дома и до дровъ; такъ онъ не имѣетъ нужды пріобрѣтать по копѣйкамъ и всѣми неправдами нужное для жизни, тамъ онъ не загрязненъ грязными работами, не грубѣетъ отъ тяжкихъ трудовъ; — тамъ все это возможно, а у насъ нѣтъ? О Русь Православная!! И не смотря на то, мужи велемудрые не стыдятся бросать укоръ и злыя насмѣшки на наше духовенство: за чѣмъ оно не таково, какъ лютеранское? „Изъ среды пасторовъ являются и ученые, и проповѣдники; семейная жизнь у нихъ прекрасно развита,“ и пр. и пр., говорятъ антагонисты нашего духовенства. Такъ, все это правда. Но почему-жъ вы, обращая все вниманіе на явленіе, не хотите разглядѣть причинъ этихъ явленій. Поставьте наше духовенство въ такое же положеніе, какъ лютеранское, и потомъ уже сравнивайте. Образуйте,

какъ должно, юношу, образуйте для него жену, избавьте іерея отъ этой грязной, убійственной жизни, въ какой прозябаетъ онъ теперь, дайте ему хоть небольшія, но вѣрныя средства, — и смѣемъ увѣрить всѣмъ, что есть святаго, — вы не узнаете своего духовенства, съ гордостью будете указывать на него всякому иновѣрцу. Много силъ въ немъ, — и всѣ онѣ подавлены. Что не гнететъ его — отъ архіерея и до сторожа консисторскаго, отъ прихожанина-барина и до послѣдняго конюха? Вамъ нужны ученые, проповѣднини; — изъ среды сельскихъ іереевъ будутъ они, лишь избавьте ихъ отъ этой страшной тиранніи, дайте имъ дышать свободно ... Вы хотите, чтобы хорошо было духовенство, когда сквозь пальцы смотрятъ на то что онъ притязаетъ, пьетъ и т. п., и лишь одного не позволяютъ іерею, чтобы онъ былъ умнымъ и мыслящимъ, и преслѣдуютъ его со всѣмъ ожесточеніемъ злобы, если замѣтятъ такую ересь ... Спросите свою совѣсть: смогли-бъ съумѣли-ль бы вы быть лучше въ такомъ задавленномъ положеніи?

С) Средства жизни.

Трудно себѣ представить что-нибудь менѣе обезпеченное, болѣе подверженное всѣмъ возможнымъ случайностямъ въ средствахъ жизни, чѣмъ сельское духовенство. А и эти сомнительныя средства, какъ пріобрѣтаются они? Въ какомъ отношеніи они къ самому служенію священнина? О,, какъ много зла въ этихъ средствахъ!! Они: доходъ и земледѣліе.

Доходъ . . . Еслибъ дали премію придумать что-нибудь, чтобы болѣе уничижить, опозорить духовенство, изъ высокаго и чуднаго служенія сдѣлать чуть не ремесло, то вѣрно никто не придумалъ бы лучшаго средства, какъ эти нечестивые поборы съ прихожанъ, что зовутся доходами. Священникъ отслужитъ молебенъ, и — тянетъ руку за подаяніемъ; проводитъ на вѣчный покой умершаго — тоже; нужно вѣнчать свадьбу — даже торгуется; ходитъ въ праздникъ по приходу съ единственною цѣлью — собирать деньги; словомъ, что ни дѣлаетъ во всемъ одна цѣль у него: деньги; даже, — о верхъ нечестія и позора! примиривъ кающагося грѣшника съ Богомъ, онъ беретъ деньги; даже пріобщивъ его святыхъ таинъ, онъ не отвращается съ ужасомъ отъ денегъ... Что жъ онъ, какъ не наемникъ? И какими глазами должны смотрѣть на него прихожане? О, пройдите изъ конца въ конецъ Россію и прислушайтесь, какъ изъ-за этихъ проклятыхъ доходовъ честятъ духовенство . . . Какая же послѣ этого польза отъ всего его служенія? Какое нравственное вліяніе можетъ имѣть онъ на прихожанъ, когда они хорошо понимаютъ главную цѣль всѣхъ его дѣйствій? А безъ нравственнаго вліянія, что жъ онъ за пастырь? И, при такомъ порядкѣ дѣлъ, на что все его и пастырство? . . .

О, да будетъ въ вѣчномъ благословеніи память Николая I.! Всѣми благами неба да воздастъ Ему Спаситель за то, что онъ хотѣлъ возстановить горькое и несчастное духовенство сельское! Не могъ Онъ знать, до чего оно убито, но желалъ излить высокую милость на бѣдныхъ служителей Христа.

И — вѣчное проклятіе на этихъ эгоистовъ, макіавелей, книжниковъ и фарисеевъ Церкви Христовой, которые по своимъ разсчетамъ, по истинѣ дьяволь-

скимъ, возстали противъ жалованья сельскому духовенству!

Говоря о доходахъ, мы ничего не сказали о злоупотребленіяхъ, такъ обыкновенныхъ, когда напр. за свадьбу выжимаютъ 5—10 и болѣе руб., и о прочемъ въ родѣ этого. Говорить объ этомъ слишкомъ тяжело, слишкомъ грустно; и безъ злоупотребленій горько смотрѣть на такой порядокъ вещей въ Церкви Православной.

А и бросить въ священника камнемъ за эти нечестивые поборы невозможно. Больше ему дѣлать нечего, потому что иныхъ средствъ, кромѣ этихъ, нѣтъ. Самыя злоупотребленія какъ ни возмущаютъ они душу, нѣкоторымъ образомъ прощаешь ему, когда вглядишся въ его бытъ. Священникъ живетъ съ семействомъ рѣдко менѣе 10 человѣкъ, иногда въ 12—15 человѣкъ. Сколько ему нужно въ годъ на содержаніе семейства? Положимъ minimum, именно столько, сколько проживаетъ нашъ крестьянинъ (-крестьянинъ, которому не нужна ни ряса, ничего подобнаго) съ семействомъ до 10 человѣкъ, — 120—180 р. — Кромѣ того у него одинъ, два, а иногда и три сына въ училищѣ или семинаріи; на двоихъ, — на содержаніе и одежду (не говоря уже о грабежѣ учителей), на квартиру и проѣзды по самой меньшей мѣрѣ 120 р. У него жъ еще дочери невѣсты; для нихъ нужно приготовить что-либо; — извольте же сосчитать сколько? А необходимыя поправки всей стройки? А каждогодныя взносы въ правленія, благочиннымъ? А безъ притязаній самый лучшій приходъ дастъ: 150—200 р. посредственный: 60—100 р. Что же прикажете ему дѣлать въ такой крайности? Скажете: „молиться и надѣятся на Промыслъ Божій.“ Да его не научили этому до іерейства, напротивъ съ него брали и даже

грабили; съ дѣтства и до іерейства онъ привыкъ смотрѣть на поборы, какъ на дѣло обыкновенное и даже неизбѣжное; и — спокойно, не тревожась совѣстью, онъ дѣлаетъ тоже, что дѣлаютъ и всѣ; особенно, если попадетъ жена, о которой мы говорили выше, тогда, ни чѣмъ не стѣсняясь, ни кѣмъ не останавливаемый, онъ дѣлаетъ всѣ возможныя притязанія. Правда, архипастыри преслѣдуютъ это зло, когда возникнутъ жалобы; но какъ они не указываютъ на болѣе честныя средства и на возможность иными путями пріобрѣтать нужное для жизни, то ихъ преслѣдованіе не служатъ ни къ чему, — заставляетъ только прибѣгать священниковъ къ уловкамъ подъяческимъ, т. е. такъ брать, чтобы нельзя было обличить. Притомъ, самое строгое преслѣдованіе, если оно не сопровождается примѣромъ архипастыря, возбуждаетъ лишь презрѣніе къ самымъ справедливымъ мѣрамъ.

Уничтожьте нечестные поборы съ прихожанъ, пусть между ними и священникомъ не будетъ никакихъ денежныхъ сдѣлокъ, и вы возстановите миръ между ними; и довѣрчиво и съ любовію будетъ смотрѣть прихожанинъ на своего іерея, и съ благоговѣніемъ будетъ слушать каждое его слово. Представимъ примѣръ, противъ котораго, надѣемся, нечего будетъ сказать мудрымъ архипастырямъ, возставшимъ противъ обезпеченія сельскаго духовенства жалованьемъ, — что значитъ обезпеченный священникъ. Вотъ что разсказываетъ, одинъ умный изслѣдователь о Чувашахъ: „прежде, когда священники пользовались отъ нихъ доходами, — Чуваши были болѣе язычники, чѣмъ христіане всей душей ненавидѣли своихъ священниковъ; въ послѣднее время отношенія ихъ къ священникамъ совершенно измѣнились, и самымъ благопріятнымъ образомъ. Что же произвело такое чудное дѣйствіе? А

вотъ что: священники, получая отъ казны окладное жалованье, и будучи обезпечены въ исправномъ доставленіи имъ руки, поставлены въ совершенную независимость отъ своей паствы. Для священниковъ уже нѣтъ причинъ потворствовать слабостямъ своихъ духовныхъ дѣтей и смотрѣть сквозь пальцы на ихъ проступки; а паства не имѣетъ причины ни негодовать на поборы, ни жаловаться на любостяжаніе. Слѣдствія этого взаимнаго отношенія между ними и теперь уже начинаютъ обнаруживаться въ уваженіи паствы, въ ея послушаніи и готовности исполнять основанныя на религіи требованія священниковъ.*) — Тоже самое, что было у Чувашъ, происходитъ во всѣхъ селеніяхъ на всемъ пространствѣ Руси: священника ненавидятъ именно за поборы; а ненавидя священника, дурно расположены и къ самому его служенію, неблагопріятно смотрятъ и на самую Религію. И вотъ въ чемъ основаніе того глубочайшаго невѣжества, въ которое погружены всѣ наши православные во всемъ что касается Вѣры. Наши православные, безъ малѣйшаго преувеличенія, понятія не имѣютъ ни объ чемъ духовномъ. Хотятъ поправить дѣло? Средство одно: обезпечить священника. Послѣдствія будутъ также благотворны, какъ теперь у Чувашъ. Но обезпечить нужно немедленно. Нравственное растлѣніе быстро и неудержимо льется въ низшіе слои общества. Необходимо спѣшить съ мѣрами преграды и врачеванія противъ этой язвы, болѣе гибельной, чѣмъ чума и холера; чрезъ нѣсколько лѣтъ, когда все будетъ поражено его, нинанія мѣры не поправятъ зла, потому что онѣ уже будутъ несвоевре-

*) Изслѣд. объ Инороду. Каз. губ. В. А. Сбоева, 1856 г. стр. 6.

менны и поздни. Всего этого не хотять знать тѣ, на отвѣственности которыхъ преимущественно должна лежать забота о стадѣ Христовомъ, — наши архипастыри. Мы не говоримъ: не могутъ, но — не хотятъ, именно не хотятъ.

Земледѣліе. Гдѣ земля хороша и священникъ обдѣлываетъ ее собственными руками, тамъ онъ служитъ хорошимъ пособіемъ. Священникъ не только сытъ съ своимъ семействомъ, но еще продаетъ кое-что, когда Богъ благословитъ хорошимъ урожаемъ. За то, посмотрите на такого священника, есть ли хоть какой-нибуть признакъ, что онъ священникъ? Вотъ — онъ возитъ навозъ: возможно ли къ нему, пропитанному азотомъ, съ головы до пятокъ грязному, подойти подъ благословеніе? Вотъ — онъ подсушиваетъ овинъ? можно ли подозрѣвать въ этомъ чудищѣ, закоптѣломъ, облеченномъ въ лохмотья, служителя Бога вышняго? Вотъ онъ на пашнѣ, въ смуромъ кафтанишкѣ по колѣна: что это, какъ не мужикъ? — А если отъ внѣшности обратиться ко внутреннему его состоянію, — Боже, какая загрубѣлость чувствъ, какое отсутствіе всякаго пониманія, что онъ! Весь занятый уходомъ за скотомъ, за землей, свое прямое назначеніе онъ считаетъ чѣмъ-то побочнымъ, чѣмъ-то лишь только мѣшающимъ дѣлу, на которое онъ смотритъ, какъ на главное въ жизни. Случится требованіе въ приходѣ, и особенно въ рабочую пору, — съ неохотою, съ неудовольствіемъ, нерѣдко съ бранью, отрывается онъ отъ своего дѣла; спѣшитъ исправить кое-какъ, лишь бы поскорѣе возвратиться, къ дѣлу. Приходитъ день праздничный, нужно совершить литургію; — о, какой тяжкій, невыносимый трудъ это для него; лучше бы онъ обмолотилъ два овина, чѣмъ отслужилъ одну обѣдню... Онъ служитъ, — нельзя же не служить, —

но какъ? Съ невниманіемъ, съ разсѣяніемъ; торопится самъ, лишь бы поскорѣе вырваться изъ церкви, торопятся причетники: читаютъ, поютъ, какъ будто поспоривши, кто обгонитъ кого... Словомъ, священникъ земледѣлецъ есть тотъ же крестьянинъ, лишь только грамотный, — съ образомъ мыслей, съ желаніями, стремленіями, даже и образомъ жизни чисто крестьянскими. Въ какихъ-нибудь десять лѣтъ такой жизни, онъ до того освоивается съ своимъ грубымъ и грязнымъ бытомъ, что для него не выносимая мука — провести часа два-три гдѣ-нибудь въ хорошемъ обществѣ; даже одѣться прилично для него уже тяжело; напротивъ, верхъ его наслажденія — братоться съ крестьянами въ шумныхъ и буйныхъ ихъ попойкахъ; съ удовольствіемъ пойдетъ онъ въ кабакъ, въ трактиръ, куда угодно, лишь бы позвали; а не зовутъ, и самъ не постыдится до безумія упиться тамъ вмѣстѣ съ пріятелемъ-прихожаниномъ... Вотъ зимній вечеръ; убравшись со скотомъ, священникъ свободенъ; вѣрно, онъ по размыслитъ о чемъ-нибудь, хоть почитаетъ что-нибудь; нѣтъ, — мыслить — онъ не научился и въ семинаріи; читать — значитъ все-таки работать головой, а въ головѣ его давно уже не варится ничто; умственная дѣятельность для него, уже понимающаго и знающаго одну физическую дѣятельность, дѣло невозможное; и — онъ идетъ на стойку (собраніе крестьянъ въ зимніе вечера на улицѣ), въ глупой, пустой, нелѣпой болтовнѣ проводитъ цѣлый вечеръ. Скажутъ: „вольно-жъ ему довести себя до такого положенія; можно бы быть и земледѣльцемъ и сохронить достоинство сана.“ Можно бы? Конечно, можно. Но мы попросили бы кого угодно испытать на дѣлѣ эту возможность, попробовать, напр., размышлять о высокомъ и прекрасномъ, роясь въ навозѣ; написать что-

нибудь умное и дѣльное вечеромъ послѣ дня, который начался съ трехъ часовъ утра, весь проведенъ подъ жгучими и палящими лучами солнца до того, что и по обѣдать было, нѣкогда, и въ ожиданіи цѣлаго ряда такихъ же дней и даже недѣль; заняться чтеніемъ въ овинѣ, когда туть трещитъ, тамъ сыплются искры, и каждую минуту грозитъ опасность сжечь овинъ. Пусть испытаютъ; а испытавши и сами скажутъ, какова эта возможность. Нѣтъ священникъ-земледѣлецъ не можетъ быть истиннымъ іереемъ, даже и похожимъ на него. Привыкшему, по необходимости или по доброй волѣ — все равно, къ неисходной грязи физической, невозможно сохранять чистоту нравственную. Священникъ, по преимуществу, духомъ да ходитъ, т. е. главнѣйшимъ образомъ должна развиваться въ немъ духовная жизнь; но какъ развиваться ей! когда онъ весь погруженъ въ заботы о семействѣ, чтобы оно было сыто и одѣто, о хозяйствѣ, чтобы оно не разстроилось отчего-нибудь, напр. отъ недостатка сѣна, соломы, навозу и т. под.; когда онъ, какъ простой поденщикъ, безъ устали и отдыха, впродоженіи цѣлаго лѣта, изо всѣхъ силъ долженъ убиваться на работѣ? Жизнь часто физическая всегда убиваетъ жизнь духовную; вотъ почему у священника-земледѣльца ни думы ни помысла о чемъ-нибудь, что повыше его обыденной жизни, ни даже желанія вырваться изъ этой грязной колеи, въ которой погрязъ весь онъ.

Есть священники, которые не въ состояніи работать сами — по недостатку здоровья, а чаще всего по неумѣнію приняться за дѣло (— вотъ оно, сельское хозяйство въ семинаріяхъ; не выучатъ и соху и косу держать въ рукахъ), и прибѣгаютъ къ другимъ средствамъ обдѣлывать землю, именно-большую часть ра-

ботъ исправляютъ такъ называемою помочью. Собрать помочь — значить собрать возможно большее число прихожанъ на ту или другую работу Но этотъ способъ такъ хлопотливъ, соединенъ съ столькими неудобствами, такъ мало вознаграждаетъ священника, что прибѣгать къ нему заставляетъ лишь одна крайность Крестьянинъ нашъ любитъ поломаться, когда въ немъ нужда; отъ этого священникъ каждого долженъ просить и молить, каждому униженно кланятся, припоминая и прошедшія и будущія заслуги свои; безъ этого крестьянинъ не пойдетъ. А пойдетъ онъ собственно не за тѣмъ, чтобы работать, а болѣе чтобъ напиться. Помочь безъ водки невозможно. Работа помочью и начинается и продолжается и оканчивается водкой. Тутъ двѣ бѣды: не напоить крестьянина — съ досады онъ работаетъ дурно; напоить — работаетъ дурно потому, что, пьяный уже, не можетъ работать хорошо. Отъ этого обработка земли помочью вездѣ и всегда изъ рукъ вонъ дурна. А чего стоитъ напоить 20—40 человѣкъ, и притомъ крестьянъ, которыхъ не скоро и не легко одолѣваетъ хмѣль? Отъ этого обработка стоитъ весьма дорого. Притомъ, сколько случайностей, которыя увеличиваютъ еще цѣнность такой обработки и неудобства ея? Крестьяне напоены и накормлены, пошелъ дождь и — кончена работа, крестьяне возвращаются домой. Еще, еслибъ только расходъ, а то и время уходитъ даромъ; нужно ждать слѣдующаго воскресенья. А что значитъ недѣля въ лѣтнихъ работахъ? Нерѣдко одна недѣля условливаетъ будущій урожай или неурожай. Такъ, земля, обдѣлываемая помочью, доставляетъ священнику самое плохое пособіе. Хлѣбъ, получаемый съ земли обходится ему во столько, во сколько обошелся бы и купленый; слѣдовательно его хлопоты, труды, тревоги, не воз-

награждаются почти ни чѣмъ. Вотъ почему большая часть священниковъ давно бы бросила землю, если-бъ это было возможно.

А кромѣ всего, этотъ способъ неостается и безъ нравственныхъ послѣдствій. 1. Эти работы всегда производятся въ дни воскресные или великихъ праздниковъ, потому что въ будни крестьянинъ ни за что не оставитъ своей работы. Каковъ же примѣръ подаетъ священникъ? Какъ онъ будетъ требовать отъ прихожанъ, чтобы они седьмой день посвящали Богу, когда самъ, первый, нарушаетъ эту заповѣдь? 2. Пьянство сильно развито у насъ въ простонародье, и главная причина его бѣдности и большей части преступленій; какъ священникъ возстанетъ противъ этой погибельной заразы, когда самъ, собственными руками, поитъ прихожанъ до пьяна? 3. У крестьянъ много пороковъ, самыхъ грубыхъ; всѣми силами и средствами священникъ долженъ искоренять ихъ; но извѣстно, что искоренять пороки, значитъ — вооружать противъ себя порочныхъ; какъ же священникъ будетъ дѣйствовать, когда всякое обличеніе и исправленіе раздражаетъ порочнаго; и раздраженный противъ него никогда не пойдетъ работать къ нему? По неволѣ, онъ сначала терпитъ и молчитъ, а потомъ уже и привыкаетъ къ этому и самый грубый порокъ въ его прихожанинѣ кажется ему чѣмъ-то обыкновеннымъ. неизбѣжнымъ, противъ чего ни говорить ни дѣйствовать нѣтъ нужды. Наконецъ 4. во всемъ нашемъ простонародье до селѣ существуетъ глубоко укоренившееся обыкновеніе: гостю не пить безъ хозяина. Ему подносятъ, онъ до толѣ не приметъ чарки, пока не выпьетъ самъ подносящій; не выпьетъ, — гость обиженъ, и не скоро забудетъ обиду. Такъ и на помочи: не пьетъ священникъ съ крестьянами, — все дѣло

испорчено; стóитъ сдѣлать это разъ, чтобы послѣ никакими мольбами не дозваться прихожанъ на работу. Есть священники, близко намъ извѣстные, которые при поступленіи на мѣста не только не имѣли никакого расположенія къ водкѣ, но даже чувствовали глубокое отвращеніе къ ней. Что жъ? Начинаются работы; сначала прихожане дико смотрятъ на трезваго священника, потомъ и вовсе перестаютъ являться на помочь къ нему. Что дѣлать? Залучитъ онъ какъ-нибудь двоихъ-троихъ, и — сдѣлаетъ имъ честь, т. е. хлебнетъ нѣсколько капель; сначала ему кажется это отвратительнымъ, но чѣмъ долѣе тѣмъ сноснѣе, и втягивается мало по малу въ пьянство. Начнетъ пить, — и работы пойдутъ, и крестьяне уже не отказываются помогать ему. — Что прикажете дѣлать послѣ этого? — Будь священникъ обезпеченъ въ главныхъ потребностяхъ жизни, не имѣй онъ нужды въ послугахъ крестьянъ вознаграждаемыхъ, по вѣковому и неистребимому обычаю, водкой, — онъ не падалъ бы такъ глубоко; по крайней мѣрѣ не падалъ бы въ самые первые годы своего іерейства. А устоявши въ первые годы, самые трудные, онъ, особенно тотъ, кто и въ семинаріи не получилъ наклонности къ водкѣ во всю жизнь остался бы воздержнымъ и трезвымъ. Даже и получившій наклонность не развилъ бы ее въ себѣ до страсти: у него было бы менѣе случаевъ, менѣе поводовъ къ питью; а то теперь — что воскресенье, что праздникъ, что помочь; что помочь, то водка: какъ тутъ удержаться? Въ воскресенье онъ пьетъ ради дорогихъ гостей, въ понедѣльникъ ради боли головной; съ каждымъ годомъ у него прибавляется лишній день ради чего-нибудь. Оканчивается тѣмъ, что для него невыносимо тяжелъ тотъ день, въ который неудается выпить, и онъ привязывается ко

всякому случаю удовлетворить своей страсти. Нужно нанять работника, плотника, печника и т. п. для подѣлокъ въ домѣ, — онъ и приступаетъ къ дѣлу, и оканчиваетъ его водкой. Случились подѣлки въ церкви, — тоже самое. И какъ умѣютъ этимъ пользоваться рѣщики, золотари и подобный людъ! Гдѣ предвидятъ работу, — два-три раза пріѣзжаютъ сначала такъ, ради знакомства, съ обильнымъ угощеніемъ. Далѣе съ упоенными до нельзя начинается ряда. Понятно, какъ производится она; а оканчивается опять двухъ-трехдневнымъ пьянствомъ. Вотъ производятся работы; проспавшіеся видятъ, что дѣло идетъ скверно, но какъ возстать противъ такого угостительнаго подрядчика? Случается и возстаютъ, а у него уже готово пособіе, и все успокоивается подъ вліяніемъ алкоголя. Оканчивается работа — таже самая исторія при разсчетѣ, что и при радѣ. Въ итогѣ: денегъ издержано непростительно много; дѣла сдѣлано непростительно скверно, хоть снова передѣлывай; но чѣмъ и какъ поправить, когда всѣ разчеты съ подрядчикомъ кончены, и еще аттестатъ ему данъ, что онъ сдѣлалъ все прекрасно и имъ остались совершенно довольны? Такъ и остается. Не служитъ даже подобный случай и опытомъ: случится еще дѣло, — и начинается точно также. До такихъ страшныхъ размѣровъ доходитъ страсть, начавшаяся иногда необходимостью — удовлетворить желанію прихожанина, пріѣхавшаго на помочь.

Да, земля доставляетъ священнику большія или меньшія средства жизни; но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ источникомъ глубокаго, ни чѣмъ непоправимаго зла. Для улучшенія его быта необходимо — или вовсе избавить его отъ земли, или дать средства, воздѣлывать ее посредствомъ вольнонаемныхъ рабочихъ. А лучше

всего совершенно освободить отъ нее: пусть онъ, ни чѣмъ постороннимъ и такъ тревожно-хлопотливымъ; какъ земледѣліе, неразвлекаемый, знаетъ одно свое дѣло — служеніе іерейское; пусть онъ главную цѣль, главное назначеніе своей жизни видитъ въ немъ, а не въ полевыхъ работахъ. И при вольнонаемныхъ рабочихъ все-таки онъ будетъ фермеръ, а не священникъ, и съ ними ему необходимо съ утра до ночи быть въ полѣ, иначе все пойдетъ дурно и плата имъ не окупится заработками ихъ. Даже тотъ, кто не совсѣмъ еще забылъ свое назначеніе, будетъ только полуфермеръ, полуіерей, т. е. ни въ полѣ для себя, ни въ служеніи для прихожанъ не сдѣлаетъ ничего истинно прочнаго, на долго полезнаго. Земля была существенно необходима для священника въ прошедшіе вѣка, когда не было ни училищъ ни семинарій. У него, напр., два-три сына, — народъ рослый, здоровый; что было дѣлать имъ, всегда живущимъ дома, какъ не орать вмѣстѣ съ отцемъ, также съизмаленька взросшемъ на работахъ? И они орали, сѣяли, молотили и т. п.; и выгодно и удобно имъ было, потому что все дѣлали своими руками. Теперь не тѣ требованія отъ дѣтей его; какъ же, казалось бы, не измѣнить радикально бытъ его? — Но нѣтъ! Съ одной стороны его осудили прозябать, какъ прозябали дѣды, прадѣды до Князя Владиміра*); съ другой хотятъ, чтобы отвѣчалъ и современнымъ требованіямъ, былъ іереемъ не по имени, а на дѣлѣ;

*) Да едва ли даже не толковѣе устроено было духовенство и при Князѣ Владимірѣ, чѣмъ теперь. По крайней мѣрѣ, если не все оно, то хоть часть была обезпечена десятиной; а теперь ничего вѣрнаго, ничего надежнаго. Хорошо бы узнать, какой злодѣй положилъ основаніе настоящему устройству его?

дреная логика, возможная только въ Православной Руси! —

Д) Отношенія сельскаго іерея:

1. Къ прихожанамъ.

Изъ всего доселѣ сказаннаго, можно составить нѣкоторое понятіе объ отношеніяхъ сельскаго іерея къ прихожанамъ своимъ. Какъ пастырь, онъ долженъ бы имѣть вліяніе на прихожанъ своихъ, и вліяніе полное, ни чѣмъ не ограничиваемое, ни чѣмъ не стѣсняемое; между тѣмъ на дѣлѣ на оборотъ: находясь въ полной зависимости отъ прихожанъ въ пріобрѣтеніи средствъ жизни, онъ подчиненъ ихъ вліянію; не прихожане отъ іерея воспринимаютъ что-нибудь доброе, а іерей отъ прихожанъ воспринимаетъ дурныя привычки, злыя наклонности. Вообще священникъ, въ отношеніи къ своимъ прихожанамъ, находится въ положеніи самомъ горькомъ, самомъ жалкомъ, самомъ нелѣпомъ. Положеніе его еще невыносимѣе, если въ приходѣ помѣщикъ; но верхъ его несчастія, если ихъ нѣсколько.

Незнакомый съ бытомъ помѣщиковъ постоянно живущихъ въ своихъ имѣніяхъ, никакъ не повѣритъ, если правдиво описать ихъ бытъ, ихъ жизнь. Да и трудно повѣрить, — такъ далека ихъ жизнь отъ имени, которое они носятъ (благородные). Не будемъ говорить о помѣщикахъ холостякахъ и живущихъ въ разводѣ съ своими женами, которыхъ однако же не мало въ каждомъ уѣздѣ; вся жизнь ихъ можетъ быть выражена однимъ словомъ — развратъ глубочайшій, безстыдный, ни передъ кѣмъ не скрываемый, дошедшій

до nec plus ultra своего развитія, до того, что въ цѣломъ имѣніи нѣтъ дѣвицы неосквернённой, нѣтъ молодой женщины неопозоренной, нѣтъ семейства, въ которое помѣщикъ не внесъ бы своей погибельной заразы. Даже помѣщики съ семействами живущіе представляютъ изъ себя что-то такое до того непонятное что трудно рѣшить: къ какому бы классу отнести ихъ. По названію — они благородные; на основаніи этого они считаютъ себя классомъ привиллигированнымъ, которому предоставлено право жить и дѣйствовать на полной свободѣ, не стѣсняясь ни чѣмъ и ни кѣмъ; каждый помѣщикъ, даже какихъ — нибудь 20—30 душъ считаетъ себя аристократомъ, которому все должно подчинятся, передъ которымъ всѣ должны благоговѣть; словомъ, чтобы видѣть тщеславіе самое гигантское, но выражающееся въ ничтожнѣйшихъ мелочахъ, облеченное въ нелѣпѣйшія формы, — нужно видѣть помѣщика въ его усадьбѣ. По наружности, они люди образованные: въ каждомъ домѣ вы услышите французскую фразу, увидите фортопьяно, найдете артистовъ въ танцахъ и т. под. Но вглядитесь поглубже, изучите внутренюю жизнь этихъ помѣщиковъ, — и васъ изумитъ, поразитъ, ужаснетъ пустота и пошлость всей ихъ жизни. Карты, вино, собаки — у мужчинъ; карты, сплетни, интриги — у женщинъ, — вотъ на что ндивается вся жизнь ихъ. Изъ девяти развѣ въ десятомъ домѣ вы найдете какую-нибудь библіотеку; но и тутъ не спрашивайте ничего дѣльнаго и серьезнаго: мерзости французской школы, — вотъ изъ чего состоятъ библіотеки — достояніе и наслажденіе барышень, которые еще не могутъ участвовать въ удовольствіяхъ отца и матери. Проведи́те въ такомъ семействѣ нѣсколько вечеровъ сряду: на первый разъ, быть можетъ, васъ и займетъ болтовня (о, на это мастера всѣ!) о со-

бакахъ помѣщика, о пакостяхъ исправника или предводителя о дѣлахъ политическихъ (какъ же, — каждый считаетъ себя глубочайшимъ политикомъ, и по пальцамъ перечтетъ всѣ ошибки Правительства, и даже дастъ замѣтить, что все пошло бы прекрасно, еслибъ обратились за совѣтами къ нему); на другой вечеръ вамъ подадутъ карточку, — откажетесь, такая же болтовня, что и вчера; на третій таже, а такъ ad infinitum. Напрасно вы захотѣли бы навести собесѣдника на мысль живую, свѣтлую, могущую затронуть умъ; васъ не поймутъ, отъ васъ отдѣлаются какой-нибудь пошлой остротой. Такова большая часть уѣздныхъ помѣщиковъ. Разумѣется есть исключенія, но эти исключенія относятся къ большинству какъ 1 : 100. И какъ ни пустъ помѣщикъ въ себѣ, а посмотрите, какъ онъ смотритъ на своихъ крестьянъ, какъ онъ обращается съ ними; рабочая лошадь и крестьянинъ для него совершенно все равно, а борзой несравненно выше и важнѣе для него всякаго крестьянина; о томъ онъ заботится, чтобы былъ накормленъ, а въ отношеніи къ крестьянамъ у него забота одна: выжимать изъ нихъ потъ, кровь и всѣ силы . . . Если прибавимъ къ этому, что у рѣдкаго помѣщика, кромѣ жены и семейства настоящихъ, нѣтъ еще жены и семейства гдѣ-нибудь въ людской, прачешной и т. под , то можно будетъ составить нѣкоторое понятіе объ этомъ людѣ.

Каково жъ должно быть положеніе священника, у котораго въ приходѣ такое сокровище? Что ему дѣлать, какъ іерею, какъ пастырю душъ? По Апостолу: запретить, умолить, настоять благовременнѣ и безвременнѣ? Боже спаси и помилуй! Да осмѣлься только священникъ хоть намекнуть помѣщику о безпорядкахъ его жизни, которые служатъ примѣромъ

для дворни, для крестьянъ, — ему житья не будетъ. Помѣщикъ самъ не будетъ принимать къ себѣ въ домъ, и крестьянамъ запретитъ (часто бываетъ это, и даже вотъ за что: если священникъ откажется повѣнчать бракъ въ ближайшемъ родствѣ, или повѣнчать противъ воли жениха и невѣсты, или схоронить засѣченнаго бариномъ безъ слѣдствія и пр.); и вотъ священникъ безъ всякихъ средствъ жизни. Этого мало, — еще принѣсетъ жалобу преосвященному, описавъ священника такъ, какъ только ему хочется. А на судѣ владыкъ нашихъ помѣщикъ всегда правъ, священникъ всегда виноватъ безъ всякаго слѣдствія. Какъ же иначе и рѣшать? При объѣздѣ епархіи преосвященный найдетъ у помѣщика и роскошный обѣдъ, и обильный ужинъ, и музыку, и все; а что взять у бѣднаго священника, который въ душной и курной избѣ почти постоянно довольствуется самъ пустыми щами, рѣдькой и тому подобными анти-монашескими снадобьями? Не сѣсть же въ самомъ дѣлѣ за подобный столъ и не слушать оглушительную музыку ребятишекъ! Барыни снабжаютъ преосвященныхъ подушками, коврами своей работы (всегда дѣвки работаютъ), вареньемъ, и инымъ прочимъ довольствуютъ ихъ, — что такъ необходимо для аскетической жизни; а что дастъ попадья? Много-много что холстину! На чьей-же сторонѣ перевѣсъ? И вотъ дѣло самое обыкновенное: ѣдетъ помѣщикъ съ жалобой; узнавъ это, ѣдетъ и священникъ съ объясненіемъ. Помѣщикъ, — будь онъ изъ дурныхъ дурной, идетъ прямо въ гостиную архіерея; священникъ, — будь онъ образецъ хорошей жизни останавливается гдѣ-нибудь на крыльцѣ, хоть будь морозъ градусовъ въ 30. Помѣщикъ тамъ два-три часа; съ невообразимымъ человѣкоугодіемъ выслушиваетъ его архіерей, обѣщаетъ всякое удовлетворе-

ніе, и даетъ слово, еще и не выслушавши священника, перевести его куда-нибудь по дальше и въ село возможно по хуже. Наконецъ допускается и священникъ, передрогшій, измучившійся долгимъ ожиданіемъ (— истома хуже смерти) предъ лице архіерея. Не кроткое слово апостольскаго преемника встрѣчаетъ его, а грубое, жесткое, грозное: „что ты надѣлалъ тамъ, нелѣпый?“ — порожаетъ его на первомъ шагу. У священника отъ такой привѣтливой рѣчи содрогается весь организмъ; въ глазахъ у него темнѣетъ; мысли путаются, языкъ нѣмѣетъ; вмѣсто настоящаго объясненія, онъ бормочетъ кое-что. „А, ты еще вздумалъ оправдываться,“ — прикрикиваетъ на него архипастырь, и не разслушавъ хорошо, что говоритъ онъ, — „пошолъ вонъ!“ — И безъ суда и слѣдствія, по одному словесному доносу, по одной всесильной (надъ духовенствомъ) и ни чѣмъ не ограниченной волѣ архіерея, священникъ съ позоромъ гонится изъ села, гдѣ устроился, всѣмъ обзавелся, и, загнанный въ какой-нибудь бѣднѣйшій приходъ, до конца жизни бѣдствуетъ страшно. И архіерей, поступая такимъ образомъ, доказываетъ, что онъ человѣкъ вполнѣ понимающій современныя правила жизни: „дѣлай угодное, не разбирая справедливо или нѣтъ, тѣмъ, кто можетъ тебѣ заплатить за это; и презирай и гони, правы они или нѣтъ — все равно, тѣхъ, которые ничѣмъ не могутъ воздать тебѣ . . .“ Помѣщики отъ такого архіерея въ восторгѣ, угощаютъ его славно, и чуть на рукахъ не носятъ: на что лучше? Кромѣ того, помѣщики кричатъ громко, и голосъ ихъ легко можетъ достигнуть до Петербурга . . . А священникъ? Оказать ему милость, и даже справедливость, — кто, кромѣ Бога, услышитъ его благословенія? Пусть же онъ, задавленный, стонетъ, обливается кровавыми

слезами, гибнетъ преждевременно оставляя семейство въ полной нищетѣ, — что за бѣда? Лице слишкомъ ничтожное, чтобы думать объ немъ!!..

И священникъ боясь гибели, боясь не столько за себя, сколько за семейство свое, безмолвенъ при самыхъ дерзкихъ самыхъ нечестивыхъ самыхъ соблазнительныхъ выходкахъ помѣщика своего. При немъ въ домѣ помѣщика кощунствуютъ надъ всѣмъ святымъ (самый обыкновенный предметъ разговора у помѣщиковъ за столомъ, особенно когда тутъ же случится и священникъ), зло смѣются надъ всѣмъ сословіемъ его (на долю монаховъ достается еще болѣе, чѣмъ на долю священниковъ), нагло ругаются надъ учрежденіями Церкви; — и онъ сначала возмущается всей душей своею, содрогается до глубины костей и мозговъ, а возстать противъ этого — смѣло, крѣпко, какъ подобаетъ іерею, не смѣетъ. Чѣмъ далѣе, тѣмъ хладнокровнѣе слушаетъ подобныя выходки; и наконецъ до того привыкаетъ къ нимъ, что и самъ вклеиваетъ анекдоту.... Вотъ родила дворовая дѣвка; священникъ хотѣлъ бы побранить ее за распутство да еще и барыня просила о томъ же: — житья нѣтъ, всѣ дѣвки перебаловались; а какъ бранить? Что, если она подъ особеннымъ покровительствомъ барина? И молчитъ онъ; а чего добраго и водочки выпьетъ, поздравляя съ благополучнымъ разрѣшеніемъ... Вотъ — лучшему крестьянину баринъ приказываетъ взять за себя дѣвицу, успѣвшую родить двоихъ — троихъ; отбиваться отъ распутной (почти всегда по неволѣ) передъ бариномъ невозможно: и высѣкутъ, въ мѣсяцъ не забудешь, и взять не минешь; и онъ обращается съ мольбой къ священнику, чтобы не вѣнчалъ. Напрасная мольба! Священникъ хорошо знаетъ всѣ несчастныя послѣдствія подобнаго брака, но какъ идти

противъ воли барской?... И вѣнчаетъ. Такъ и всегда, такъ и во всемъ. И наконецъ онъ не іерей, а тотъ же лакей, лишь въ другомъ костюмѣ... За то и помѣщикъ къ нему хорошъ, и принимаетъ его ласково, и дѣлаетъ участникомъ оргій своихъ Нѣтъ нужды, что священникъ и напьется, и наколо бродить, — это ничего: похохочутъ и на другой день поправятъ его; одного не простятъ: если онъ осмѣлится быть настоящимъ іереемъ. Но, поставленный въ такое положеніе въ отношеніи къ помѣщику, можетъ ли онъ быть настоящимъ пастыремъ для прихожанъ крестьянъ? Нѣтъ. Преслѣдовать зло и порокъ въ крестьянинѣ, когда тутъ-же, передъ глазами, большее зло, страшнѣйшіе пороки, противъ которыхъ онъ не смѣетъ возстать, значитъ — слишкомъ рѣзко противорѣчить себѣ, да и трудиться безъ пользы. И у крестьянъ есть своя логика; и на всѣ убѣжденія священника они будутъ отвѣчать одно: „такъ, мы дурно дѣлаемъ, — намъ за это и казни въ настоящей жизни и адъ въ будущей; а баринъ-то дѣлаетъ похуже; что жъ! и здѣсь-то онъ живетъ въ раю, и въ будущей чай ты обѣщалъ ему рай же... — а коли за такія дѣла въ самомъ дѣлѣ адъ, такъ чего жъ ты не скажешь барину, не остановишь его дѣлъ не пригрозишь ему адомъ, какъ и намъ грѣшнымъ? Барину можно это дѣлать, а намъ нельзя; полно, ты только насъ морочишь и стращаешь, вѣрно, съ барскаго приказу“.... Что противъ этого скажетъ священникъ? Ему остается молчать и — плакать о такомъ страшномъ положеніи своемъ (по истинѣ страшномъ: что услышитъ онъ на судѣ грозномъ послѣ такого пастырства?), если онъ еще сохранилъ въ себѣ самосознаніе; или — идти къ помѣщику и въ оргіяхъ заглушить послѣдніе проблески совѣсти.

А если въ приходѣ два, три и болѣе помѣщиковъ

(бываетъ и до десяти, разумѣется мало-душныхъ, но съ претензіями неменьшими, чѣмъ у много-душныхъ), то жизнь его, при всемъ человѣкоугодничествѣ, невыносимая мука. Почти небывалое дѣло, чтобы помѣщики — сосѣди жили дружно между собою. Они знакомы и нерѣдко посѣщаютъ одинъ другаго; однако-жъ это не мѣшаетъ взаимно сплетничать и чернить; конечно за глаза сосѣда. Мелкое, до нелѣпости пошлое самолюбіе застоляетъ ихъ зорко наблюдать, чтобы кто-нибудь не сказалъ сосѣду большаго почтенія, чѣмъ имъ. Случится это, — горе поступившему такъ. „Какъ! N. N. сдѣлано то и то, а намъ нѣтъ; да развѣ мы хуже его? — да N. N. вотъ что (перечень всего дурнаго въ N. N.); да и этотъ (что сказалъ большее почтеніе) не лучше; рыбакъ рыбака въ плесѣ видитъ и пр. и. пр.; вотъ мы докажемъ ему, что значитъ пренебрегать нами: не принимать его, отказать отъ дому; или нѣтъ, — принять да распечь хорошенько, и потомъ ужъ отказать“ и пр. и. пр. — Что дѣлать священнику въ такомъ приходѣ? Онъ сошелся съ однимъ, угодилъ одному; черезъ это вооружилъ противъ себя другихъ. Угодить всѣмъ, по самому его служенію, не возможно. Такъ — одинъ требуетъ, чтобы обѣдня начиналась въ 8 часовъ, другой — въ 10; случился праздникъ, — нужно идти по домамъ, нѣть молебны: онъ пришелъ къ первому N. N., всѣ другіе обидѣлись этимъ, — за чѣмъ не къ нимъ первымъ, и не принимаютъ священника въ домъ; а если и примутъ, то ужъ такъ распекутъ, что не скоро забудетъ. Случается, даже жалуются архіерею. И вотъ потѣха въ одномъ и томъ же приходѣ; одни не находятъ словъ хвалить священника, другіе — бранять его. Архипастырь, какъ и слѣдуетъ, рѣшаетъ не въ пользу того, на чей сторонѣ правда, а кто богаче: священникъ

спасенъ, если болѣе достаточный на его сторонѣ, и погибъ, если онъ противъ него, хотя бы за священника стояли девять другихъ помѣщиковъ, но мельнихъ, и весь приходъ.

— Болѣе свободенъ въ своихъ дѣйствіяхъ священникъ въ томъ приходѣ, гдѣ прихожане — казенные крестьяне. Но и тутъ, какъ выше мы замѣтили, священникъ неизбѣжно подвергается вліянію прихожанъ, и не можетъ быть настоящимъ пастыремъ. Кромѣ того, есть еще обстоятельство, которое, при настоящемъ положеніи дѣлъ, слишкомъ губительно дѣйствуетъ на него. Въ нашемъ простонародье доселѣ неизмѣннымъ сохраняется то свойство, которое во времена давнія отличало предковъ его, — гостепріимство. Прекрасное въ себѣ, оно однако же слишкомъ грубо, невыносимо — навязчиво проявляется у крестьянъ. Такъ, случился праздникъ, напр. Пасха, — священникъ ходитъ съ образами. Угощеніе т. е. водка и закуска, въ каждомъ домѣ. Молебень отслужили, и священника просятъ — почтить хозяина, — выпить водки и закусить. Священникъ отказывается, — передъ нимъ становится все семейство на колѣни и не встаетъ, пока священникъ не выпьетъ. Не подѣйствовало и это; уговорилъ онъ хозяевъ встать, и идетъ не выпивши: конечно, хозяинъ въ страшной обидѣ; съ негодованіемъ бросаетъ что-нибудь за молебень, и уже не провожаетъ священника. *) Послѣ,

*) А это выраженіе величайшаго неудовольствія. Обыкновенно: священника изъ одного дома все семейство провожаетъ до воротъ другаго, тамъ уже ждетъ все семейство и такъ черезъ всю деревню. По окончаніи дѣла старѣйшіе и почтеннѣйшіе толпой провожаютъ до околицы. — Боже, и при такомъ положеніи духовенства такое усердіе къ нему; чтожъ было

священникъ не осмѣлься и толкнуться къ нему съ какой-нибудь нуждой, — грубый отказъ: ты не хотѣлъ почестить меня, такъ я не слуга тебѣ. Такъ въ одномъ домѣ, такъ въ другомъ и третьемъ и далѣе; и къ концу деревни самый осторожный и крѣпкій едва въ силахъ исполнять свое дѣло, менѣе осторожный и крѣпкій совершенно теряетъ свое сознаніе; и чего только не дѣлается въ такомъ положеніи! — Дурно это, нестерпимо дурно, — совершенно согласны мы съ этимъ. Но просимъ стать кому угодно на мѣсто священника и сказать: какъ бы поступилъ онъ? Выдержалъ бы онъ все: и просьбы и гнѣвъ, и не сталъ бы пить ни въ одномъ домѣ? Такъ. Но послѣ этого цѣлая деревня весь приходъ негодуетъ на него. Настало время работъ, — ни одинъ крестьянинъ нейдетъ помогать; тутъ что онъ станетъ дѣлать? Двумя своими руками не много сдѣлаешь Онъ найметъ работниковъ; а на что? Вотъ была Пасха: крестьянинъ безспорно даетъ священнику положенное, когда доволенъ имъ; а недоволенъ, бросаетъ какую-нибудь мелочь, и никакія просьбы, никакія мольбы не заставятъ прибавить; слѣдовательно послѣ Пасхи въ итогѣ собранной суммы сущая бездѣлица и та уже вышла на расходы домашніе, на отправку сына въ семинарію и т. под. Просимъ отвѣчать: что сталъ бы онъ дѣлать? А еще что заговоритъ причетъ при малой дачѣ (какъ онъ говоритъ и дѣйствуетъ въ подобныхъ случаяхъ, — будетъ сказано дальше)? Будь у священника другія средства, болѣе вѣрныя, не будь онъ скованъ земледѣліемъ, — дѣло иное. Негодованіе прихожанъ не было бы для него страшнымъ, потому

бы, еслибъ каждый пастырь былъ настоящимъ пастыремъ?!

что не повело бы къ такимъ потерямъ, отъ которыхъ ему пришлось бы такъ страшно бѣдствовать; не дали ему за молебенъ или дали мало? Что за бѣда? онъ обезпеченъ и нищета не стоитъ грознымъ призракомъ передъ его глазами. Десять лѣтъ терпѣнія, — и крестьяне привыкли бы видѣть въ священникѣ человѣка трезваго и воздержнаго, и перестали бы его мучить своими не отступными просьбами. И при такомъ положеніи духовенства, по истинѣ горькомъ и погибельномъ, нашлись архипастыри, которые дерзнули сказать, что жалованье не нужно! Видно, хорошо знакомы они съ бытомъ сельскихъ іереевъ, внимательно вглядывались въ ихъ нужды и образъ жизни! Честь и слава такимъ архипастырямъ — благодѣтелямъ духовенства!

Кстати, нѣсколько словъ вообще о хожденіи по приходу. Если когда либо рѣшатся приступить на самомъ дѣлѣ къ преобразованію духовенства, то въ числѣ самыхъ необходимыхъ мѣръ должно быть совершенное уничтоженіе этихъ хожденій. Къ чему и для чего они? Нужно служить молебенъ, — пусть служатъ въ церкви. А то, посмотрите, что дѣлается въ селахъ: пьяные служатъ, пьяные молятся; что-жъ это за молитва? Да, эти хожденія не дѣло религіозное, а лишь обычай, положимъ вѣковой съ единственною цѣлью собирать деньги. Уничтожте этотъ обычай, — и вы уничтожите на половину пьянство и безпорядки въ духовенствѣ. Можно допустить одно: разъ въ годъ поднять образа, но съ однимъ непремѣнно условіемъ, чтобы каждая деревня дѣлала это особенно, приготовившись постомъ; чтобы въ день поднятія священникъ служилъ литургію, за которой была бы вся деревня чтобы священникъ прямо изъ церкви шелъ съ образами, но всей деревнѣ не снида_

валъ облаченія, и по окончаніи дѣла, ни на минуту не останавливаясь въ деревнѣ, возвращался опять въ церковь съ образами. Вотъ это было бы прекрасно, было бы дѣло чисто религіозное, а слѣдовательно святое и спасительное. А то, напр., о Пасхѣ тащатъ образа изъ одной деревни въ другую дѣвки и бабы; тутъ и шумъ и хохотъ и перебранки; послѣ волокутъ священника съ причетомъ въ телѣгѣ; — не позоръ ли это для религіи? И не лучшее-ль средство въ конецъ убить всякое расположеніе къ ней крестьянъ? —

---

2. Къ причту.

Чудное, непонятное, ни чѣмъ необъяснимое явленіе въ нашей Церкви: причетъ принадлежитъ къ духовному сословію! Дьяконы, дьячки и пономари въ числѣ духовенства! По истинѣ — духовныя лица!

Что это за людъ? Объяснимъ хоть коротко ихъ генеалогію.

Ученикъ, въ училищѣ или семинаріи, совершенно сбился съ толку: онъ и пьяница, и буянъ, и воръ, словомъ — дуренъ до того, что даже въ нашихъ духовныхъ заведеніяхъ терпимъ быть не можетъ, и — его выгоняютъ. Выгнанный, года два-три и больше шляется гдѣ пришлось, и на полной свободѣ совершенствуетъ свои разнообразныя способности. Открывается гдѣ-нибудь мѣсто причетника; онъ просится, и — его опредѣляютъ. И вотъ, вмѣсто того, чтобы его выгнать со всѣмъ изъ духовнаго званія, освободить сословіе отъ заразы, по самой строгой справедливости — отдать въ солдаты, — его дѣлаютъ чле-

номъ клира, служителемъ Церкви, меньшимъ служителемъ, правда, но все-таки Церкви, а не другаго-чего!.. Исключеній тутъ нѣтъ, потому что въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ исключаются лишь озъявленные негодяи; бездарные, даже лѣнивые, но ведущіе себя хорошо, перетаскиваются изъ класса въ классъ и доводятся до окончанія курса. Какимъ же онъ можетъ быть, и всегда бываетъ, служителемъ Церкви?

Если въ училищѣ, подъ ферулой безпощадно наказывающихъ его учителей, онъ былъ негодяемъ, и никакими казнями не могъ быть исправленъ то можно ли ждать отъ него добра на мѣстѣ, гдѣ онъ пользуется полной свободой, и еще располагаетъ кое-какими средствами? Нельзя ждать, и обыкновенно не бываетъ добра. Сельскій причетъ (— да и городской тяжке; дьякона мы причисляемъ къ причту потому, что онъ, какъ по происхожденію — иногда изъ выключенныхъ, такъ по духу, направленію и стремленіямъ большею частью едино съ дьячкомъ и пономаремъ), безъ малѣйшаго преувеличенія, срамъ и позоръ — не званія, а человѣчества. Онъ ниже, отвратительнѣе всего, что только есть въ людяхъ. Всякій крестьянинъ выше его: тотъ бываетъ грубъ, жестокъ, упрямъ; но трудолюбивъ, почтителенъ къ высшимъ себя, по своему — честенъ, имѣетъ понятіе о стыдѣ и совѣсти; предается грубымъ порокамъ, но сознаетъ что дѣлаетъ дурно и рѣдко падаетъ до того чтобы, потерявъ все человѣческое въ себѣ, низойти до степени животныхъ. Въ причтѣ же обыкновенно ни тѣни ничего подобнаго! Онъ невообразимо лѣнивъ, безсовѣстенъ, дерзокъ и — безъ малѣйшаго сознанія своей дурноты! Короче: это животное, вѣчно алчное, прожорливое, хищное, хитрое на самыя злыя и пагубныя продѣлки, радующееся погибели другихъ, и особенно высшихъ себя... И такое

животное — членъ духовнаго сословія! И ему дано право — входить во всѣ дѣйствія и разпоряженія священника, какъ и по приходу, такъ и по церкви, до того, что онъ долженъ, вмѣстѣ съ священникомъ, свидѣтельствовать всѣ книги, касающіяся прихода, всѣ документы церковные; долженъ наблюдать за приходомъ и разходомъ суммъ и пр. и пр. Можно ли придумать что-нибудь нелѣпѣе такого устройства клира?

И съ такимъ-то людомъ долженъ жить и дѣйствовать священникъ! При пособіи его долженъ совершать божественныя служенія и исправлять всѣ требованія приходскія! Каково-жъ должно быть положеніе священника? Представимъ нѣкоторые случаи. Случается, священникъ на первыхъ порахъ своей жизни хотѣлъ бы улучшить то и другое, завести и служеніе по благовѣйнѣе, и служить въ приходѣ молебны по чиннѣе; но противъ этого всегда, явно и нагло, возстаютъ причетники и дьяконъ особенно; ни убѣжденія, ни страхъ наказанія на нихъ не дѣйствуютъ; жалобы на нихъ ближайшему начальству не помогаютъ; доносъ преосвященному, если не повредитъ со всѣмъ священнику, то измучитъ его слѣдствіями (почему и какъ — увидимъ); побьется, побьется священникъ и — броситъ. Случается, священникъ еще не погрязшій въ омутѣ жизни, нѣсколько времени выдерживаетъ всѣ нападенія крестьянъ — пить водку, какъ выше мы сказали, за то онъ лишается настоящей расплаты за молебенъ. Иной, быть можетъ, какъ-нибудь и перенесъ бы еще эту невзгоду; но тутъ же поднимается ужаснѣйшій бунтъ дьякона и причетниковъ. Съ первыхъ же домовъ деревни они всегда успѣваютъ упиться до безумія; а въ такомъ состояніи чего не позволитъ себѣ подобный людъ? Отъ

этого, нѣтъ словъ позорныхъ, нѣтъ брани отвратительной, которыми бы они не осыпали священника. Доходитъ нерѣдко до того, что священнику необходимо спасаться бѣгствомъ отъ разъяренныхъ своихъ сослужителей. — Но они проспятся и сознаютъ свою вину? — Ничего не бывало; въ праздники они не просыпаются: въ полночь, какъ и въ полдень, они въ одномъ положеніи, потому что ради праздника у каждаго въ домѣ водка. По этому, ѣхать съ ними опять въ приходъ, значило бы рисковать священнику собственнымъ здоровьемъ: какъ ни были они пьяны, а вчерашней исторіи не забыли и постарались бы кончить ее сегодня; и онъ откладываетъ хожденіе до окончанія праздника. Вотъ у нихъ наконецъ прошло нѣсколько безуміе, и священникъ приказываетъ имъ отправляться въ приходъ. — „Мы поѣдемъ, отвѣчаютъ они, если священникъ будетъ брать сполна за молебенъ, — безъ этого нѣтъ;“ и — не ѣдутъ, чтобы тутъ священникъ ни дѣлалъ. Одному ходить нельзя, и онъ оставляетъ приходъ. Такъ проходитъ одинъ праздникъ, такъ другой. Прихожане раздражены до нельзя; ихъ еще болѣе подзадориваетъ причетъ, а, такъ называемыхъ, горлановъ и подпоятъ къ тому же, — и страшная буря разражается надъ священникомъ! Напрасно онъ хотѣлъ бы объяснить въ чемъ дѣло, — его не слушаютъ, и всѣ его убѣжденія заглушаютъ, крикомъ: „самъ больно спѣсивъ; дьяконъ и причетники у насъ добрые люди, — и у насъ выпьютъ, и насъ угостятъ; а тебѣ ничто не въ честь; до владыки дойдемъ“ и пр. и пр. Утишить бурю, — кому же пріятно слушать ее? — одно средство: удовлетворить требованію причта и прихожанъ; и удовлетворяетъ такъ несчастно поставленный іерей, и, возсѣдая за однимъ столомъ съ поганымъ причтомъ

своимъ, чередуется съ нимъ въ чаркахъ... И торжествуютъ и довольны дьяконъ и причетники, что унизили своего священника; сидя на одной скамьѣ, пользуясь одинакимъ угощеніемъ, они уже считаютъ себя равными ему; и не заикнись священникъ сдѣлать имъ замѣчаніе, потребовать отъ нихъ должнаго: на слово правды наскажутъ они сотни обидъ ему. Воздержный и трезвый іерей былъ имъ опасенъ теперь боятся нечего; бѣснуйся, сквернословься, дѣлай всѣ пакости, — не посмѣетъ донести; самъ тутъ же былъ... И Боже мой, Боже мой! Еслибъ милліонная доля праздничныхъ подѣтелей была выведена на свѣтъ Божій, то какимъ вѣчно-неизгладимымъ пятномъ покрылась бы наша Церковь!!! — священникъ служитъ молебенъ, — сзади его дьяконъ играетъ на гармоникѣ, причетники пляшутъ, и все семейство крестьянина хохочетъ; священникъ святитъ воду, — тутъ же, за дверью, дьяконъ, въ стихарѣ, тормошитъ бабу, а та съ бранью и крикомъ отбивается отъ него; священникъ вошелъ въ домъ и спрашиваетъ: куда-жъ дѣвались дьяконъ и причетники; и вотъ, послѣ долгаго ожиданія, ведутъ къ нему дьякона, вытащеннаго гдѣ-нибудь изъ канавы, всего въ грази и съ связанными ораремъ руками, потому что онъ порывался еще драться; а о причетникахъ говорятъ, что и привести ихъ нельзя — до того они хороши, или что связанные привязаны гдѣ-нибудь къ столбу; — эти, и подобныя имъ, явленія еще не самыя рѣзкія и поразительныя. Бываетъ и хуже; о, до чего скверно бываетъ! Или вотъ что дѣлается въ каждомъ, безъ исключенія, приходѣ, когда у крестьянина заведется свадьба. Прежде всего, недѣли за три, онъ долженъ объявить священнику и причту о своемъ намѣреніи. Это значитъ, что онъ долженъ привезти водки и

угостить всѣхъ до сыта. За тѣмъ, во все время до свадьбы, дьяконъ и причетники пользуются всѣми случаями посѣщать этого крестьянина, нерѣдко и съ женами своими, и каждый разъ онъ долженъ удовольствовать ихъ, т. е. напоить до безчувствія. На канунѣ свадьбы, онъ долженъ явиться съ хлѣбомъ — солью ко всѣмъ, съ деньгами за свадьбу и съ неизбѣжной водкой. Напоенные однако же мало снисходительны къ крестьянину, и назначаютъ всегда изрядную сумму за повѣнчаніе. Крестьянинъ торгуется, уходитъ, возвращается, набавляетъ полтину, рубль, два; нѣтъ, — не уступаютъ; поитъ ихъ еще, напивается самъ и кое-какъ наконецъ улаживаетъ дѣло. Пріѣзжаютъ съ поѣздомъ; священникъ въ церкви, причетъ не является. Посылаютъ за ними; несутъ имъ водки, пива, пироговъ; и — если до свадьбы угощенія были достаточны, т. е. если крестьянинъ былъ на столько терпѣливъ и богатъ, что поилъ ихъ, какъ имъ хотѣлось, то, поломавшись не много, они идутъ; если жъ казалось имъ мало, то не легко затащить ихъ въ церковь. Поѣздъ стоитъ часъ, два, нерѣдко съ 11 часовъ дня до темной ночи, имъ — и дѣла нѣтъ. Спросятъ: а что жъ смотритъ при этомъ священникъ? При настоящемъ положеніи дѣлъ въ духовенствѣ, ему дѣлать нечего. Онъ приказываетъ, его не слушаютъ; часто ходитъ самъ къ инымъ по домамъ, — и то же безъ всякой пользы. Ихъ наконецъ спрашиваютъ: чего жъ они хотятъ? — „А вотъ отвѣчаютъ они, ты не хотѣлъ угощать насъ хорошо, такъ за это — полведра теперь, по меньшей мѣрѣ, четверть водки; безъ этого не пойдемъ, стой хоть недѣлю.“ — Дѣлать нечего, посылаютъ за водкой, или даютъ имъ деньги. Удовлетворенные, полуживые, являются они наконецъ въ церковь. Что дѣлается именно такъ и не рѣдко, — подтвердитъ

наждый крестьянинъ Московской, Ярославской, Тверской и Владимірской губерній.

Какъ истребить все это зло? Средство одно: радикально преобразовать устройство клира. Въ церкви и приходѣ должно быть одно лице, оффиціально назначенное и утвержденное — священникъ. На полной отвѣтственности его, и его одного, безъ всякаго вмѣшательства иныхъ лицъ, должно лежать управленіе всѣми дѣлами по церкви и приходу. Лишь только дѣйствуя самостоятельно, не стѣсняемый ни кѣмъ и ни чѣмъ, можетъ онъ ввести улучшенія и порядокъ въ богослуженіи, такъ изнаженномъ, такъ уничиженномъ въ настоящее время. Безъ этого, всѣ преобразованія и улучшенія въ быту и дѣятельности сельскихъ іереевъ — ни къ чему. Будь священникъ и уменъ, и честенъ, и богобоязливъ, — т. е. будь онъ настоящимъ іереемъ; но, до колѣ существуетъ настоящее устройство клира, онъ не въ состояніи сдѣлать ничего дѣльнаго. При всякомъ необходимомъ нововведеніи, онъ встрѣтитъ отъ причта и пререканія и претыканія для себя, за которыми неизбѣжны: и соры, вражда и судбища. Тутъ ни какое терпѣніе не поможетъ; этотъ людъ, развращенный до послѣдней степени, дерзокъ и упрямъ до того, что и вообразить трудно. Борьба чести съ самой наглой безсовѣстностью, ума съ глубочайшимъ невѣжествомъ, благочестія съ грубѣйшимъ нечестіемъ, — слишкомъ не ровная борьба: у послѣднихъ тысячи изворотовъ, тысячи извилинъ — оправдать передъ судомъ человѣческимъ себя и погубить другаго; у первыхъ — одинъ путь, вѣрный для достиженія неба, сомнительный для полученія суда правдиваго передъ владыками. Притомъ, каждая борьба возмущаетъ душу; какъ же священникъ будетъ приносить жертву мира съ душой

возмущенной, чуждой мира? О, какъ часто между утреней и обѣдней дьяконъ и причетники нарочно стараются уколоть, уязвить, раздражить священника, и онъ, сохранивъ все наружное хладнокровіе, служитъ однако же литургію съ растерзанной душой и предстоитъ предъ страшнымъ престоломъ съ тѣмъ же дьякономъ, который сей-часъ только терзалъ его! Какъ часто причетникъ, подавая кадило священнику, тутъ-же говоритъ ему грубости; какъ часто, пьяный, онъ безчинствуетъ, хохочетъ, бурлитъ на клиросѣ и даже въ алтарѣ, и все это среди самой литургіи! Скажутъ: „для искорененія всего этого необходимы мѣры строгости.“ Нѣтъ, ни какія и самыя строгія мѣры не помогутъ. Положимъ, накажутъ двоихъ, троихъ, десять человѣкъ; тысячи таковыхъ же останутся, да и на мѣсто наказанныхъ поступятъ точно такія же негодяи. Вѣдь наказываютъ, хоть чрезвычайно рѣдко, и теперь; однако-жъ это не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія. Притомъ, чѣмъ злѣе, чѣмъ ожесточеннѣе человѣкъ, тѣмъ онъ изобрѣтательнѣе на мерзости и на умѣнье скрыть ихъ. Такъ — этотъ людъ при строжайшихъ мѣрахъ будетъ только осторожнѣе, т. е. не будетъ терзать священника при людяхъ постороннихъ, а будетъ искать случаевъ сдѣлать это гдѣ-нибудь на единѣ. Да и за чѣмъ искать? Случаи эти на всякомъ шагу. Вотъ, напр., въ алтарѣ дьяконъ или причетникъ жестоко оскорбилъ священника; священникъ не вынесъ, — донесъ. Слѣдствіе: кто видѣлъ, кто слышалъ. Никто. Остальные клянутся всѣмъ святымъ, — что для этого погибельнаго люда клятвы? — что этого никогда не бывало, и оскорбитель еще жалуется, что священникъ обнесъ его напрасно. Какой конецъ? — да тото что троимъ вѣрятъ больше, чѣмъ одному священнику и, —

отдаютъ его подъ судъ за не справедливый доносъ. Или вотъ одинъ изъ многаго множества случаевъ, одинъ, который можетъ дать вѣрное понятіе о положеніи священника въ отношеніи къ причетникамъ. Въ одной изъ самыхъ бѣдныхъ . . . скихъ церквей, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, былъ священникъ прекраснѣйшей жизни. Строгій къ себѣ, онъ былъ строгъ къ дьякону и причетникамъ, т. е. требовалъ, чтобы они вели себя какъ должно. Нестерпимымъ за то казался имъ священникъ, и всѣ средства употребляли они погубить его. Прямо и явно они однако же не могли сдѣлать ничего, такъ онъ чисто держалъ себя. Они обратились съ самыми нелѣпыми клеветами къ благочинному. Благочинный былъ образецъ благочинныхъ, — весь состоявшій изъ жажды денегъ. Священникъ и по бѣдности прихода и по семейству, — дѣтей у него было девять человѣкъ, не могъ удовлетворять этой жаждѣ, и страшно золъ былъ на него за то благочинный. Съ одной клеветой онъ однако жъ не могъ возстать на священника. Правда, передавалъ ее всю, и съ собственными дополненіями, архіерею, и успѣлъ жестоко вооружить его противъ священника; но все это были слова, а дѣлъ не было. Наконецъ онъ сказалъ причту, что лишь бы они нашли случай зацѣпить повѣрнѣе священника, а онъ ужъ сдѣлаетъ свое дѣло. И вотъ какую продѣлку придумали дьяконъ и причетники. Въ самый Великій Пятокъ (каное дьявольское соображеніе: чѣмъ выше день, тѣмъ менѣе поостережется священникъ, весь сосредоточенный въ себѣ, тѣмъ менѣе заподозритъ, чтобы въ такой день дерзнули они замыслить погибель его!!) священникъ пришелъ къ часамъ; дьяконъ и причетники стоятъ въ алтарѣ. Священникъ начинаетъ часы, — дьячекъ безмолвенъ и неподвиженъ. Священникъ при-

называетъ ему читать, — онъ отвѣчаетъ бранью. Священникъ проситъ его выйти вонъ, — онъ ругается сильнѣе и кричитъ на всю церковь. Священникъ идетъ и читаетъ самъ, — онъ заглушаетъ его голосъ ругательствами. Что оставалось дѣлать священнику? Встервоженный и разстроенный до послѣдней степени, онъ снидаетъ облаченіе и уходитъ изъ церкви. Горько плакалъ онъ во весь день, и однако-жъ не рѣшился для такихъ страшныхъ дней завести дѣло. А дьячекъ тутъ же отправился съ доносомъ къ благочинному, что священникъ изругалъ и даже прибилъ его въ алтарѣ; среди службы сбросилъ съ себя ризы и ушелъ домой. Въ этотъ же день благочинный явился съ доносомъ къ архіерею. Какъ ни былъ архіерей вооруженъ противъ священника, однако жъ уговаривалъ благочиннаго — примирить священника съ причтомъ; тотъ не согласился, и дѣло пошло въ ходъ. Священникъ чистый въ душѣ и совѣсти, разсказалъ все какъ было; подтвердить его словъ было не кому; въ церкви еще никого изъ прихожанъ не было; единственные свидѣтели, — дьяконъ и пономарь, были вмѣстѣ съ дьячкомъ устроителями всей этой продѣлки, и съ клятвой подтвердили доносъ. И вотъ рѣшеніе дѣла: „священникъ самъ сознался, что ушелъ изъ церкви, не кончивъ служенія; за это, на основаніи N. N. статей, его лишить мѣста и на шесть мѣсяцевъ послать во дьячки.“ Главная же вина всего — дьячекъ не понесъ ни малѣйшаго наказанія. Совѣтовали священнику жаловаться въ Синодъ; но какъ жаловаться, когда свидѣтелемъ всего дѣла былъ Господь? Кромѣ того, будь священникъ богатъ, онъ и безъ Синода былъ бы оправданъ; а у бѣдняка — у него не только не было денегъ на бумагу для жалобы, но и нужнѣйшее-то на Пасху онъ приготовилъ съ горемъ по поламъ. И,

Отецъ Небесный, что вытерпѣлъ онъ, вытерпѣло все его семейство въ шестимѣсячное его подначаліе и въ цѣлый годъ, который провелъ онъ потомъ до пріисканія мѣста!... Если не перемерли всѣ они съ голоду, то обязаны этимъ одному изъ бывшихъ прихожанъ — крестьянъ; онъ, помня какую-то заслугу священника, каждую недѣлю привозилъ ему по пуду ржаной муки; такимъ образомъ цѣлыхъ полтора года несчастные питались, и то не всегда до сыта, однимъ ржанымъ хлѣбомъ съ водой... Подобныя вещи — дѣло очень обыкновенное. И все это будетъ до скончанія вѣка, если дьяконъ и причетники будутъ, въ такомъ же отношеніи къ священнику, какъ теперь. Жалованье не сдѣлаетъ ихъ лучше, потому что этотъ народъ неисправимъ. При жалованье будутъ: таже зависть, — за чѣмъ священникъ и получаетъ и чтится больше; тоже пьянство, или вѣрнѣе пьянство увеличится еще больше, потому что увеличатся средства; словомъ, — будетъ въ тысячу разъ хуже, жизнь священника еще невыносимѣе, дѣла позорныя чаще, и все сословіе упадетъ еще ниже.

Нѣтъ, не такъ долженъ быть устроенъ клиръ, если хотятъ, чтобы Церковь процвѣтала и служеніе іерейское достигало вполнѣ своей цѣли. Дьяконы должны быть вовсе уничтожены въ селахъ (а также и во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, кромѣ соборовъ); причетники не должны принадлежать къ сословію духовенства, — ихъ необходимо со всѣмъ исключить изъ него. Начать съ дьяконовъ: на что они въ Церкви? Какую пользу они приносятъ Религіи? Какую нужду имѣютъ въ нихъ Православіе и православные? Ни малѣйшей! Всякое дѣло по церкви и приходу прекрасно обходится безъ нихъ. А зла и вреда отъ нихъ бездна. Изъ подѣтелей ихъ развѣ тысяча первая доходитъ до архіерея;

всѣ прочія, по разнымъ причинамъ, сходятъ съ рукъ. Пройдите вдоль и поперегъ Россію, спросите любаго священника на всемъ пространствѣ ея, — и каждый, передъ Богомъ и совѣстью, подтвердитъ эту истину. Дьяконъ — вѣчный клеветникъ священнику на причетниковъ, причетникамъ на священника; вѣчный завистникъ священнику; вѣчный обольститель причетниковъ и даже прихожанъ на бунтъ и возмущеніе противъ священника; вѣчный сѣятель раздоровъ, начинщикъ тяжбъ. — И съ нимъ-то священникъ долженъ совершать божественныя служенія! Другое дѣло, — при служеніи архіерейскомъ, въ монастыряхъ и соборахъ, также въ городахъ, по большимъ приходамъ; тамъ, для служеній торжественныхъ, онъ пусть будетъ; тамъ, напр. при архіереѣ или архимандритѣ, которые имѣютъ не ограниченную власть надъ ними, они не опасны. А въ селахъ — ихъ истребить, какъ самую злую язву, все заражающую и губящую.

Причетники не должны быть опредѣляемы къ Церкви, какъ теперь, а вольнонаемные какъ напр. сторожа. Ученикъ исключенъ изъ училища или семинаріи, какъ негодный; слѣдовательно, онъ ни какъ не заслуживаетъ того, чтобы принадлежать церкви. Пусть онъ припишется къ крестьянству или мѣщанству, и если способенъ, то нанимается въ причетники. Дуренъ онъ, пьянъ и развратенъ, — священникъ его прогоняетъ и нанимаетъ другаго. Но нѣтъ, онъ побоится быть дурнымъ, зная, что съ потерею мѣста лишится средствъ жизни. Онъ будетъ исправенъ въ дѣлѣ, вѣжливъ и почтителенъ къ священнику, заботливъ о службѣ и не осмѣлится такъ нагло опивать прихожанъ. Словомъ, — тогда только онъ будетъ причетникомъ, какимъ долженъ быть онъ, какъ о томъ пишется въ граматѣ причетнической. А съ

тѣмъ вмѣстѣ, сколько дудетъ еще другихъ прекраснѣйшихъ послѣдствій такого преобразованія! Теперь правленія и консисторіи завалены тяжбами и судбищами между всѣми членами клира; тогда объ нихъ и помину не будетъ, и въ консисторіяхъ на половину убавится чиновниковъ, да и остальнымъ нечего будетъ дѣлать. Значитъ, и самимъ архипастырямъ не будетъ нужды убивать время на разбирательство и рѣшеніе дѣлъ — грязныхъ, позорныхъ, возмутительныхъ, дѣлъ, объ которыхъ по настоящему не слѣдовало бы и знать архіереямъ, какъ монахамъ. Такъ, — будутъ или нѣтъ сдѣланы другія какія улучшенія въ духовенствѣ, а эта мѣра необходима и не медленно должна быть приведена въ исполненіе, т. е. дьяконы по селамъ вовсе уничтожены и причетники вольнонаемные. Ручаемся всѣмъ, чѣмъ угодно, — одна эта мѣра на всегда искоренитъ большую часть злоупотребленій въ сельскихъ приходахъ, и такихъ злоупотребленій, которыя никакими другими мѣрами уничтожены быть не могутъ Предвидимъ много возраженій противъ этой мѣры. Иначе и быть не можетъ. Всякое нововведеніе порождаетъ порицателей и порицанія; и чѣмъ благотворнѣе нововведеніе, тѣмъ ожесточеннѣе дѣйствуютъ противъ него привыкшіе къ старому порядку вещей и находившіе въ немъ личныя выгоды для себя (напр. противъ этого будутъ всѣ благочинные, всѣ правленіи, всѣ консисторіи, для корыстолюбія которыхъ лучше настоящаго порядка и быть не можетъ; теперь тяжбы доставляютъ секретарямъ консисторіи десятки тысячь годоваго дохода, тогда же придется довольствоваться жалованьемъ: какъ же не возстать изъ всѣхъ силъ противъ нововведеній?). Но говоримъ положительно, что эти возраженія будутъ сдѣланы людьми совершенно незнакомыми съ бытомъ сельскаго

духовенства. О послѣднихъ и говорить нечего, — возраженія человѣка, незнающаго дѣла, всегда равняются нулю; а первые безпристрасно не могутъ судить объ этомъ вслѣдствіе очень понятнаго предубѣжденія и пристрастія къ этому нечестивому люду. Тотъ же, кто испыталъ на самомъ себѣ, каково жить съ причтомъ, кто изучалъ его во всѣхъ дѣйствіяхъ и проявленіяхъ, кто истинно желаетъ блага для Церкви, желаетъ, чтобы служеніе іерейское достигало своей цѣли, тотъ, — крѣпко убѣждены мы, согласится съ нами, и предложитъ именно эту мѣру, какъ единственную.

Скажутъ: „немедленно сдѣлать этого нельзя; иначе, куда же дѣнутся причетники?“ Какъ, — куда дѣнутся? Да наличное число ихъ остается то же, что и теперь; значитъ, кто только захочетъ, будетъ имѣть мѣсто; а если какого-нибудь неисправимаго негодяя и не наймутъ нигдѣ — такъ бѣда не велика, и жалѣть не объ чемъ; напротивъ, нужно будетъ радоваться, что одной язвой будетъ меньше. Все дѣло въ томъ, что такая мѣра составитъ каждаго одуматься, противъ собственной воли и желанія исправить себя, и изъ животнаго сдѣлать себя человѣкомъ; что-жъ, это худо? Даже ради одного этого должно ввести предлагаемую нами мѣру. Пусть противъ своей воли противъ собственнаго желанія, но только будутъ они хороши — ихъ съ радостью вездѣ примутъ; а боязнь потерять мѣсто будетъ надежнѣйшей уздой противъ всего дурнаго, что въ нихъ есть теперь, единственнымъ средствомъ спасать ихъ отъ собственныхъ ихъ погибельныхъ влеченій и наклонностей. А чтобы исправленіе ихъ было полное и совершенное, а не наружное лишь для полученія мѣста, чтобы укрѣпить ихъ на пути добра, для этого предоставить имъ право

— на все время, въ которое служатъ они при церкви, — пользоваться тѣми преимуществами, какими пользуются теперь съ тѣмъ, что потерявъ мѣсто и не пріискавъ въ теченіи года новаго, они лишаются этого права. Во избѣжаніе смутъ при наймѣ и разсчетахъ съ ними, разъ на всегда назначить имъ опредѣленное жалованье съ строжайшимъ наблюденіемъ, чтобы оно выдавалось вполнѣ и безостановочно. Жалованье причетнику должно быть назначено, сообразно съ количествомъ прихода, 50—75 рублей. Какъ времени свободнаго у нихъ весьма много, то чтобы оно не пропадало даромъ и бездѣлье не вело къ бездѣльничеству, предоставить имъ землю, которою и теперь пользуются причетники. Этимъ честно и законно восполнится то, чего будетъ недоставать въ жалованьѣ.

Таково должно быть устройство клира для блага Церкви.

3. Къ благочиннымъ.

Для ближайшаго надзора за духовенствомъ учреждены благочинные. Необходимы въ городахъ, гдѣ духовенство все-таки приличнѣе держитъ себя, тѣмъ болѣе необходимы они въ селахъ. Но достигается ли въ настоящее время цѣль, съ которою учреждены они? И на сколько достигается?

Прежде всего: эта должность, чрезвычайно важная, если понимается и исполняется какъ должно, весьма рѣдко поручается іерею отличному между собратами по уму, образованію и жизни. Таніе іереи никогда не бываютъ искательны, никакъ не захотятъ жертвовать деньгами, доставаемыми тяжкимъ трудомъ, на пріобрѣтеніе и сохраненіе какой бы то ни было

должности. А должность благочиннаго всегда и неизбѣжно должно купить иногда и очень дорого. По этому, она предоставляется большею частію іерею жалкой посредственности во всемъ, но артисту зашибить копѣйку. Естественно, что купивъ эту должность, онъ хочетъ выручить потраченныя деньги и съ барышомъ; значитъ, цѣль учрежденія благочинныхъ извращена въ самомъ основаніи своемъ.

Далѣе — всякій гражданскій чиновникъ, всякій становой, всякій подъячій, не исключая и разсыльныхъ при земскомъ судѣ, получаютъ жалованье; лишь благочиннымъ нѣтъ ничего. А между тѣмъ у него не мало расходовъ существенно необходимыхъ, напр. на содержаніе канцеляріи, на наемъ разсыльнаго и т. п. Вотъ и еще поводъ благочинному обирать ввѣренныхъ ему.

Еще: благочинный, будь онъ глупъ и безнравственъ, какъ только можно, но если щедро расплачивается съ правленіемъ и консисторіей, онъ крѣпко держится на своемъ мѣстѣ; болѣе, — его хвалятъ награждаютъ, ставятъ въ примѣръ другимъ. Онъ не въ состояніи соединить двухъ мыслей, написать толково и понятно двухъ строкъ, — нѣтъ нужды, въ правленіи или консисторіи за него напишутъ, сдѣлаютъ, все приведутъ въ порядокъ. Но горе благочинному умному и ведущему себя примѣрно. Дѣла свои онъ ведетъ самъ исправно и честно; держитъ онъ себя такъ, что не имѣетъ нужды ни въ чьемъ снисхожденіи; по этому платитъ какую-нибудь бездѣлицу. Что жъ за это? Гоненіе самое неутомимое, самое пошлое самое мелочное. Придираются ко всему, заваливаютъ его выговорами и замѣчаніями, двадцать разъ заставляютъ передѣлать какую-нибудь ничтожнѣйшую вѣдомость, не указывая чего недостаетъ; словомъ, упо-

требляютъ всѣ подъяческія продѣлки, чтобы заставить такого благочиннаго отказаться отъ должности. Оканчивается всегда тѣмъ, что онъ теряетъ терпѣніе и отказывается; а его мѣсто заступаетъ болѣе угодный правленію или консисторіи.

Наконецъ всякій трудъ требуетъ вознагражденія. Должность благочиннаго, если онъ всѣ дѣла исправляетъ самъ, чрезвычайно трудная. Жалованья нѣтъ; и онъ ищетъ и требуетъ вознагражденія отъ ввѣренныхъ ему.

Послѣ этого, что жъ благочинный въ нашемъ духовенствѣ?

Мытарь — въ самомъ строгомъ, точномъ, буквальномъ значеніи этого слова. Цѣль всѣхъ его дѣйствій, единственная цѣль — обирать, на сколько хватитъ силъ и умѣнья, церкви и духовенство. Да, церкви!!.. Спросите втихомолку любаго старосту церковнаго, сельскаго или городскаго, и онъ вамъ скажетъ, чего стоитъ ему въ годъ благочинный...

Но чтобы позволять себѣ такія вещи, нужно имѣть сожженную совѣсть. Именно такова она, безъ малѣйшаго преувеличенія у сельскихъ благочинныхъ, за рѣдкими исключеніями. Еслибъ было обыкновеніе каждую вещь называть своимъ именемъ, то по самой строгой справедливосъи ихъ слѣдовало бы называть зло-чинные, потому что кромѣ зла отъ нихъ нѣтъ ничего больше. Жажда денегъ у нихъ ненасытимая; и къ какимъ средствамъ не прибѣгаютъ они для удовлетворенія этой жажды! Всѣ возможныя притѣсненія, несправедливости, оскорбленія тому, кто живетъ честно; всякое снисхожденіе тому, кто живетъ позорно — вотъ обыкновенный образъ ихъ дѣйствій. Для чего и почему? — А для того и потому, что честный, или ведущій себя если и не отлично, то по

крайней мѣрѣ на столько осторожно, что прицѣпиться не къ чему, даетъ благочинному всегда умѣренно, къ церковной кружкѣ прикасаться не позволяетъ а самъ назначаетъ старостѣ — сколько дать благочинному; а ведущій себя дурно — безмолвный и безотвѣтный данникъ благочиннаго, нерѣдко и плачетъ, а несетъ и везетъ благочинному все. чего только ни потребуетъ онъ; при непорядочномъ іереѣ — благочинный самъ, собственными руками, отсчитываетъ изъ церковной кружки сколько хочетъ, а не рѣдко и безъ счету беретъ, сколько захватилось. Этого мало: благочинный обыкновенно на сторонѣ причта, защищаетъ и поддерживаетъ его всѣми силами; для чего? — для того, чтобы причетъ вполнѣ надѣясь на безнаказанность, чаще бунтовалъ противъ священника, чаще заводилъ съ нимъ ссоры, и являлся самъ и тащилъ священника на судъ къ благочинному. А ужъ дѣло извѣстное: гдѣ судбища, тамъ взятки, и чѣмъ грязнѣе, чѣмъ позорнѣе дѣло, тѣмъ взятка крупнѣе. Вотъ почему церковь, служители которой живутъ мирно между собой, или хоть и ссорятся, но прекращаютъ ссоры домашними средствами, у нерѣдкаго благочиннаго опальная церковь. Вотъ почему безчинства и безпорядки сельскаго духовенства достигли этой ужасающей крайности: каждый знаетъ, увѣренъ, что если онъ начудитъ и Богъ-знаетъ что, но стащитъ благочинному десятка два-три рублей, то его подѣтели будутъ скрыты всѣ, и въ годичной отмѣткѣ о поведеніи онъ будетъ аттестованъ лучше лучшихъ. Вся бѣда бѣднямъ-іереямъ: пустой, ничтожный случай, ненамѣренная ошибка, явная, нелѣпѣйшая клевета — все это сей-часъ же выставляется на видъ Правительству — съ прикрасами и дополненіями, потому что бѣднымъ, какъ и честнымъ, такой благочинный непри-

миримый врагъ. И гибнетъ бѣднякъ совершенно не заслуженно и напрасно; а богатый, двадцать разъ заслужившій наказаніе, спокойно волочитъ свою соблазнительную жизнь; мало этого — его отличаютъ передъ другими, его награждаютъ . . . „Но почему же не жалуются на такихъ злочинныхъ?“ — Жаловаться? А кому? — Правленію? Консисторіи? — Да такой благочинный — золотой родникъ для нихъ; чѣмъ безсовѣстнѣе онъ, тѣмъ крѣпче держится ими. Такому благочинному всѣ задушевные друзья — отъ секретаря или члена консисторіи и до послѣдняго правленскаго сторожа. На собственныхъ плечахъ они вынесутъ его изъ всяной бѣды; такъ что тутъ жалоба? — Архіерею? И тутъ письмоводители, келейники также стоятъ горой за него, и вмѣстѣ съ консисторіей пользуются всякимъ случаемъ — разхвалить его передъ архіереемъ, представить образцемъ всякой добродѣтели; что и тутъ жалоба? Она здается на разсмотрѣніе той же консисторіи и, предубѣжденный въ пользу благочинаго, вполнѣ утвердитъ рѣшеніе консисторіи; и останется виноватымъ и накажется принесшій жалобу, да еще накажется въ примѣръ другимъ, чтобы другіе не осмѣливались и помышлять о подобныхъ дерзостяхъ. — Св. Синоду? — Охъ!!..

Мы выставили лишь очень обыкновенныя, обыденныя дѣянія благочинныхъ; а о томъ, какъ они при обозрѣніи своихъ благочиній, — нѣкоторые пьяные, безчинствуютъ въ домахъ священниковъ и даже въ самыхъ церквахъ, — какъ они осыпаютъ ругательствами тѣхъ, которыми недовольны, и такими ругательствами, какія можно слышать лишь отъ коноводовъ, и даже въ присутствіи женщинъ и дѣтей, и о прочемъ тому подобномъ, мы уже не рѣшаемся говорить: слишкомъ срамно, слишкомъ тяжело и горько.

Какъ искоренить это зло? Одно средство: уничтожить существующій порядокъ, по которому благочинные назначаются консисторіями. Для блага всего духовенства благочинные должны быть избираемы самимъ духовенствомъ, и притомъ на опредѣленный срокъ. Вотъ единственное, и притомъ самое вѣрное средство зло-чинныхъ замѣнить благо-чиннамы.

И странно, непонятно странно, отчего это происходитъ, что, когда все у насъ, такъ или иначе, идетъ впередъ, одно духовенство стоитъ неподвижно, точно Китайская монархія; во второй половинѣ XIX. вѣка въ немъ тѣ же уставы, тотъ же порядокъ, то же управленіе, что были въ XVII, XVI и далѣе вѣнахъ? Мѣняются имена — сущность дѣла остается неизмѣнною; заказчики и десятильники измѣнились въ благочинныхъ, и послѣдніе ни на шагъ не ушли впередъ отъ своихъ предшественниковъ!

Вотъ, — всѣмъ сословіямъ дано право свободнаго выбора изъ среды себя на служеніе судебное и административное; мѣщанинъ, крестьянинъ — и тѣ выбираютъ себѣ голову — кого хотятъ, кого находятъ лучшимъ; лишь православное духовенство лишено этого права! — Духовенство-то за что лишено этого права? Или оно въ самомъ дѣлѣ ничтожнѣе въ государственномъ быту самыхъ крестьянъ? Или оно такъ безсмысленно — безсмысленнѣе всякаго мѣщанина, — что не съумѣетъ выбрать дѣльнаго для себя благочиннаго, умнаго депутата, совѣстливаго и правдиваго члена правленія консисторіи?

Нѣтъ, — все это отъ неумѣренной жажды власти нашихъ архипастырей; власти, не терпящей ни малѣйшаго ограниченія, ни малѣйшаго послабленія, такой деспотической власти, которая, ни когда не рѣшится допустить не только свободнаго выбора кого-нибудь

или чего-нибудь; но еслибъ только было возможно, не позволяла-бъ и дышать и думать свободно. — Pereat ecclesia-fiat nostra voluntas! Вотъ девизъ всей ихъ дѣятельности, самой ревнивой заботливости; вотъ причина этого страшнаго, погибельнаго для Церкви, застоя Русскаго духовенства. Во что бы то ни стало, еслибъ для этого нужно было сгубить всю Церковь, — они стараются сохранить туже силу, то же значеніе, какое архіерейство имѣло въ XV—XVII вѣкахъ; другія сословія ушли для нихъ отъ этого, и далеко ушли; но духовенство пока въ ихъ рукахъ, — такъ хоть надъ нимъ, елико возможно долѣе, сохранить свою страшную силу!!... И вотъ гдѣ разгадка ихъ жесточайшихъ преслѣдованій всякой новой мысли, новаго требованія, молѣйшаго поползновенія выйти изъ этого невыносимаго положенія; вотъ объясненіе ихъ несогласія на то, чтобы сельскимъ священникамъ дали жалованье. — „Доколѣ оно, — такова ихъ задушевная мысль, выражаемая каждымъ дѣйствіемъ, — бѣлое духовенство, убито нуждами, все погружено въ грязь, доведено до такого безвыходнаго положенія, что и думать ни о чемъ лучшемъ не въ состояніи, дотолѣ мы можемъ его унижать, гнать, давить, какъ только намъ угодно; дотолѣ всякій священникъ передъ нами — негръ американскихъ колоній (именно таковы отношенія между священникомъ и архіереемъ, какъ между негромъ и плантаторомъ), котораго мы можемъ казнить и миловать на всей нашей волѣ; а улучшится его положеніе, выйдетъ онъ изъ этой отвратительно-черной кожи, — онъ, пожалуй, заговоритъ о правахъ своихъ, какъ члена одной и той же Церкви; чего добраго, — будетъ еще требовать, чтобы съ нимъ поступали какъ съ человѣкомъ, какъ съ служителемъ Бога Вышняго; чтобы мы, — даже мы!!! обходились съ нимъ съ ува-

женіемъ! Гибни бѣлое духовенство, лишь бы наше самовластіе сохранилось цѣлымъ и не измѣннымъ! —“

А между тѣмъ, еслибъ только въ назначеніи и опредѣленіи благочинныхъ измѣнили средневѣковой обычай, сколько послѣдовало бы изъ одного этого благихъ послѣдствій! Дайте духовенству право самому выбирать изъ среды себя благочинныхъ и выбирать на три года, не больше, и исчезнетъ нечестивое племя злочинныхъ; будутъ выбраны, по крайней мѣрѣ нѣсколько, не артисты грабежа и покровители всякой мерзости, а наиболѣе добросовѣстные, честные и умные. Вліяніе такихъ людей, когда они пользуются большею или меньшею властью не сомнѣнно — избѣжно. По совѣтовать во время, пригрозить кстати, объяснить значеніе того или другаго поступка и послѣдствія его, — значитъ — и другихъ привлекать на путь добрый; преслѣдовать неутомимо, безпристрастно и энергически зло, — значитъ уменьшать число злыхъ; вотъ что долженъ дѣлать благочинный и что, безъ сомнѣнія, будетъ дѣлать умный, добросовѣстный и честный. А трехлѣтній срокъ будетъ надежнѣйшей уздой противъ всѣхъ поползновеній — увлечься самому благочинному къ чему-нибудь неодбряемому закономъ и совѣстью. Одна мысль, что черезъ три года ему придется услышать или благодарность или негодованіе отъ избравшихъ, и притомъ въ присутствіи всего духовенства, — съ честью быть избраннымъ на новое трехлѣтіе, или со стыдомъ оставить свое служеніе, безъ надежды когда-либо удостоиться такой чести, — одна эта мысль всегда будетъ держать его въ границахъ самой строгой правды, полнаго безкорыстія, неусыпной ревности къ дѣлу. Кромѣ того, волей-неволей тогда одумается и перемѣнитъ себя каждый іерей неисправный. Кому не захочется быть отличеннымъ между

собратами, и отличеннымъ ими самими, значитъ отличеннымъ достойно и праведно? Кому не захочется быть благочиннымъ? И вотъ открыта полная возможность для этого: будь достоинъ, и тебя допустятъ до балотировки, и быть можетъ жребій падетъ на тебя; не случилось этого теперь, — можетъ случиться черезъ три года. О, какой іерей не употребитъ тогда, всѣхъ силъ своихъ — вырваться изъ этого омута, въ которомъ болтается теперь!

А чтобы не было благочинному и повода брать со ввѣренныхъ ему деньги, для этого необходимо назначить ему извѣстную сумму на канцелярскіе расходы, на наемъ писца и разсыльныхъ и т. под., и жалованье хоть не большое за труды. Скажутъ: „но сколько же потребуется расходовъ, когда столько благочинныхъ?“ А на что ихъ теперь столько? Единственно для увеличенія доходовъ правленій и консисторій. Одинъ благочинный съ двумя помощниками совершенно достаточно на уѣздъ. Для большаго поощренія благочиннымъ — проходить свою должность ревностно, честно и неподкупно — правдиво, быть для другихъ примѣромъ жизни честной, воздержной, неукоризненной, необходимо установить особенныя награды — такія, какія принадлежали бы однимъ только благочиннымъ, — какъ напр.: за три трехлѣтія службы кресты на владимірской лентѣ, или что-нибудь въ родѣ этого. — О, пусть хоть бы для опыта сдѣлали все это, тогда увидѣли бы, что предлагаемая нами мѣра не мечтательная, не въ праздномъ воображеніи родилась она, а представилась единственною — уничтожить теперешнихъ благочинныхъ сельскихъ, — язву и позоръ духовенства, послѣ долгихъ и неутомимыхъ наблюденій, послѣ глубокихъ размышленій, послѣ неис-

числимыхъ совѣтовъ съ іереями особенно умными, дѣльными и благонамѣренными.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ одной пользѣ, которая послѣдуетъ за введеніемъ предлагаемой нами мѣры. Въ настоящее время Правительство заботливо старается объ уменьшеніи переписки въ присутственныхъ мѣстахъ и объ упрощеніи дѣлопроизводства. Но пусть бы посмотрѣли, какой хаосъ въ правленіяхъ и консисторіяхъ! Вотъ напр. полученъ въ консисторіи какой-нибудь указъ; въ эпархіи десять или больше правленій, — пишется указъ въ десяти экземплярахъ; въ уѣздѣ десять (minimum) благочинныхъ, и опять десять экземпляровъ. За тѣмъ рапорты благочинныхъ въ правленія, — каждый пишетъ по своему; неимовѣрныхъ трудовъ стоитъ правленію изъ этой разноголосицы составить что-нибудь единое; десять правленій доносятъ консисторіи, — повторяется таже исторія. А будь одинъ благочинный въ уѣздѣ, и пусть дѣла пойдутъ прямѣе, т. е. указы изъ консисторіи прямо благочиннымъ и ихъ рапорты прямо въ консисторію, — вотъ ужъ отъ одного этого переписки будетъ въ десять разъ меньше. Да и на что тогда будутъ эти правленія? Главнаго дѣла съ утра до ночи писать: „Слушали указъ консисторіи и приказали разослать его по вѣдомству, каковой и посылается къ вамъ, благочинному“ (вотъ по истинѣ дѣльное и дѣловое занятіе!), у нихъ не будетъ; слѣдствія? — но ихъ произведетъ благочинный или помощники его; повѣрка разныхъ отчетовъ по церкви, документовъ по приходу? — но и теперь уже большую часть подобныхъ дѣлъ консисторія взяла на себя — въ видахъ самой пользоваться, поборами, которыми прежде пользовались правленія, — почему же не взять и всѣ? Для самаго духовенства это будетъ значи-

тельнымъ облегченіемъ по однимъ дѣламъ письменнымъ. Теперь каждая вѣдомость, напр. метрическая, пишется въ трехъ экземплярахъ: для церкви, правленію нуженъ экземпляръ когда онъ есть въ консисторіи? Справки въ книгахъ и выправки метрическихъ свидѣтельствъ никогда не производятся въ правленіяхъ и не признаются законными нидгѣ; — за чѣмъ же представляется экземпляръ въ правленіе? Единственно за тѣмъ, чтобы отдать его на съѣденіе крысамъ и моли, и при принятіи его — пограбить представляющихъ. А когда не будетъ правленій, — не будетъ лишнихъ трудовъ, не нужныхъ и безполезныхъ; однимъ грабежомъ будетъ меньше, и городъ, въ которомъ теперь есть правленіе, не будетъ казаться духовенству притономъ разбоя самаго безжалостнаго самаго безсовѣстнаго, самаго наглаго.

г) Къ правленіямъ и консисторіи.

Въ послѣднее время слышны повсюду жалобы на страшныя злоупотребленія въ нижнихъ присутственныхъ мѣстахъ (гражданскихъ). Но что, еслибъ эти жалующіеся посмотрѣли, что дѣлается въ духовныхъ правленіяхъ и консисторіяхъ? Вѣрно они нашли бы, что земскіе и уѣздные суды въ сравненіи съ ними тоже, что ничтожный холеринъ въ сравненіи съ злѣйшей холерою и попріумолкли съ своими жалобами.

Да, есть судебныя мѣста, гдѣ во имя закона попирается всякая правда, попирается такъ явно, такъ безстрашно, такъ нагло, что и вообразить трудно; есть судебныя мѣста, которыхъ бѣжитъ всякій порядочный человѣкъ, о которыхъ всѣ говорятъ съ глубочайшимъ презрѣніемъ, самыя названія которыхъ

обратились въ притчу и позоръ, — это духовныя правленія и консисторіи. — Что жъ особеннаго-дурнаго въ нихъ?

Тамъ возсѣдаетъ глубочайшее невѣжество въ отношеніи къ правамъ и законамъ. Нѣтъ нужды, что членами консисторіи (о правленіяхъ и говорить нечего; они ниже и позорнѣе всего, что только можно себѣ представить) іереи — магистры*) а протоіереи; быть можетъ нѣкоторые изъ нихъ и въ состояніи написать проповѣдь, но юридическаго смысла и знанія нѣтъ ни въ одномъ, — говоримъ положительно и не боимся, что насъ обличатъ во лжи. Чего бояться? Пусть любому члену, напр. Тверской консисторіи поручатъ разобрать сколько-нибудь серьезное дѣло, подвести нужные законы и составить опредѣленіе, — тогда увидятъ, правду ли говоримъ мы. Въ консисторіи они то-же, что головы въ волостяхъ: сидятъ и подписываютъ что подадутъ имъ; или нѣтъ, — выше головъ, — поправляютъ грамматическія ошибки, да перепиываютъ резолюціи заранѣе приготовленныя. Но извѣстно, что ничто такъ не надмѣвается, какъ невѣжество: внѣшнимъ (quasi) величіемъ оно старается при-

*) Ужъ хоть правамъ-то (ivs) учили бы въ академіяхъ! А то со стороны смѣшно и жалко смотрѣть, какъ послѣдній подъячій водитъ за носъ посѣдѣлаго магистра. Такъ мудро понимается у насъ образованіе; такъ дѣлесообразно оно! — Учись всему, что для жизни рѣшительно ни къ чему; и не имѣй ни малѣйшаго понятія о томъ, безъ чего въ жизни обойтись нельзя. Еслибъ члены консисторіи не были такими невѣждами, то все-таки, кажется, было бы менѣе этихъ вопіющихъ подлостей. Иной магистръ изъ молодыхъ, не совсѣмъ ополъячившійся, и радъ бы противостать какой-нибудь рѣзкой мерзости, да незная какъ, по неволѣ мовситъ, соглашается и подписываетъ.

крыть внутренное ничтожество; извѣстно, что ничто такъ не завистливо къ истиннымъ достоинствамъ какъ невѣжество; извѣстно, что ничто такъ не способно на всѣ низости и мерзости, какъ невѣжество. — вотъ почему членъ консисторіи всегда представляетъ изъ себя такую личность, о которой и говорить невыносимо тяжело. Онъ доступенъ для полтинника, для цѣлковаго, для бутылки рому, для фунта чаю, и недоступенъ для лучшаго іерея въ эпархіи, если тотъ имѣлъ дерзость явиться ни съ чѣмъ. Онъ другъ и покровитель благочиннаго отъявленнѣйшаго грабителя, и неусыпный гонитель іерея честнаго, который считаетъ для себя толкаться безъ дѣла и нужды въ передней консисторіи. Онъ, — но скажемъ коротко, — цѣль всѣхъ его дѣйствій единственная: взятки, во чтобъ то ни стало взятки.

О подъячихъ и говорить нечего. Если члены консисторіи позволяютъ себѣ подобныя вещи, то чего жъ не позволитъ себѣ подъячій, бывшій нѣкогда семинаристомъ, и выгнанный изъ семинаріи за пьянство, буйство, и тому подобныя дѣянія?

Секретарь — это душа консисторіи, и вездѣ, всегда, безъ исключенія — жесточайшій бичь духовенства. Чтобы не распространяться объ этой личности, скажемъ только, что секретари консисторій считаютъ свои годовые доходы десятками тысячь. Откуда и какимъ образомъ? Ясно и понятно, что путемъ чистымъ и честнымъ пріобрѣтать столко нельзя; нужно прибѣгать ко всѣмъ подъяческимъ ухищреніямъ, къ безсовѣстнѣйшимъ продѣлкамъ, къ жесточайшимъ притѣсненіямъ, чтобы выжимать изъ духовенства такія огромныя суммы.

Каково жъ положеніе духовенства при такомъ управленіи, и особенно духовенства сельскаго, безза-

щитнаго и загнаннаго? Не напрасно же сельскій іерей (да и всякаго уѣзднаго города) больше содрогнется при извѣстіи, что его зачѣмъ-нибудь вызываютъ въ консисторію, чѣмъ при вѣсти, что въ его приходѣ показалась холера: отъ холеры еще быть можетъ Господъ и спасетъ; но кого прицѣпила какъ-нибудь консисторія, тому нѣтъ спасенія. Правъ онъ или нѣтъ, все равно; долженъ везти туда то, что скапливалъ впродолженіи многихъ лѣтъ по копѣйкамъ; а если этого нѣтъ, то продать послѣдній хлѣбъ изъ закорма, или послѣднюю скотину со двора. Безъ этого, найдутъ средства (кто имѣлъ дѣло вообще съ подъячими, не говоря уже о консисторіяхъ, тотъ неусомнится въ возможности этого) если не совсѣмъ погубить его, то навсегда заклеймить позорнымъ: „былъ судимъ и штрафованъ.“

Какъ ведутся дѣла тамъ, гдѣ у всѣхъ — отъ членовъ и до послѣдняго сторожа, — цѣль одна — обирать и грабить, — понять легко. Вотъ одинъ изъ тысячи тамъ извѣстныхъ случаевъ. Въ одномъ селѣ, пять лѣтъ тому назадъ, подрались священникъ и дьяконъ — пьяныя. Дѣяконъ принесъ жалобу. Началось слѣдствіе, и священнику воспретили богослуженіе. Священникъ съѣздилъ въ консисторію, ему разрѣшили богослуженіе и воспретили дьякону. Съѣздилъ дьяконъ туда же; ему разрѣшили и воспретили священнику. Дѣло продолжалось слишкомъ два года, и ровно по четыре раза каждому разрѣшали и воспрещали; такъ что наконецъ мѣстнаго благочиннаго совершенно сбили съ толку. Покажется это невѣроятнымъ? Да и въ самомъ дѣлѣ трудно повѣрить, чтобы такая кукольная комедія могла быть допущена въ дѣлѣ такой важности, какъ священнослуженіе. Однако-жъ мы сказали совершенную правду, и еслибъ кому

угодно было повѣрить, то мы назовемъ и село и лица. Кончилось дѣло тѣмъ, что когда изъ обоихъ выжали все, что только можно было выжать (священникъ распродалъ весь скотъ, даже въ сентябрѣ запродалъ озимовое поле) то дьякона вывели въ другое село, а священника оставили свободнымъ отъ всякаго наказанія. Такъ ведутся всѣ дѣла. Даже, если священнику нужно взять для сына или дочери метрическое свидѣтельство, то оно обходится 10—15 р. сер. Иначе, ето продержатъ мѣсяцы.

Говорятъ въ свое оправданіе пишущіе и подписывающіе — первые: „мы получаемъ слишкомъ малое жалованье;“ вторые: „мы не получаемъ никакого жалованья; такъ какъ же не брать?“ Но почему жъ не спросите себѣ жалованья у Правительства? Не возможно это? Такъ обложите все духовенство прямымъ налогомъ, и будте затѣмъ честны въ своихъ дѣйствіяхъ, если только можете. Съ охотой, съ радостью каждый священникъ отдастъ 5—10 р. въ годъ, если будетъ увѣренъ, что его уже не притѣснятъ ни въ чемъ, не будутъ искать, какъ бы прицѣпиться къ какому-нибудь дѣлу; будутъ смотрѣть на него, какъ на іерея, а не какъ гордые вассалы смотрятъ на своихъ данниковъ, и въ случаѣ нужды окажутъ ему всякую справедливость, не растягивая дѣла по мѣсяцамъ и годамъ.

Но будутъ ли когда-либо наши консисторіи лучше? И недумается и не вѣрится! Развѣ только огонь, который разольется послѣ суда страшнаго по всей землѣ, выжжетъ эти мѣста нечестія, срама и позора для всего духовенства, для всего управленія нашего.

д) Къ Епархіальнымъ архіереямъ.

Главная цѣль служенія архіерейскаго — пасти ввѣренное ему стадо. Чтобы вполнѣ достигнуть этой цѣли, ему необходимо знать всѣ духовныя нужды своей паствы, нужды до безконечности разнообразныя потому что паства его состоитъ изъ цѣлой губерніи, т. е. изъ сотенъ тысячъ человѣкъ, среди которыхъ неизбѣжно встрѣчаются: и высокая образованность, и глубочайшее невѣжество, и вѣра во всей чистотѣ и простотѣ, и отчаянное невѣріе, и самое дерзкое вольномысліе, и самое наглое нечестіе. Но возможно ли узнать всѣ нужды архіерею, постоянному жителю губернскаго города, лишь изрѣдка, мимоѣздомъ, осматривающему нѣкоторыя части своей паствы, и то тѣ, которые лежатъ на почтовомъ пути? Возможно. У него есть сослужители — іереи, самымъ назначеніемъ своимъ обязанные содѣйствовать своему архипастырю въ великомъ дѣлѣ его служенія. Пусть онъ сблизится съ ними, держитъ себя передъ іереями не трехбунчужнымъ пашей; а настоящимъ преемникомъ апостоловъ, къ которому каждый іерей могъ бы обращаться довѣрчиво, искренно съ любовію, какъ къ отцу — и въ два-три года онъ такъ ознакомится съ духовнымъ и нравственнымъ бытомъ своей паствы, какъ не ознакомится въ двадцать лѣтъ, или лучше никогда, — безъ этого средства. А узнавши нужды истинныя существенныя, а не воображаемыя, какъ теперь (— въ такомъ-то классѣ развитъ долженъ быть такой-то порокъ) онъ уже можетъ придумывать и средства къ предъотвращенію и, по возможности, уничтоженію ихъ. И въ этомъ случаѣ іереи могутъ быть вѣрными и надежными совѣтниками. Если и въ физическихъ недугахъ одна и та же болѣзнь, напр. холера, проя-

вляется безконечно различно, по различію организмовъ, и отъ этого ни противъ одной болѣзни нѣтъ универсальнаго лекарства; такъ, и тѣмъ болѣе, въ недугахъ нравственныхъ. Слѣдовательно, архіерею мало знать, гдѣ особенно гнѣздится какой порокъ; ему необходимо изучить: и въ какой степени развился онъ, и какъ онъ дѣйствуетъ — эпидимически, и какъ онъ проявляется въ лицахъ разныхъ сословій и пр., и потомъ уже приступать къ врачеванію его. А кому все это ближе, вѣрнѣе и точнѣе знать, какъ не мѣстному іерею, который съ утра до ночи, лицемъ къ лицу съ этимъ порокомъ? И что укажетъ надежнѣйшія средства противъ него, какъ не тотъ же іерей, знающій не только степень развитія этого недуга, но и личности, т, е. духовный организмъ недужныхъ? Такъ, посовѣтовавшись съ мѣстными іереями, архіерей не сталъ бы говорить о смиреніи*) передъ бар-

*) Неуказываемъ, кѣмъ и когда были произнесены эти слова; скажемъ только, что они напечатаны. Впрочемъ въ этихъ, и подобныхъ имъ, словахъ ярко отражаются — не отсутствіе здраваго смысла, а иныя цѣли — угодить сильнымъ міра сего и возвыситься черезъ нихъ, что и достигнуто. — Слово на освященіе иконостаса, въ которомъ купецъ-разбойникъ канонизованъ за живо и причтенъ къ лику величайшихъ ревнителей вѣры (— и это сказано съ каѳедры! и громъ небесный не поразилъ проповѣдывающаго такое дерзкое богохульство!) Церкви и православія (Боже, до чего ты долготерпѣливъ!) не напечатано. Вѣрно, цензура нашла, что канонизовать одному, хоть бы за выстройку иконостаса и за уплату тысячи сер. архіерею, нельзя ... А жаль, истинно жаль. Стоило напечатать — съ небольшимъ комментаріемъ; перевести на всѣ языки и пустить по Европѣ — по Россіи мало; пусть даже въ иныхъ земляхъ читаютъ, назидаются и дивятся тому, какой прогрессъ у насъ въ дѣлѣ проповѣди евангельской.

скими крестьянами, забитыми, задавленными, доведенными до состоянія рабочихъ животныхъ; о Божіемъ милосердіи передъ барами, которыхъ нужно бы громить словами неподкупной правды; не сталъ бы ублажать купца за то, что онъ построилъ новый иконостасъ и позвалъ его на освященіе, — купца, который три раза былъ банкротомъ, ограбилъ, пустилъ по-міру десятки семействъ, и старшихъ членовъ этихъ семействъ вогналъ преждевременно въ могилу, а младшихъ — въ распутствѣ заставилъ искать себѣ средствъ жизни... Нѣтъ, — узнавши все, какъ есть, онъ обличилъ бы порокъ; словомъ евангелія изрекъ бы судъ нечестіемъ, строжайшій судъ надъ этимъ наглымъ лицемѣріемъ, которое иконостасомъ вздумало сдѣлать удовлетвореніе, Богу, совѣсти, вѣрѣ, ближнимъ, за прежнія разбойничьи подѣтели; утѣшилъ, подкрѣпилъ, ободрилъ бы надеждой на воздояніе небесное страдальцевъ земныхъ и т. п. И слово это не было бы звукомъ мѣди звѣнящей, какъ теперь, а словомъ живымъ, проникающимъ до глубины костей и мозговъ; и не забылось бы оно съ отъѣздомъ его, а врѣзавшееся въ сердца слушавшихъ, передалось бы сотнямъ, тысячамъ не слышавшихъ. Такъ, при содѣйствіи іереевъ архіерей достигалъ бы, на сколько это въ силахъ человѣческихъ, цѣли своего званія.

А теперь что? —

Создатель мой! Что можетъ быть унизительнѣе, позорнѣе безчеловѣчнѣе того, какъ архіереи обращаются съ іереями вообще, и съ сельскими въ особенности? Кто бывалъ у архіереевъ въ тѣ часы, когда являются просители, тотъ, безъ сомнѣнія, видалъ, что іереи, даже покрытые сѣдинами, постыдно толкаются

въ сѣняхъ (даже и не въ прихожей!) съ причетниками и мужиками; сидятъ на лѣстницѣ, въ ожиданіи выхода владыки; нѣтъ нужды, что это бываетъ и въ морозы, градусовъ въ 25, — архіерей держитъ ихъ часа по два, по три; а пожалуетъ какая-нибудь барыня, — и по пяти часовъ, и, послѣ такого ожиданія, еще прикажетъ сказать, что сегодня не принимаетъ просителей, и чтобы они явились завтра. Вотъ образчикъ того, какъ архіереи милостивы и доступны іереямъ. Но этотъ образчикъ еще слишкомъ ничтоженъ; толи бываетъ?!

Но оставляемъ свое намѣреніе — описать все, что бываетъ въ обращеніи архіереевъ съ сельскими іереями, и слишкомъ много потребовалось бы бумаги, и слишкомъ горько писать подобные вещи, да и какая въ этомъ польза? Скажемъ коротко, что архіереи не только не хотятъ видить въ іереяхъ служителей Бога вышняго, своихъ собственныхъ сотрудниковъ въ великомъ дѣлѣ пастырства, но и людей. Какъ собакъ держатъ ихъ за дверми своихъ прихожихъ: кликнутъ на нѣсколько минутъ — для подачи ли прошеній или для необходимыхъ объясненій — и стараются какъ можно скорѣе выпроводить ихъ изъ своей прихожей. Не только удостоить продолжительнаго собесѣдованія, — даже подойти близко не хотятъ они къ іерею, а изъ дверей зала протягиваютъ руку для пріема прошеній. Словомъ, если кому угодно видѣть азіатское чинопочитаніе во всей его красѣ, во всемъ его отвратительно-пошломъ велелѣпіи, — отъ стуканья въ полъ подчиненнымъ и до фигуры начальника, въ которой во всей ярко выражается одно: необъятное, ни чѣмъ неудовлетворимое тщеславіе, — тотъ пусть проведетъ нѣсколько сутокъ при архіереѣ, и внимательно и безпристрастно всмотрится въ его обращеніе съ подчиненными . . .

Какія же слѣдствія такого обращенія? — Слѣдствія понятныя. Въ однихъ и тѣхъ же сѣняхъ вмѣстѣ съ іереями толкаются причетники и мужики; на однихъ тѣхъ же ступенькахъ засѣдаютъ; съ такимъ же презрѣніемъ архіерей смотритъ на іерея, какъ на послѣдняго пономаря, сторожа, солдата; — будетъ ли послѣ этого кто-нибудь уважать несчастнаго іерея? И не въ правѣ ли причетники, наглѣйшимъ образомъ оскорбляя своего іерея, говорить (и говорятъ всегда): „э, да что ты значишь? столько же, сколько и мы; преосвященный и съ тобой обращается, какъ съ нами?“ — А изъ-за служителя, всѣми презираемаго, не подвергается ли и служеніе его всеобщему презрѣнію? — Спаситель мой? На сѣдалищахъ апостольскихъ возсѣдаютъ все книжники-доктора и магистры богословія; но гдѣ-жъ нынѣ обитаетъ духъ апостольскій, духъ Твой, обнимавшій чудною любовію все человѣчество — отъ перваго и до послѣдняго грѣшника въ мірѣ, отъ друга — Іоанна и до Петра, столько разъ бывшаго соблазномъ для Тебя, и до неблагодарнаго Іуды? — По неизреченному снисхожденію Ты далъ власть дивную жертву изъ Твоего тѣла и крови; и въ нихъ, въ этихъ іереяхъ, поставленныхъ Тобою такъ высоко, — такъ высоко, что на священнодѣйствіе ихъ самые ангелы взираютъ съ благоговѣніемъ и трепетомъ, архіерея не хотятъ видѣть не только служителей Твоихъ, но даже и людей, и смотрятъ на нихъ какъ на собакъ нечистыхъ!! — Ужели вѣруютъ они въ Тебя, въ дѣйствительность чудной жертвы? Еслибъ вѣровали, то не отвергли бы съ такимъ незаслуженнымъ презрѣніемъ и жертвоприносителей ...

И іереи, подъ гнетомъ такого обращенія, всѣми средствами и мѣрами стараются избѣгать свиданій съ архіереями. Ни одинъ сельскій іерей, бывая по ка-

нимъ-нибудь дѣламъ въ губернскомъ городѣ, не осмѣлится побывать у архіерея такъ, просто, чтобы принять благословеніе. и услышать какое-либо наставленіе. Лишь самая крайняя необходимость заставляетъ его преодолѣть свой страхъ и явиться предъ лице владыки. И тутъ, еслибъ кто заглянулъ только, что происходитъ въ душѣ его, тотъ переполнился бы весь негодованіемъ къ такому порядку и состраданіемъ къ несчастному. Вотъ — онъ стоитъ или сидитъ, и по всему тѣлу у него холодная дрожь. Угодно ли кому удостовѣриться въ справедливости этого? Пусть любаго сельскаго іерея, готовящагося предстать предъ архіерея, заставятъ написать или подписать что-нибудь, — увидятъ, какія страшныя конвульсіи въ рукахъ у него . . . Онъ обдумываетъ, какъ и что сказать архіерею; но мимо его непрестанно снуетъ архіерейская сволочь, — отъ письмоводителя и до лакея, — и каждый какъ будто необходимымъ считаетъ толкнуть его и разорвать нить его мыслей лакейски грубымъ: что сталъ не на мѣстѣ (въ лакеѣ отражается господинъ, — извѣстная аксіома)? Онъ отходитъ на другое мѣсто; но гдѣ-бъ ни сталъ, гдѣ-бъ ни сѣлъ, — вездѣ не на мѣстѣ; вездѣ ругаютъ, отвсюду съ ругательствомъ гонятъ; и онъ, еще не видавшись съ архіереемъ, уже растерялся и на половину забылъ, о чемъ нужно говорить. „Преосвященный идетъ,“ шепотомъ раздается въ толпѣ просителей, — и онъ не чувствуетъ земли подъ собой; и легче было бы ему, еслибъ вмѣсто этихъ словъ сказали: потолокъ валится (— свидѣтельствуемся Господомъ живымъ, что это чистѣйшая правда; а впрочемъ, пусть любаго сельскаго іерея спросятъ, что дѣлается съ нимъ, когда онъ представляется архіерею, — каждый подтвердитъ сказанное нами; развѣ только изо ста одинъ захочетъ похва-

стать небывалой храбростью). Принявъ прошенія, архіерей обращается къ нему съ вопросомъ: тебѣ что? — „Объясниться съ в. в-мъ.“ — Вѣрно кляузы какія-нибудь; у васъ вѣчно кляузы. — Отъ этихъ словъ, высказанныхъ грубо, жестко, раздражительно, іерей теряется окончательно; мысли его путаются, несвязно безтолково, невнятно онъ бормочетъ кое-что, неумѣя дать себѣ отчету, гдѣ онъ и что дѣлается съ нимъ. Не разслушавъ и не дослушавъ, архіерей обращается къ нему спиной, и кончено объясненіе, отъ котораго нерѣдко зависитъ спокойствіе и даже судьба всей жизни іерея и всего его семейства. Слово, одно только слово привѣта и ободренія, могло бы успокоить встревоженный духъ іерея, и онъ получилъ бы возможность ясно и толково высказать, за чѣмъ являлся; но нѣтъ никогда такихъ словъ на устахъ архіереевъ, какъ и въ самомъ взглядѣ не выражается никогда ни милости ни снисхожденія. И эти жъ сатрапы въ рясахъ всегда такимъ образомъ рекомендуютъ барямъ сельскихъ іереевъ: „что за оссы, эти деревенскіе попы, — слова толкового не услышишь отъ нихъ; удивляюсь какъ еще вы терпите ихъ и допускаете къ себѣ (!!!).“ Рекомендація, по истинѣ, самая благонамѣренная, самая умная, самая архипастырская. Такъ безсовѣстно и безчеловѣчно топтать въ грязь цѣлое сословіе въ присутствіи тѣхъ, у которыхъ цѣль всей жизни — все попирать своими ногами; какъ бы говорить: „мы ужъ совсѣмъ растоптали поповъ; топчите кстати и вы, — все ослы, и большаго не заслуживаютъ.“ ... На это способны только смиренные архипастыри православной Руси! ...

Каковъ архіерей въ своемъ, неприступно — страшномъ, архіерейскомъ домѣ, таковъ же и при оборѣніи епархіи. Не остановится онъ переночевать въ

домѣ бѣднаго іерея, а заранѣе наводитъ справки, гдѣ есть помѣщики; такъ, чрезъ ихъ усадьбы и направляетъ свой путь, въ надеждѣ переночевать у котораго-либо. Остановится, и прикажетъ къ себѣ явиться окрестнымъ священникамъ. Тѣ являются, и въ лакейской ждутъ по нѣскольку часовъ, пока его высоко преосвященство натолковавшись со всѣми, удостоитъ выйдти и къ нимъ. Озадачитъ ихъ милостивымъ словомъ: „слышу я, что всѣ сельскіе попы пьяницы, буяны, притѣсняютъ во всемъ прихожанъ; смотрите, если и объ васъ дойдетъ до меня то же, не ждите милости,“ — и отпуститъ. Ждите послѣ этого себѣ уваженія, не говорю отъ баръ, но доже отъ лакеевъ и отъ мужиковъ-прихожанъ такъ принятые архіереемъ несчастные іерей! —

е) Къ раскольникамъ.

Одно изъ самыхъ странныхъ, трудно объяснимыхъ явленій въ Русской Церкви, — расколъ. Казалось бы, возможно ли, чтобы Русскій человѣкъ съ своимъ здравымъ смысломъ съ своимъ умѣньемъ терпѣть и переносить разныя невзгоды жизни, на основаніи такой пустѣйшей причины, какъ исправленіе церковныхъ книгъ, рѣшился разорвать всякое единеніе съ Церковію, возненавидѣлъ ея чиноначаліе, забылъ святыню мощей и чудотворныхъ иконъ, отказался отъ вѣковыхъ своихъ привычекъ?

Однакожъ это случилось! Отчего и почему?

Едва ли по тѣмъ причинамъ, которыми обыкновенно объясняютъ это явленіе. Не Требникъ, — самое Евангеліе исправлялось десятки разъ, даже искажалось нелѣпѣйшимъ образомъ переписчиками; и изъ

этого не возникало никакихъ смутъ въ Церкви. Мало знакомые съ грамотой, Русскіе преспокойно молились по рукописнымъ книгамъ, едва ли и догадываясь даже что въ нихъ есть грубѣйшія ошибки. И вдругъ — такая ревность за букву, за какое-нибудь слово!

Нѣтъ, что-нибудь было не такъ. Не мѣсто высказывать здѣсь всѣ наши соображенія объ этомъ.

Зло расло и тѣмъ страшнѣе, что народъ и прежде мало и скудно знакомый съ истинными началами вѣры, но чувствующій неизбѣжную потребность въ ней вздумалъ самъ себѣ составлять эти начала или искать учителей вѣры изъ среды себя, недовѣряя уже ни одному лицу принадлежащему Церкви. Можно представить, какой свѣтъ вѣры распространяли подобные учители, дѣствіями которыхъ руководила невѣжество и злонамѣренность! — Съ ожесточеніемъ противъ Церкви, противъ вѣры православной разлился и развратъ, — грубѣйшій, позорнѣйшій и отвратительнѣйшій . . .

Что дѣлается теперь для обращенія раскольниковъ? Тоже самое — мѣры строгости. Но цѣль всѣхъ этихъ мѣръ, кажется, единственная — дать возможность обирать этихъ несчастныхъ всѣмъ, кто только имѣетъ какое-либо отношеніе къ нимъ. Безпощадно, страшно обираютъ ихъ городская и земская полиція, губернскія правленія и . . . и . . . Священнику ли отставать отъ другихъ? По мѣрѣ сихъ хватаетъ и онъ, разумѣется, сельскій іерей по десятку рублей, городской по нѣскольку десятковъ, протоіереи считаютъ поборы сотнями. Случается, они возмущаются противъ всѣхъ этихъ мерзостей; но на подобные случаи есть особенныя мѣры. Можно ли что-нибудь вѣрнѣе и надежнѣе придумать для усиленія раскола и большаго отдаленія раскольниковъ отъ Церкви? Подобное обращеніе съ ними не можетъ не раздражать

ихъ, и раздражаетъ до того, что въ каждомъ православномъ — отъ знаменитѣйшихъ архіереевъ и до послѣдняго писца въ правленіи, или земскомъ судѣ, — они видятъ себѣ врага жестокаго, непримиримаго, готоваго или ограбить ихъ, или довести до тюрьмы. Самому благонамѣренному и честному священнику они вѣрятъ мало; а если иногда и сближаются съ которымъ, то послѣ долгаго, самаго строгаго наблюденія надъ нимъ и вполнѣ убѣдившись, что онъ не имѣетъ намѣренія — обирать ихъ. Какъ же должны смотрѣть они на сельскихъ іереевъ, іереевъ такихъ какихъ большинство? Они поятъ и кормятъ ихъ: даютъ имъ деньги и подарки, и — презираютъ глубочайшимъ образомъ. Смотря на раскольниковъ, и православные отдаляются отъ самой Церкви, и обращенія въ расколъ изъ православія совершаются каждогодно.

Да, повторяемъ: расколъ не уменшается, но увеличивается съ каждымъ годомъ, не смотря на то, что архіереи каждый годъ доносятъ Синоду: по дѣламъ вѣры все обстоитъ благополучно: совращеній въ расколъ не было, напротивъ обратилось въ православіе столько-то...

Обратилось!... Вотъ каковы эти обращенія. Молодому крестьянину (купцу, мѣщанину — все равно) нужно жениться потому что явная беззаконная жизнь позволяемая лишь помѣщику да купцу милліонеру, строго воспрещается человѣку не богатому. Онъ является къ православному священнику и проситъ повѣнчать. Тотъ не вѣнчаетъ; раскольникъ платитъ ему деньги. Священникъ записываетъ его обратившимся; ведетъ въ церковь и иногда въ самомъ дѣлѣ вѣнчаетъ, если случится при народѣ; чаще, если безъ народа, по поетъ что-нибудь и отпуститъ. Расколь-

ники перевѣнчиваютъ по-своему, налагаютъ на него покаяніе, обыкновенно поклоны и деньги; и какъ прежде, такъ и послѣ брака онъ и знать не знаетъ Церкви. Священникъ пишетъ его и жену въ исповедной вѣдомости православными; и до колѣ онъ исправно платится, отмѣчаетъ ихъ или бывшими у исповѣди или небывшими по отлучкѣ и т. п. А забудетъ доставить священнику наждогодную подать, священникъ увѣдомляетъ исправника, что N. N. снова обратился въ расколъ. Тотъ пріѣзжаетъ и обращаетъ въ православіе, т. е. обираетъ въ пользу свою и священника, какъ только хочетъ: раскольникъ же дѣлается еще упрямѣе и ожесточеннѣе. Консисторія и архіерей все это знаютъ. Но какъ для священника тотъ приходъ самый благодатный, такъ и консисторіи особенно дорожатъ этими священниками; средства у нихъ хорошія, нажиты они не добромъ; слѣдовательно ихъ всегда можно отдать подъ судъ, — съ полной надеждой — поживиться изрядно, до чего однако жъ священники не доводятъ себя, расплачиваясь съ консисторіей щедрой рукой; и — въ годичномъ отчетѣ — все обстоитъ благополучно! — Все, что мы сказали объ обращеніи, сказали на основаніи множества дѣлъ въ земскихъ и уѣздныхъ судахъ, которыхъ мы сами были очевидными свидѣтелями и невольными слушателями.

Во многихъ селахъ, гдѣ раскольники считались лѣтъ за 20 десятками, теперь половина, двѣ трети — раскольники. Знаемъ это отъ священниковъ и особенно отъ самихъ раскольниковъ.

Когда жъ и какъ истребится у насъ эта язва? Тогда, какъ радикально преобразуется у насъ все духовенство; тогда, какъ оно пойметъ свое высокое назначеніе и вырвется изъ этой непроницаемой тьмы,

въ которой болтается теперь; тогда, какъ само Правительство пойметъ, что для обращенія ихъ нуженъ образъ дѣйствій совершенно противоположный настоящему; тогда, какъ городничіе, исправники, и высшіе ихъ не будутъ грабить раскольниковъ — словомъ, кажется, никогда!!..

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ сдѣлать необходимое дополненіе.

1. Въ послѣднее время ни одинъ архіерей, ни консисторіи, ни правленія не обратили ни одного раскольника въ православіе, хотя каждый годъ вызываютъ для убѣжденія сотни ихъ.

2. Обращенія бываютъ изрѣдка, но наружныя, мнимыя по человѣческимъ разсчетамъ (напр. теперь, чтобы остаться купцемъ, что для раскольника невозможно) и безъ малѣйшаго внутренняго отвращенія. Раскольникъ, что и жидъ, при настоящемъ положеніи дѣлъ, никакъ не сольется съ Церковью и при первой возможности разорветъ соединеніе съ нею. Знаемъ это навѣрное отъ ихъ самихъ, обратившихся и необратившихся, и говоримъ положительно, потому что лгать имъ въ такомъ важномъ дѣлѣ не было ни повода, ни нужды.

3. Устройство церквей, въ которыхъ богослуженіе совершалось бы по старинѣ не уменшитъ, если не увеличитъ зло. Думаютъ, что это сблизитъ ихъ съ Церковію; — какое грубое заблужденіе, показывающее совершенное незнаніе духа ихъ! — Вотъ въ Москвѣ, въ Рогожской, построена церковь, — Архипастырь Москвы возрадовался этому великому событію и радость свою выразилъ въ грамотѣ. Вѣроятно, въ надеждѣ сколько можно сблизиться съ ними, онъ написалъ эту грамоту совершенно въ ихъ духѣ до Іисуса Христа, противъ чего такъ горячо ратовалъ нѣкогда. —

И онъ достигъ своей цѣли? — Нѣтъ и нѣтъ!! Говоримъ съ полнымъ убѣжденіемъ. Такъ: знаетъ ли онъ, что раскольники буквально исполняютъ правило какого-то собора: прокляни епископа тя поставившаго (въ іереи) въ ереси сущаго, и заставляютъ своихъ священниковъ проклинать поставившихъ ихъ, нашихъ архіереевъ? —

Сельскіе іереи, какъ проповѣдники въ городскихъ соборахъ.

Прекрасна цѣль, съ которою сельскимъ іереямъ вмѣнено въ обязанность проповѣдывать слово Божіе въ городскихъ соборахъ. Съ одной стороны — каждый праздникъ въ соборѣ должно возвѣщаться слово Божіе; съ другой — сельскіе іереи хоть разъ въ годъ освѣжатъ свою голову размышленіемъ и составленіемъ слова, хоть разъ въ годъ явятся тѣмъ, чѣмъ должны быть непрестанно, — провозвѣстниками истинъ евангельскихъ. Но и эта цѣль, какъ и все въ духовенствѣ, превращена въ источникъ доходовъ.

Должность цензора проповѣдей, всегда и безъ исключенія, поручается не тому іерею въ городѣ, который отличается умомъ, хорошей жизнью и пониманіемъ дѣла проповѣди евангельской, а тому, который заплатитъ больше. Но, заплативъ, нужно выручить затраченные и съ барышомъ. И — вотъ о чемъ вся забота цензора, къ чему направлена вся его дѣятельность; самыя проповѣди — дѣло послѣднее для него. Такъ и понимаетъ это дѣло большинство сельскихъ іереевъ. Несетъ въ свое время оброкъ, и — спокойно. И прекрасно достигается прекрасная цѣль:

іереи платятъ, цензоры берутъ и въ свою очередь расплачиваются! —

И чего жъ требовать отъ большинства сельскихъ іереевъ? Лѣтъ въ десять-двадцать живши въ деревнѣ до того они отвыкаютъ отъ работы головой, что ужъ не проповѣдь, а написать простую записку, письмо — для нихъ невыносимая тяжесть. Случается, нѣкоторые тщеславные; особенно изъ молодыхъ, еще хотятъ показать себя, и являются съ проповѣдью. И что жъ это за чудь и чушь? Обыкновенно, это компиляція изъ нѣсколькихъ проповѣдей прошедшаго вѣка (— хоть бы списывали изъ проповѣдниковъ новѣйшихъ, не дерзая измѣнять ни слова! Но можно ли это сдѣлать? Сей-часъ узнаютъ, что списалъ; а мы такъ подберемъ, что всякій скажетъ, что это наше; и ужъ точно ихъ собственное!!), собранная, мѣстами дополненая и объясненная ими самими. Пусть слушаютъ и назидаются городскіе слушатели такими дивными проповѣдями! — Само собой разумѣется, что большая часть слушателей бѣгутъ изъ церкви при самомъ началѣ проповѣди; оставшіеся, съ досадой, съ скукой, съ отвращеніемъ и къ проповѣднику, и къ самымъ проповѣдямъ, дожидаются конца. И какое послѣдствіе этого? Является послѣ полусотни подобныхъ проповѣдниковъ; пятдесятъ первый — съ словомъ, вылившимся прямо изъ души, проникнутый всей теплотой вѣры, всей крѣпостью убѣжденія, съ искреннѣйшимъ желаніемъ передать свое убѣжденіе слушателямъ, и — его бѣгутъ, и его слушаютъ разсѣянно, безъ вниманія. Что слушать? Всѣ гиль несутъ, — таковъ обыкновенный отвѣтъ слушателей, когда упрекнутъ ихъ въ невниманіи.

Бываетъ и хуже. Являются на каѳедру такіе, которыхъ за недѣлю, за мѣсяцъ, видѣли въ кабакѣ,

въ трактирѣ въ томъ же городѣ. Бываютъ и еще хуже. Являются прямо изъ какой-нибудь лавочки, и, вполпьяна, нечестивыми устами дерзаютъ возвѣщать слово божественное. Удовлетворенные заранѣе цензоры, на всѣ подобныя вещи смотрятъ какъ на дѣло обыкновенное; а нерѣдко и сами поднесутъ чарку-другую ради смѣлости. Доносятъ лишь на тѣхъ, которые почему-либо или совсѣмъ не представятъ денегъ или представятъ ихъ мало. Представить отличнѣйшую проповѣдь безъ денегъ, значитъ — заранѣе обречь ее на полное измараніе, часто съ нелѣпѣйшими и безсмысленнѣйшими замѣчаніями цензора.

Нѣтъ, не такъ бы должно вестись это дѣло. Съ истребленіемъ зла — настоящихъ цензоровъ, и съ избраніемъ годныхъ и достойныхъ, строжайше подтвердить имъ: 1) допускать на каѳедру лишь извѣстныхъ своею хорошею жизнію іереевъ; 2) позволять произнести лишь ту проповѣдь, которая могла бы заинтересовать, тронуть и убѣдить слушателей, да еще 3) часа два-три поучить проповѣдника, какъ произноситъ, чтобы онъ сказалъ проповѣдь, а не проболталъ, какъ болтаетъ его пономарь помилуй мя Боже. Пусть такихъ проповѣдей и такихъ проповѣдниковъ явится не больше десяти въ годъ; все жъ лучше, чѣмъ сотни компиляторовъ и тысячи полупьяныхъ проповѣдниковъ. 4) Всѣ таковыя проповѣди доставлять въ концѣ года архіерею, чтобы онъ а) вѣрно и безошибочно могъ судить о степени образованности своей эпархіи; б) зналъ лучшихъ іереевъ; в) награждалъ дѣльнѣйшихъ и поручалъ должности способнѣйшимъ и г) повѣрялъ самаго цензора. Но чтобы дѣлалъ все это самъ, и отнюдь не назначалъ комитетовъ. Лучшее средство — повести сверхнѣйшимъ образомъ какое бы то ни было дѣло — учредить комитетъ и поручить ему это дѣло.

Были назначены у насъ комитеты для просмотра катихическихъ поученій и суждеиій объ нихъ. Черезъ два-три года дѣйствій этихъ комитетовъ, набитыхъ бездарнѣйшими, пустѣйшими и завистливѣйшими іереями и протоіереями, тѣ катихизаторы, которые къ своимъ поученіямъ не могли или не хотѣли прилагать денегъ, бросили отсылать и самыя поученія, а иные бросили и самое дѣло. И къ чему посылать, заранѣе зная, что зависть и невѣжество все перечеркаютъ, все перепачкаютъ и втопчутъ въ грязь самый усердный, самый благонамѣренный трудъ; а преосвященный, на основаніи ихъ сужденія, сдѣлаетъ оскорбительнѣйшій выговоръ, обиднѣйшія замѣчанія?

А чтобы избирать и цензоровъ, сколько возможно болѣе годныхъ и достойныхъ, то протоіереевъ и іереевъ каждаго города вызывать на очередь въ губернскій городъ, гдѣ заставлять ихъ сказывать проповѣди, заранѣе собравши точныя свѣдѣнія объ ихъ поведеніи. Пусть достойнѣйшимъ цензорства окажется простой іерей, а не протоіерей, ему и поручить должность, потому что тутъ должно быть дѣло не въ званіи, а въ знаніи дѣла.

Но здѣсь, какъ и во всемъ, самое важное, самое главное — истребить взяточничество. Дѣло великое, одно изъ важнѣйшихъ въ Церкви Христовой, да ведется чисто и безукоризненно честно. Только при этомъ условіи слово Божіе будетъ проповѣдываться съ надеждой на успѣхъ.

НАГРАДЫ.

Всякій полезный трудъ требуетъ награды, — аксіома. Но это — аксіома вездѣ, кромѣ духовенства,

или точнѣе, кромѣ несчастныхъ іереевъ въ селахъ и уѣздныхъ городахъ; потому что архіереи и ихъ сателлиты всѣми силами стараются, чтобы это было ансіомой для нихъ, и проблеммой, когда дѣло касается бѣднаго бѣлаго духовенства. Когда заговорятъ объ награжденіяхъ ему, мудрые архипастыри обыкновенно отвѣчаютъ: „за чтожъ награждать? Оно обязано трудиться, и ничего особенно-отличнаго не дѣлаетъ.“ Да Боже мой! А вы развѣ не обязаны трудиться? За чѣмъ же вы такъ алчете повышеній на лучшія епархіи и орденовъ? И чтожъ такого, особенно отличнаго для Вѣры и Церкви православной дѣлаете вы, т. е. большая часть изъ васъ? — Вы служите (не чаще сельскихъ іереевъ) и больше или меньше усердно исправляете свои дѣла; и священникъ служитъ и лучше или хуже исправляетъ свои дѣла: не одинановы ли права на награды, разумѣется, различныя?

Несчастные іереи! Вамъ даже отказываютъ въ правѣ на награды. Писецъ, подъячій, выгнанные изъ низшихъ классовъ училищъ за неспособность, пьянство, или буйство, имѣютъ право на чины, на знаки безпорочной службы, на орденъ Владиміра за 35 службы; — вамъ однимъ отказано въ этомъ!

„Но какъ же отказано? Духовенство низшее получаетъ награды“ Правда получаетъ, но права получать не имѣетъ. Тамъ, гдѣ есть право, тамъ отказать въ наградѣ, въ чемъ бы она ни состояла, не смѣютъ; тамъ назначены опредѣленные сроки для выслуги; пришелъ срокъ, и выслужившій не имѣетъ нужды ни молить о представленіи, ни платить за то деньги; онъ можетъ требовать: толи же въ духовенствѣ? Опредѣлены ли сроки для полученія наградъ? Знаетъ ли покрайней мѣрѣ священникъ, что послѣ

извѣстныхъ лѣтъ службы честной и безпорочной онъ навѣрное получитъ какую-нибудь награду, безъ всякихъ съ своей стороны хлопотъ? Нѣтъ, ничего этого нѣтъ у насъ. Въ этомъ, какъ и во всемъ, у насъ господствуетъ полный произволъ консисторіи: его же хощетъ милуетъ, и его же хощетъ казнитъ, — и награды іереямъ обратила въ продажу съ ацкуіона (особенно дешево продавались у насъ въ послѣднее время набедренники — рубля три-пять; и оттого почти вся молодежь, служившая года по два по три, увѣшена ими, тогда какъ прежде нужно было служить лѣтъ 15 и болѣе). А осмѣлься іерей потребовать заслуженнаго, такъ его такъ отдѣлаютъ за честолюбивое требованіе, что онъ и внукамъ закажетъ помышлять о чемъ-либо подобномъ.

„Но священникъ — служитель Бога вышняго; къ чему жъ ему награды земныя, отъ людей? Награда его въ небѣ — отъ Бога. „Такъ. Но священникъ, прежде чѣмъ священникъ, — человѣкъ; и логически ли будетъ воспрещать ему тѣ желанія и стремленія человѣческія, которыя не вредятъ ни его званію, ни его дѣлу? — Кромѣ того онъ, — для цѣлей святыхъ и небесныхъ, — однакоже служитъ людямъ; за что жъ бы онъ лишился награды отъ людей. Пустынника, величайшаго подвижника, награждать людямъ не за что; онъ заботится лишь объ одномъ себѣ; цѣль всѣхъ его подвиговъ — личная польза: — священникъ долженъ заботиться о спасеніи сотенъ людей; и его ли заботы, его ли труды не должны люди поощрять наградами? Притомъ если ужъ награды введены, то почему жъ время полученія ихъ не ограничить, не опредѣлить закономъ, и не воспретить аукціонную продажу ихъ?

„Сельскій іерей не дѣлаетъ ничего отличнаго.“ —

Да развѣ уже не отличное дѣло, если онъ, скованный самыми тяжкими нуждами, погруженный въ самое отвратительно-вонючее болото жизни, не потеряется и не падетъ? Развѣ не подвигъ, не величайшій подвигъ, остаться честнымъ и чистымъ въ чумной атмосферѣ — причетничества и люда православнаго? Подвигъ всякаго пусстынножителя безконечно легче, чѣмъ подвиги предлежащіе священнику; у того два врага — діаволъ и плоть, у священника, кромѣ этихъ враговъ, милліоны другихъ, о которыхъ пустынникъ знаетъ развѣ по слуху. Пустынникъ, послѣ сорока-лѣтнихъ изумительныхъ подвиговъ, страшно палъ, когда на одну только ночь оставили вблизи его дѣвицу, имъ же изцѣленную; танъ — первое столкновеніе съ лицемъ изъ дѣйствительнаго міра погубило старца, отжившаго, казалось бы, для волненій и страстей. Въ какомъ же положеніи долженъ быть священникъ, съ утра до ночи сталкивающійся со всѣми лицами дѣйствительнаго міра? Въ какомъ состояніи долженъ быть его духъ, когда, на исповѣди, ему разсказываются танія вещи, отъ которыхъ холодъ проникаетъ въ кости, волосы на головѣ поднимаются къ верху, кровь останавливается въ жилахъ? И если священникъ, среди всего этого, сохранитъ себя чистымъ, — это не отличное дѣло? — А страшныя лишенія, на которыя осуждены — онъ, его жена, его дѣти послѣ безконечныхъ трудовъ, — если онъ переноситъ ихъ благодушно и терпѣливо, — все это, по вашему, мудрые и благонамѣренные пастыри, не подвиги, потому что вы не испытали ихъ, не имѣете ни малѣйшаго понятія объ нихъ, — и вамъ ли судить о значеніи ихъ? — О, безконечно было бы лучше, еслибъ вмѣсто академій, лишь надмевающихъ васъ, заставили бы васъ лѣтъ хоть по десяти пробыть сельскими священниками! Были-бъ вы и по

смиреннѣе, и доступнѣе, и имѣли бы настоящее понятіе о дѣлахъ сельскихъ іереевъ, кажущихся теперь вамъ ничтожными; да и дѣло свое разумѣли бы получше!

„Не дѣлаютъ ничего отличнаго.“ А вотъ этотъ архимандритъ, украшенный двумя орденами, что сдѣлалъ отличнаго? Развѣ то, что изобрѣлъ способъ проживать десять тысячь въ годъ при всемъ готовомъ, что составляетъ первыя потребности жизни, совершенно одинокій и не удѣляя ни деньги бѣднымъ и сирымъ? Развѣ то, что разорилъ свой монастырь, на который смотритъ какъ на ферму? Развѣ то, что служитъ въ недѣлю разъ и ночи посвящаетъ на интимныя собесѣдованія съ барынями, запершись въ своемъ кабинетѣ? По истинѣ, великія и важныя заслуги, далеко превышающія тяжкую, страдальческую, мученическую дѣятельность священника! Какое сравненіе! Одинъ живетъ сибаритомъ; для прихотливаго вкуса его съ трудомъ угождаетъ лучшій поваръ съ изысканнѣйшими блюдами, съ дорогими винами; для нѣжныхъ его членовъ никакія подушки не мягки, ни какіе ковры не эластичны (— и кто жъ это? кто? сынъ пономаря, вскормленный на рѣдькѣ и пустыхъ щахъ, валявшійся въ неисходной грязи; о Гетроча! И что будетъ дальше? До чего дойдетъ наконецъ?), глаза его не могутъ смотрѣть ни на что кромѣ серебра и брилліантовъ; дѣятельность его ограничивается прочтеніемъ N. газеты, или книжной журнала, а лѣтомъ разнообразится прогулкой въ каретѣ въ ближайшую рощу, или отплатой полуночныхъ визитовъ барынямъ и т. под. — Другой — въ самомъ кровавомъ потѣ лица пріобрѣтаетъ себѣ хлѣбъ; довольствуется въ средствахъ жизни тѣмъ, что нужно для всякаго крестьянина; не смотря на то, что долженъ удовлетворять безконечнымъ требованіямъ

своихъ прихожанъ, часто весьма прихотливымъ и неразумнымъ; — въ бурю, вьюгу, въ полночь, при 25. мороза, на клячѣ, долженъ ѣздить въ деревни верстъ за 5—10, нерѣдко послѣ цѣлодневныхъ самыхъ убійственныхъ трудовъ и пр. и пр. и. пр. — Какъ же не награждать перваго? Живетъ отлично! И за что награждать втораго? Ничего отличнаго не дѣлаетъ! „Но чѣмъ же и утѣшить себя монаху, — отвѣтилъ одинъ архипастырь — знаменитость, когда спросили его, какъ онъ позволяетъ своему викарю ѣздить на орловскихъ рысакахъ и пр., — какъ не хорошимъ столомъ, да не орловскими рысаками? (монаху!! такія утѣшенія!! — Впрочемъ такой отвѣтъ не удивителенъ изъ устъ архипастыря, который позволяетъ своему намѣстнику еще и не такія утѣшенія), священникъ можетъ развлечься семействомъ, а монахъ вѣдь не имѣетъ ни жены, ни дѣтей.“ Не имѣетъ? Не имѣютъ! А для священника чудное развлеченіе что у него нѣтъ ни средствъ ни возможности воспитать своихъ дѣтей какъ бы ему хотѣлось; сдѣлать изъ нихъ людей, а не сельскихъ поповъ и, отчего спаси Господи всякаго, не монаховъ! Не даромъ же отъ такого развлеченія такъ часто льются у него слезы, всей горечи которыхъ не въ состояніи понять всѣ доктора богословія.

„Но этотъ архимандритъ былъ въ академіи, а священникъ только окончилъ семинарскій курсъ.“ По истинѣ безконечная заслуга быть въ академіи, и даже сдѣлаться магистромъ! Важное благодѣяніе для Православія — зубрить четыре года самодѣльные курсы философіи и иныхъ мудростей; дѣлать компиляціи, и даже просто переводы, подъ громкимъ названіемъ разсужденій, и по выходѣ изъ академіи, успокоиться на лаврахъ при многихъ тысячахъ годоваго

доходу! Чудная заслуга, достойная всѣхъ наградъ! „Былъ въ академіи.“

Но еще какой особенной услугой Церкви заплатилъ онъ за то, что истреблялъ казенный хлѣбъ да таскалъ казенную одежу? — Танъ за это магистерскій крестъ съ пансіономъ: — пансіонъ на всю жизнь за четыре года зубренія, — да это такая роскошная награда, какой въ цѣломъ свѣтѣ ни одинъ университетъ не даетъ! Чего же хотѣть еще? „Былъ въ академія,“ — ну, такъ доказывай словомъ, дѣломъ, писаніемъ (и чего удобнѣе? всѣ средства для этого! не то что у какого-нибудь священника, которому подъ — часъ и бумаги купить не на что), что ты дѣйствительно вкусилъ отъ академической мудрости, и — тогда Господь съ тобой, получай ордена, хоть и тысячныхъ бы доходовъ за это довольно; — а то умѣть и знать только подписывать: архимандритъ и кавалеръ! — И какое образцовое безсмыслiе въ этомъ, какъ и во всѣхъ учрежденіяхъ православнаго духовенства! Магистръ, докторъ университета можетъ умереть съ голоду, если не имѣетъ родоваго имѣнія, или не примется за тяжкую работу головой; какой-нибудь магистръ академіи, большею частію необразованнѣйшее существо въ мірѣ, сейчасъ же по окончаніи курса уже обезпеченъ пансіономъ на цѣлую жизнь. Профессоръ университета убійственнымъ двадцатипятнимъ трудомъ можетъ обезпечить свою старость; монахъ лѣтъ черезъ 5—10 по выходѣ изъ академіи (большею частію и магистерство-то дается за поступленіе въ монашество; а ужъ если и при этомъ не дано оно, то значитъ хорошъ былъ студентъ) получаетъ ферму (монастырь) нерѣдко съ доходами, какихъ ни одному доктору и Triusys juris, или иначе чего, не видать въ цѣлую жизнь и предается всѣмъ

наслажденіямъ жизни безъ малѣйшаго опасенія — подвергнуться за то чему-либо; потому что архіерей монахъ же въ Синодѣ — монахи же, и всегда вытащатъ изъ всякой бѣды своего единоплеменно-черноножаго, развѣ ужъ онъ начудеситъ что-либо такое, чего никакой черной мантіей не скроешь . . . О Русь, Русь, Русь! только въ тебѣ могутъ совершаться подобныя чудеса!

„Но сельскіе іереи такъ дурно ведутъ себя что не заслуживаютъ наградъ.“ Согласны, если угодно, съ этимъ. Однако же нѣкоторые получаютъ — какіе же именно? Да священники богатыхъ селъ или бездѣтные. Въ чемъ же особенныя заслуги ихъ предъ бѣдняками и многосемейными? Въ томъ, что у нихъ есть лишнія деньги! — „Не заслуживаютъ?!“ Да получаютъ-то именно тѣ, которые менѣе всего заслуживаютъ наградъ; а достойные не удостоиваются ихъ, потому что не ищутъ и не платятъ. — Не будемъ повторять, отъ чего и отъ кого такъ много недостойныхъ іереевъ по селамъ; введите хоть въ наградахъ то строгій и безукоризненно честный порядокъ, и это одно заставитъ многихъ безпорядочныхъ іереевъ обратиться къ жизни порядочной. Теперь каждый знаетъ, что будь онъ предостоинъ, и въ цѣлую жизнь не получитъ ничего, если не купитъ; будь пренедостоинъ, и навѣрно, за исправный платежъ, преисправно будетъ получать награды; — и первый не рачитъ о себѣ, и второй не заботится объ исправленіи себя. Награждайте же лишь достойныхъ, безъ поборовъ и притязаній тогда увидите, какая перемѣна послѣдуетъ въ сельскихъ іереяхъ. Если не сознаніе долга, то хоть честолюбіе заставитъ многихъ одуматься, и вести себя и дѣйствовать, какъ прилично іерею. Великое дѣло — поощреніе справед-

ливое и разумное! И малосильнаго дѣлаетъ силы, — словомъ, нерѣдко дѣлаетъ чудеса. А вы, такъ безумно щедрые на наказанія, не хотите воспользоваться и и этимъ средствомъ, какъ и никакимъ, къ улучшенію сельскаго духовенства, и послѣ этого жалуетесь, что нѣтъ силъ исправить его!... И вы осмѣливаетесь жаловаться, награждая какого-нибудь благочиннаго; отъявленнѣйшаго негодяя, т. е. поощряя его, и ему подобныхъ, на все дурное!! — Боже мой и Господи!

А и случится какимъ-нибудь чудомъ, что дадутъ награду бѣдному, такъ она вмѣсто наказанія ему. Вездѣ награды присылаются на мѣсто жительства награжденному. У насъ непремѣнно вызываютъ его къ архіерею; — за чѣмъ? За тѣмъ, чтобы онъ расплатился съ архіерейскою и консисторскою сволочью. И спаси Господи, если онъ заплатитъ мало (можетъ или нѣтъ больше, — на это и вниманія не обращаютъ: займи, укради, гдѣ хочешь возьми, а расплатись щедро); получивъ награду, онъ вытерпитъ въ самомъ присутствіи консисторіи такую безстыдную, площадную брань, столько выслушаетъ угрозъ, что готовъ бы проклинать и самую награду. И угрозы — не пустыя слова: при первомъ случаѣ приводятся въ исполненіе; изъ-за сущихъ пустяковъ онъ терпитъ жесточайше оскорбленіе и даже наказаніе, чего никогда не случилось бы, если бъ не постигло его несчастіе побывать въ консистріи для полученія награды.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Но довольно! Нужно быть безконечнымъ, чтобъ описать все.

И это писали съ невыносимою болью сердца. Не разъ перо выпадало изъ рукъ нашихъ, когда дѣло шло о томъ что есть, хотя по возможности мы вездѣ старались смягчить горькую истину. Даже мы приступали къ этому дѣлу послѣ страшной двухлѣтней борьбы съ самими собой. Съ одной стороны: всегда всю душу нашу возмущало положеніе (и какого жъ истиннаго христіанина не возмутитъ оно?), до котораго дошло духовенство, особенно низшее; что можетъ быть ниже, позорнѣе этого положенія? Вездѣ, отъ великолѣпнѣйшихъ гостиныхъ до курныхъ избъ, клеймятъ его злейшими насмѣшками, словами глубочайшаго презрѣнія, неодолимаго отвращенія; самые снисходительные отзываются объ немъ съ состраданіемъ, или толчатъ, когда его росписываютъ. Ужасное положеніе! — Съ мыслью о такомъ положеніи у насъ всегда было неразлучно сильнѣйшее желаніе, чтобы духовенство, такъ или иначе, вырвалось изъ него; поняло ту чудно высокую цѣль, для которой учреждено оно на землѣ; стремилось къ достиженію этой цѣли по мѣрѣ силъ и возможности; словомъ, сдѣлалось тѣмъ, чѣмъ должно быть. И это желаніе заставляло насъ описать, если не все, то большую часть

зло въ духовенствѣ; указать на причины его, указать и на средства, какими, по крайнему нашему разумѣнію и убѣжденію, можно до нѣкоторой степени истребить его. Съ другой: — насъ всегда останавливала боязнь: поймутъ ли, т. е. захотятъ ли понять цѣль нашей записки? Не раздражитъ ли она тѣхъ, которые, съ сознаніемъ или безъ сознанія, довели духовенство низшее до этого положенія? А вслѣдствіе этого, вмѣсто пользы не принесетъ ли она еще вредъ для него? Не обрушится ли на него мщеніе жестокое, неумолимое, которое со всѣмъ задавитъ его?

Но нѣтъ, сказали мы наконецъ себѣ, — добро еще не умерло на землѣ; люда добра, въ высшемъ значеніи этого слова, есть въ мірѣ; иначе міръ погибъ бы, какъ пять несчастныхъ городовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ, которые узнаютъ себя въ представленныхъ нами чертахъ, назовутъ наши слова хулой, нелѣпостью, злонамѣреннымъ памфлетомъ; а на насъ, если Господь попуститъ, сподвигнутъ люди и старцы и книжники, и нападше восхотятъ насъ, приведутъ на сонмище, поставятъ свидѣтели ложны, глаголющія, яко человѣкъ сей не престаетъ глаголы хульныя глаголя на мѣсто святое сіе (консисторіи) и законъ да, непремѣнно скажутъ: дерзнувшій высказать правду о консисторіи подрываетъ вѣру и законъ въ самомъ основаніи; синагога и законъ, консисторія и вѣра, по мнѣнію фарисеевъ и книжниковъ всѣхъ временъ, единое-нераздѣльное; и все, что ни дѣлается въ консисторіи, дѣлается во имя вѣры и закона Христова . . . Консисторія и вѣра! — О какія несочетаваемыя, на самомъ дѣлѣ, слова! Все равно, что свѣтъ и тьма, рай и адъ, Христосъ и Веліалъ!!..). Слышахомъ бо его глаголюща, яко нужно разорити мѣсто

сіе, и измѣнить обычаи, яже предаша намъ лѣта древнія. И распышутся сердцы своими, и заскрежещутъ зубы на ны, возопіютъ же гласомъ великимъ, заткнутъ уши свои. и устремятся единодушно на ны, и изведше внѣ града, въ грозный примѣръ другимъ, казнятъ насъ... Такъ будетъ, если наша записка попадетъ въ ихъ руки. Но, быть можетъ, она попадетъ въ руки людей добра (не ужели Господь, видящій какимъ всепожирающимъ огнемъ любви горитъ вся душа наша къ Церкви Православной, ко всему, что можетъ служить для ея блага, для ея славы, попуститъ, чтобы записка наша попала въ руки первыхъ?) о, тогда и наша записка принесетъ хоть зерно добра! Безъ предъубѣжденія, безъ озлобленія прочтутъ они нашу записку; безпристрастно сдѣлаютъ повѣрку всему, высказанному нами, если сами не видѣли и не слышали того жъ, что впрочемъ невѣроятно; и неопустятъ а, быть можетъ, даже поищутъ случай быть полезными для низшаго духовенства...

Коренное преобразованіе для всего духовенства необходимо. Надѣемся, что съ этимъ согласиться всякій, кто будетъ имѣть терпѣніе прочесть записку нашу. Но оно можетъ совершиться лишь могучей рукой? Державнаго. Заслуживаетъ ли духовенство того, чтобъ подвигнуть къ дѣйствію эту руку? т. е. на столько ли оно полезна и нужно въ государствѣ, чтобы единый Державный соблаговолилъ обратить на это вниманіе? — Вотъ вопросъ!!! — Отъ рѣшенія его зависитъ вся будущая судьба духовенства, т. е. возникнутъ ли ему къ жизни новой свѣтлой и благотворной, или догнивать въ тлѣтворномъ болотѣ...

Мы не осмѣливаемся дать полный отвѣтъ на этотъ вопросъ; а дерзнемъ высказать одну только мысль.

Одно изъ двухъ: духовенство нужно или нѣтъ въ государствѣ. — Не нужно? Пусть уничтожатъ его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Въ обществѣ, какъ и въ организмѣ человѣка, все ненужное вредно; слѣдовательно, чтобы организмъ былъ здоровъ, а общество устроено на прочныхъ основаніяхъ и вполнѣ благоденствовало, все вредное должно быть изгнано, уничтожено. — Нужно? такъ пусть опредѣлятъ мѣру и степень его нужды; за тѣмъ ясно, точно, положительно опредѣлятъ условія его существованія; избавятъ его во всемъ отъ произвола человѣческаго; дадутъ ему средства и возможность достигать той цѣли, съ какою оно допущено въ государствѣ. Послѣ всего этого уже пусть строго требуютъ, чтобы оно ни на шагъ не уклонялось отъ своей цѣли. Но сдѣлать все это нужно немедленно. Зло не то, что добро; быстро растетъ оно и развивается. Мы видѣли до какихъ страшныхъ размѣровъ дошло оно въ духовенствѣ. Ждать ли же, когда оно своей смертоносной атмосферой заразитъ все и всѣхъ. Въ физическихъ болѣзняхъ не рѣдко часъ опредѣляетъ — ожить или погибнуть больному. Нѣчто подобное бываетъ и въ нравственныхъ. И въ нихъ какъ будто есть кризисъ: не поспѣетъ благодѣтельная рука вовремя, — все погибло; никакія усилія, ни чьи силы не воззовутъ къ жизни погибшихъ нравственно, — будетъ ли то единица, или будутъ тысячи единицъ, т. е. цѣлое сословіе, или милліоны единицъ — т. е. цѣлое государство. —

Считаемъ нужнымъ еще разъ объяснить, что мы, описывая сельское духовенство, имѣли въ виду лишь большинство іереевъ, а отнюдь не всѣхъ. Найдутся

іереи вполнѣ достойные званія своего, которыхъ никакой стороной не касается описаніе наше; найдутся такіе, которыхъ описаніе нише касается лишь нѣкоторыми сторонами; и къ несчастію, найдутся и такіе, которые хуже нашего и ниже всякаго описанія. Выразимъ эти четыре разряда цифрами, разумѣется приблизительно. Изо ста-такихъ, какъ мы описали 70; лучшихъ 5; среднихъ 20; худшихъ 5. —

...Поле полно костей человѣческихъ... и се сухи зѣло. —

Дерзнемъ вопросить Тебя, Господи! оживутъ ли кости сія?

Дождемся ли мы этой свѣтлой, чудной радости, что устами Христа своего Ты изрѣчешь костемъ симъ: се азъ введу въ васъ духъ животенъ ... и дамъ духъ мой въ васъ, и оживете, и цвѣсте, яко азъ есмь Господь? —

О, вѣруемъ, несомнѣнно вѣруемъ, что это будетъ! Пророчетъ Помазанникъ Божій на мертвыхъ сія, и — внидетъ духъ жизни, и оживутъ, и станутъ на ногахъ своихъ, — соборъ многъ зѣло...

И соборъ многъ зѣло, воззванный къ жизни, посвятитъ всю ее на пламеннѣйшія моленія за своего животворца — Помазанника Божія и за все его дарственное семейство и за его Державу.

И соборъ многъ зѣло тамъ — въ странѣ вѣчной жизни, предъ престоломъ Царя Царствующихъ, крѣпкимъ гласомъ воскликнетъ имя того Царя земли Русской, который совершилъ то, чего не было сдѣлано со временъ Равноапостольнаго Князя Владиміра, — извелъ изъ тьмы и сѣни смертной тѣхъ которые, другихъ должны вести къ пренебесному свѣту ...

ДОПОЛНЕНІЯ.

I. Іереи уѣздныхъ городовъ.

Положеніе іереевъ въ уѣздныхъ городахъ, за весьма рѣдними исключеніями, еще хуже положенія сельскихъ іереевъ. Купецъ, мѣщанинъ — тотъ же крестьянинъ по степени разумѣнія и пониманія вещей; но съ требованіями нелѣпѣйшими и безстыднѣйшими чѣмъ сами баре — уѣздные аристократы. Крестьянинъ забывается передъ священникомъ; купецъ всегда видитъ въ немъ нѣчто среднее между работникомъ своимъ и нищимъ (безъ малѣйшаго преувеличенія); такъ и обращается. Съ одной стороны — онъ безсовѣстно-нагло требуетъ отъ него всякихъ послугъ, весьма нерѣдко противозаконныхъ; съ другой — съ негодованіемъ и презрѣніемъ кидаетъ, или даже высылаетъ съ работникомъ какую-нибудь мелочь. Поэтому, іерей въ городѣ больше задавленъ и убитъ, чѣмъ іерей въ деревнѣ. Правда, онъ не ломитъ работъ; но всякій согласится, что легче ломить какую угодно работу, чѣмъ ухаживать за каждымъ мѣщаниномъ, подъячимъ, пресмыкаться предъ купцами; живетъ онъ почище (это-то вѣроятно и заставило думать мудрыхъ и внимательныхъ архипастырей нашихъ, что іереи уѣздныхъ городовъ все богачи; — богачи! —

посмотрѣли бы на это богатство, по милости котораго весьма нерѣдко у городскаго іерея нѣтъ возможности купить заразъ два-три пуда муки ржаной —); но нуждъ и лиждъ и лишеній терпитъ еще больше, потому что жизнь въ городѣ дороже.

Но въ нравственномъ отношеніи онъ стоитъ много выше сельскаго іерея. Необходимость почти каждодневной службы заставляетъ его быть трезвымъ. Желаніе, хоть чѣмъ-нибудь дѣйствовать на прихожанъ, заставляетъ его нерѣдко говорить проповѣди. А для этого большую часть времени онъ отдетъ чтенію и размышленію. Вообще городской іерей, преданный грубымъ порокамъ, явленіе не часто повторяющееся.

Что до отношеній его къ архіерею, консисторіи и т. п., то они совершенно тѣже, что и у сельскаго іерея.

Необходимость — поставить городскаго іерея въ положеніе возможно — независимое отъ безстыднаго и невыносимаго деспотизма прихожанъ, обезпечить его хотя въ главныхъ потребностяхъ жизни, чтобы онъ не стоялъ по цѣлому часу съ открытой головой передъ прихожаниномъ изъ-за пуда муки, изъ-за фунта свѣчь, — особенно, если къ несчастью онъ имѣетъ большое семейство, — еще важнѣе, еще настоятельнѣе, чѣмъ даже для сельскихъ іереевъ. Торговля и промыслы рѣшительно во всѣхъ городахъ быстро падаютъ. Капиталисты-милліонеры у насъ преданіе, которому и вѣрится съ трудомъ. Отъ этого и тѣ средства, которыми пользовались іереи прежде, средства, добываемыя съ такимъ трудомъ и уничиженіемъ, уменьшаются съ каждымъ годомъ. А наглость и безстыдство прихожанъ растутъ соразмѣрно съ обѣдненіемъ іерея. „Не дамъ тебѣ, такъ издохнешь съ

голоду какъ собака," — весьма нерѣдко говоритъ какой-нибудь купецъ, требуя отъ своего іерея чего — либо рѣшительно неисполнимаго для іерея честнаго (напр. обвѣнчать въ родствѣ, или несовершеннолѣтнихъ и т. п.). И что жъ? — Перспектива — умереть съ голоду, неизбѣжная на дѣлѣ, потому что у городскаго іерея, кромѣ доходовъ, иныхъ средствъ жизни рѣшительно нѣтъ никакихъ, заставляетъ его дѣлать подлость, до которой онъ никогда не дошелъ бы, еслибъ имѣлъ хоть самое нужное для жизни вѣрное, независимое отъ этихъ вандаловъ.

О нищета, нищета! скольких іереевъ достойнѣйшихъ сгубала ты!!..

Не понятно одно: почему въ проэктѣ объ улучшеніи быта духовенства, забыты именно тѣ, которымъ скорѣе всѣхъ необходимо это, — полунищіе, готовые дойти до совершенной нищеты — іереи уѣздныхъ городовъ?

II. Еще нѣсколько словъ о семинарскомъ образованіи*)

Семинарское ученіе, отвращая умы молодежи отъ всѣхъ основательныхъ и полезныхъ свѣденій сообщая имъ лишь наружное, поверхностное полузнаніе предметовъ рѣшительно не нужныхъ для жизни дѣйствительной, внушаетъ желанія, нисколько несообразныя съ тѣмъ положеніемъ въ обществѣ, въ которое должны вступить они по выходѣ изъ семи-

*) Изъ особенной, приготовляемой нами, записки о томъ, каково теперь и какимъ должно быть семинарское образованіе чтобы вполнѣ соотвѣтствовало цѣли — приготовлять достойныхъ іереевъ. —

наріи, и ведетъ такимъ образомъ, чрезъ длинный рядъ несбывающихся мечтаній, души пылкія къ отчаянію, души низкія къ грубѣйшимъ порокамъ, души обыкновенныя къ подлостямъ исканія и пресмыкательствъ. Тѣжъ, у которыхъ больше твердости, и не подпадаютъ ни подъ одну изъ этихъ жалкихъ категорій — тѣ продолжительными и тяжкими уроками дѣйствительной жизни, должны искупать обольщенія, порожденныя въ нихъ блестящими и пустѣйшими занятіями составляющими такъ называемое семинарское образованіе. Безъ малѣйшаго преувеличенія можно сказать, что студенту, кончившему курсъ въ семинаріи, много лѣтъ нужно разучиваться всѣмъ ложнымъ понятіямъ, стряхнуть съ себя нелѣпѣйшіе предразсудки и отказаться отъ смѣшныхъ притязаній, которымъ научился въ семинаріи у своихъ наставниковъ старавшихся не столько сдѣлать изъ него человѣка, сколько, въ угоду своей профессорской суетности, пріучить къ наружному блеску и безобразнѣйшему тщеславію.

Такая система образованія была понятна въ XVII. вѣкѣ, когда отъ образованія требовали только наружнаго блеска, — средства, чѣмъ- нибудь отличиться отъ толпы. — Цѣль эта тогда вполнѣ достигалась. Ученикъ семинаріи, въ продолженіи 10—15 лѣтъ, добившійся умѣнья составлять на языкѣ Горазія и Виргилія нелѣпѣйшія вирши, разсуждать на языкѣ Цицерона de omni re scibili, не зная надлежащимъ образомъ ни одной, et quibusdam aliis, считался чудомъ образованности, схватившимъ всю мудрость человѣческую и проглотившимъ всѣ науки . . . Но оставить безъ всякаго измѣненія съ XVII. вѣка до настоящаго времени такое образованіе, — это, или величайшее безуміе, или крайнѣйшая злонамѣренность тѣхъ, которые заправляютъ у насъ этимъ великимъ дѣломъ.

Какъ, казалось бы, не видѣть, что въ настоящее время отъ науки требуется не блескъ, а дѣло; отъ знанія — не цвѣты, а плоды? Какъ не понимать, когда всѣ поняли, сознали, кричатъ во всеуслышаніе, что образованность та истинная, настоящая, та должна быть допущена въ цивилизованномъ обществѣ, которая можетъ быть приложена къ жизни, которая приготовляетъ человѣка — жить не на счетъ другихъ, быть не бременемъ для общества, а въ самомъ себѣ находить силы и средства — удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни? — Силы для этого всѣмъ даны Господомъ. Вотъ ихъ-то развить, направить къ добру, — вотъ образованность истинная! —

III. Жалованье іереямъ.

Всякій, кто будетъ имѣть терпѣніе прочесть нашу записку, согласится, увѣрены мы, что духовенству жалованье необходимо, до того необходимо, что безъ него оно никогда, никакими средствами и усиліями не будетъ въ возможности — соотвѣтствовать цѣли назначенія своего. Но какое жалованье положить іереямъ уѣздныхъ городовъ и селъ? Чѣмъ ограничить его, чтобы оно не было ни слишкомъ велико, ни слишкомъ мало; не вовлекало его въ тѣ крайности, въ которыя вовлекаетъ излишество, и не заставило по прежнему прилѣгать къ доходамъ, достойнымъ всѣхъ проклятій всѣхъ благомыслящихъ людей? — Посмотримъ сначала, какъ это дѣлается въ иныхъ земляхъ.

„Католическое духовенство во Франціи въ настоящее время получаетъ различное жалованье, смотря по мѣсту служенія и по степени, которую извѣстное лице занимаетъ въ іерархіи: простые священники въ

большихъ городахъ получаютъ отъ казны 385 р. сер. въ годъ, другіе по 300 р. сер., а деревенскіе по 212 р. сер.; послѣднимъ община прибавляетъ еще отъ 25 до 38 р. сер. за разныя требы. Такимъ образомъ положеніе низшаго духовенства во Франціи не блистательно.“*)

Положеніе не блистательно! И однако жъ у нихъ нѣтъ семействъ; имъ нѣтъ нужды воспитывать сыновей; отдавать за мужъ дочерей и т. п.; помѣщеніе у нихъ казенное; консисторіи ихъ не грабятъ, благочинные — то же и пр. и пр. Каково же должно быть положеніе нашего низшаго духовенства? —

Правда у насъ предположено обезпечить ихъ жалованьемъ, и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ уже получается. Въ одной изъ такихъ губерній мы были въ недавнее время и — осмѣлимся высказать правду — не замѣтили, чтобы оно измѣнило отношенія между священникомъ и прихожанномъ: тѣ жъ ненавистные поборы, что были и прежде, тожь духовное разъединеніе между пастырями и пасомыми, что было и всегда. — Какая жъ причина того, что и самое обезпеченіе духовенства не достигаетъ своей цѣли?

Жалованье сельскому духовенству назначается, сообразно съ числомъ душъ прихода 100—200 р. — Что сказать о такомъ назначеніи? Прежде всего, то, что оно непремѣнно должно быть составлено монахами. Только въ нихъ, цѣликомъ проглотившихъ всю человѣческую мудрость, можетъ быть такое полное отсутствіе здраваго смысла, такое рѣшительное непониманіе потребностей житейскихъ, такое глубокое невѣжество въ знаніи хозяйственной географіи обширной Руси, только въ нихъ и ни въ комъ больше.

*) Экономъ. Указ. 58 г. N. 10, стр. 240.

Всякій крестьянинъ, мало мальски толковый, въ милліонъ разъ умнѣе и сообразнѣе съ цѣлію устроилъ бы это дѣло. А вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ, какъ и во всемъ, въ полномъ свѣтѣ обнаружилась та нелѣпая самонадѣянность, то безсмысленное тщеславіе, которыя ни какъ не позволяютъ обратиться за совѣтомъ къ тѣмъ, кого это дѣло прямо касается и по которымъ всѣ свои рѣшенія они считаютъ непогрѣшимыми.

Кто, съ однимъ простымъ здравымъ смысломъ, не скажетъ, что при назначеніи жалованья іерею чиновнику, кому угодно прежде всего нужно сообразоваться съ мѣстнымъ положеніемъ ихъ? Одно ли значеніе имѣютъ одни и тѣ же сто рублей: въ губерніяхъ внутреннихъ, восточныхъ, въ Украйнѣ, въ Бѣлоруссіи, въ Сибири? Въ одномъ мѣстѣ, при чрезвычайной дешевизнѣ жизненныхъ потребностей, на нихъ можно жить въ достаткѣ; въ другомъ, — что значатъ эти сто рублей напр. въ Тверской, Владимірской и еще болѣе въ Смоленской губерніяхъ?

Распредѣлить жалованье по числу душъ прихода, по-видимому, тутъ есть здравый смыслъ; кому больше труда тому больше и жалованья. А въ сущности дѣла и тутъ мало справедливости. Трудиться каждый долженъ. „На трудъ рожденъ человѣкъ,“ сказалъ праведный Іовъ. А если кого больше касается это изрѣченіе, такъ священника. Прямое его назначеніе — трудъ. Слѣдовательно, великъ ли малъ ли приходъ, — дѣло не въ томъ. Тамъ и здѣсь священникъ долженъ отдавать все свое время прихожанамъ. Въ маломъ приходѣ количество труда должно вознаграждаться качествомъ. Этимъ уравнивается дѣло всѣхъ іереевъ. И жалованье назначается не какъ награда за трудъ, а какъ обезпеченіе, которое избавило бы его отъ необходи-

мости прибѣгать для пріискиванія средствъ жизни — къ средствамъ позорнымъ для его служенія. Кто больше трудится съ видимой пользой, для того должны быть иныя награды, а не кусокъ хлѣба. Иначе, священникъ будетъ ни больше ни меньше — поденщикъ и худшимъ изъ поденщиковъ, — работающимъ изъ хлѣба. Нѣтъ — жалованье должно быть назначено сообразно съ семействомъ: — бездѣтному одно, малосемейному другое, многосемейному иное. Все это будетъ сообразно съ здравымъ смысломъ, съ разсудкомъ, словомъ — съ чѣмъ угодно, т. е. будетъ справедливо.

Но возможно ли сдѣлать это? Значитъ для каждаго семейства должно быть особенное жалованье? — Вовсе не такъ трудно, какъ кажется. Въ Ноябрѣ каждаго года благочинный представитъ вѣдомость консисторіи о наличномъ числѣ іереевъ и семействъ ихъ. Консисторія, по таксѣ однажды составленной, высылаетъ ему для раздачи всю сумму, — вотъ и все дѣло! Скажутъ: по этому за каждый годъ нужно особенное назначеніе отъ Правительства суммъ на каждую губернію? — Нисколько. Число штатныхъ іереевъ опредѣлено уже; слѣдовательно оно всегда останется неизмѣннымъ. Число дѣтей ихъ — въ одинъ годъ больше, въ другой меньше; слѣдовательно, общій разсчетъ долженъ быть, какъ и вездѣ дѣлается, по десятилѣтней сложности. А тѣмъ, которые и послѣ сказаннаго нами будутъ считать это дѣло невозможнымъ, мы укажемъ на примѣръ пайковъ солдатскихъ, — выдаютъ же ихъ отставнымъ солдатамъ, ихъ женамъ и дѣтямъ и порядкомъ идетъ дѣло; да тамъ еще и труднѣе, потому что предметы выдачи разнообразны; почему же бы это было невозможно у насъ, когда будутъ выдаваться одни деньги? —

Отъ этой мѣры, справедливой какъ нельзя болѣе, было бы много послѣдствій, и самыхъ благотворныхъ. Между іереями уничтожится зависть, такъ постыдно разъединяющая ихъ теперь. Всѣ они, по возможности, будутъ уравнены, и завидовать будетъ нечего. Теперь священники весьма не рѣдко мечутся съ одного мѣста на другое, иные отъ крайней необходимости, другіе просто отъ прихоти. Тогда не будетъ имъ ни повода ни нужды бѣгать изъ одного мѣста въ другое, и вездѣ быть безполезными; потому что они не успѣваютъ узнать ни нуждъ своихъ приходовъ, ни средствъ удовлетвореній ихъ. Тогда и самое начальство избавится отъ излишнихъ дѣлъ, по случаю перемѣщенія ихъ и пр. и пр.

Монахи положили, что священнику, каково бы ни было его семейство, довольно 100—200 р. — Изъ этого видно, что, кромѣ всего, они еще были и дѣти злые и не благодарные, объѣдали и изнуряли своихъ родителей, ни разу не подумавъ, не сообразивъ, что стоитъ каждый изъ нихъ училищный и семинарскій курсъ, ни разу совѣстливымъ, благонамѣреннымъ, сыновнимъ взглядомъ не проникнувъ во всѣ нужды, во всѣ лишенія, среди которыхъ живутъ ихъ родители. Нѣтъ сомнѣнія, что, отправляясь каждый разъ въ семинаріи, они заботились лишь о томъ, чтобы вытянуть изъ родителей какъ можно больше; а о томъ, какъ и чѣмъ будутъ жить на чисто обобранные родители, они ни разу не подумали. Именно такъ было, — хоть допроситъ совѣсть каждаго изъ нихъ о прошедшемъ. Иначе, они не дерзнули бы, посовѣстились бы сказать и опредѣлить, что іерею много семейному довольно въ годъ 100—200 р. Представимъ ихъ высокоумію разсчетъ жизни такого священника.

Возмемъ семейство, по числу лицъ его составляю-

щихъ, среднее; именно: священника съ женой, три сына и три дочери, — и того 8 человѣкъ. При такомъ семействѣ необходима работница, всего 9 человѣлъ. Предметы расходовъ означимъ самые необходимые; потребленіе и цѣнность вещей потребляемыхъ, возмемъ — minimum:

	Руб.	Коп.
1. Муки ржаной 60 пуд.	27	—
2. Муки пшеничной 2. сорта 15 пуд. . .	18	—
3. Крупъ, соли, солоду и т. под.	20	—
4. Говядины, масла яицъ и т. под. . . .	15	—
5. Свѣчь, масла деревян., мыла и т. под. .	15	—
6. Дровъ 15 саж. по 2 р. 50 к за саж. . .	37	50
7. Ремонтъ стройки, печей, посуды, мебели и. пр.	25	—
8. Для священника: 1 ряса, 1 подрясникъ *), 2 сап.. 1 перч., шляпа и пр.	30	—
9. Для жены: 1 салопъ, 2 платья 2 башм., платковъ и пр. и пр.	30	—
10. Тремъ дочерямъ на одежду, обувь и пр. и пр.	60	—
11. Работницѣ жалованья	15	—
12. Ей же на одежду, обувь и пр.	10	—
13. Покупка и содержаніе коровы	25	—
14. Прибавимъ расходы мелочные не предвидимые которыхъ нельзя означить съ точностыо: на лѣкарство бумагу. нищимъ, погребщикамъ, пролубщикамъ и пр. и пр. Все это, каждое въ отдѣльности, бездѣлица; въ итогѣ, по меньшей мѣрѣ . .	20	—
15. Прибавимъ на чай, сахаръ, водку, не для каждодневнаго употребленія, а на случай болѣзни кого-либо, на случай, если священникъ пріѣдетъ промокшій, продрогшій, и ради гостя	10	—
И того	397	50

*) Ряса и пр. не износятся въ годъ; но нужна же и теплая одежда какъ для свящ. такъ и для жены. По этому на каждый годъ нужно положить по одной крупной одеждѣ.

На сыновей. Двое въ семинаріи.

	Руб.	Коп.
1. За квартиру, столъ по 4 р. въ мѣсяцъ съ каждаго; въ 10 учебныхъ мѣсяцевъ .	80	—
2. Сюртукъ, шинель, обувь и пр. и пр. по 40 р. въ годъ на каждаго; обоимъ . .	80	—
3. На проѣзды въ годъ	25	—
4, На расходы мелочные: книги, бумагу, перья и пр. и пр.	8	—
Въ училищѣ для сына:		
1. За 10 учебныхъ мѣсяцевъ, за квартиру, столъ и пр.	20	—
2. Сюртукъ, тулупъ, сапоги, брюки, картузъ и пр. и пр.	15	—
3. На проѣзды въ годъ	10	—
4. На книги, бумагу, карандаши и пр. (о разбойничьихъ подаркахъ мы уже не говоримъ)	4	—
5. Прибавимъ для всѣхъ на расходы не предвидимые, напр. на случай болѣзни . .	8	—
И того	350	50
Всего въ годъ для всего семейства необходимо:	647	50

И того 647 р. 50 к.! Какой же мудрѣйшій и опытнѣйшій хозяинъ сведетъ приходъ съ расходомъ: жалованьемъ въ 100, 150, 200 р. покроетъ всѣ нужды?

Питомые, яко овцы на закланіе, нѣкоторыя статьи разходовъ могутъ назвать совершенно излишними, — роскошью, какой никакъ не должно допустить въ быту священника. Согласны. Священникъ — не монахъ; можетъ обойтись безъ щей, каши, пирога въ праздничный день и прочей тому подобной роскоши, и уничтожаемъ 2 ю., 3 ю. и 4 ю. статьи (— 58 р.). Священникъ — не монахъ, которому нужно 5—10 комнатъ; можетъ съ семействомъ жить въ одной избѣ. Согласны. Уменьшаемъ число дровъ на 10 сажень (— 12 р 50 к.). Уничтожимъ еще 13 и 15 ю. статьи, отзывающіяся

роскошью жизни (— 35 р.). Уничтожимъ, — но кажется уничтожать больше нечего; осталось лищь то, чѣмъ и работникъ у крестьянина довольствоваться не будетъ. Сколько же остается годоваго расхода? — 547 руб. — Отнимемъ у сыновей сто рублей, и они не дѣти монаховъ; могутъ быть заранѣе полунищими; остается 447 руб. Какъ тутъ быть священнику съ жалованьемъ своимъ? Куда его потянуть и растянуть? По неволѣ. и при жалованье, обратится къ поборамъ, еслибъ даже и сознавалъ всю мерзость ихъ. Такимъ образомъ жалованье, далеко несоразмѣрное съ нуждами, никогда и никакъ не уничтожитъ поборовъ. Послѣ этого къ чему-жъ оно? Какая польза въ этихъ полумѣрахъ?

Вотъ, по самой строгой справедливости, сколько должно быть назначено (minimum) жалованья для удовлетворенія существеннѣйшихъ потребностей жизни іереямъ и ихъ семействамъ во внутреннихъ губерніяхъ.

Священнику 100 р., женѣ его 80 р. — Надѣемся, что эти цифры не покажутся слишкомъ великими, когда скажемъ, что здѣсь хорошій работникъ беретъ въ годъ не менѣе 60 р., на всемъ готовомъ. И мы назначаемъ священнику больше работника какихъ-нибудь 20—25 руб. — Кажется не много.

Сыновьямъ по 50 р., дочерямъ по 30 р. въ годъ со дня рожденія. Конечно, пока они дѣти, на нихъ не выйдетъ столько. Но сыновьямъ въ училищѣ только что будетъ достаточно; въ семинаріи же потребуется вдвое и болѣе; такъ во время дѣтства и будетъ скапливаться необходимая, для пополненія послѣдующихъ дефицитовъ, сумма. Точно также въ дѣтство дочерей будетъ скапливаться сумма, необходимая для выдачи ихъ въ замужество.

Но гдѣ взять столько суммъ?

Когда захотятъ устроить это дѣло, такъ и суммы найдутся. А если Правительству не угодно будетъ увеличить суммы, уже назначенныя и опредѣленныя, то почему же не ввести и у насъ того же, что дѣлается во Франціи, т. е. чтобы недостающее доплачивали сами приходы (— разъ въ годъ, а отнюдь не въ видѣ воздаянія за исповѣдь, причастіе и пр.) И у насъ еще удобнѣе это сдѣлать, чѣмъ гдѣ-либо. Пусть крестьянамъ отдадутъ земли, которыми теперь пользуются іереи, и они за то платятъ, — чтобы еще было легче, хоть даже натурой, напр. по 10 четвертей того и другаго хлѣба, по 100 пудовъ сѣна, соломы и ироч и проч.

IV. Необходимое объясненіе.

Въ запискѣ своей вездѣ, гдѣ только дѣло касалось монаховъ, мы отзывались нѣсколько жестко. Поэтому, имѣемъ основаніе опасаться, что насъ строго осудятъ за неуваженіе къ монашеству.

На насъ даже можетъ обрушиться мщеніе болѣе существенное, — не смотря на то, что мы дерзнули и то не вовсеуслышаніе (— да и кто услышалъ бы и послушалъ бы насъ!); а довѣрили ихъ лишь бумагѣ, которую едва ли еще и прочтетъ кто. Вотъ почему мы сочли нужнымъ сдѣлать небольшое объясненіе.

Выражаясь жестко объ монахахъ, мы имѣли въ виду лишь нѣкоторыхъ, а отнюдь не всѣхъ, — тѣмъ менѣе самое монашество. Боже спаси и помилуй! Глубоко, душей и сердцемъ, чтимъ мы монашество; быть можетъ даже болѣе, чѣмъ большая часть изъ тѣхъ, которые украшаются этимъ именемъ. Чтимъ также и монаховъ истинныхъ; благоговѣемъ предъ именами Серафима и другихъ подвижниковъ Саров-

ской пустыни; благословляемъ Господа, читая письма Святогорца, Уманца и другихъ, что и въ наши дни не оскудѣваютъ праведники, своими дивными, вышечеловѣческими подвигами напоминающіе подвижниковъ пустынъ Ливійскихъ, Египта и пр. Съ любовію заботливо вносимъ въ свою помятную книгу — убогое наслѣдіе дѣтямъ, на память и поученіе имъ, имена тѣхъ монаховъ, которые вблизи насъ, безвѣстно для людей (истинный монахъ всегда кроется въ какой-нибудь самой убогой пустыни и бѣжитъ лавръ и богатыхъ монастырей) вѣдомо для Бога; усовершаются въ подвигахъ чистоты и святости; жадно пользуемся каждымъ случаемъ уловить и подмѣтить особенныя черты ихъ подвижнической жизни, услышать слово спасенія, добытое не изъ курсовъ риторики или философіи, а изъ безсонныхъ ночей, отданныхъ молитвѣ, изъ тяжкихъ для плоти человѣческой дней, проведенныхъ въ самомъ жестокомъ самоумерщвленіи.

Но монахъ — безъ призванія, а по цѣлямъ чисто человѣческимъ; но монахъ — лишь только по имени и по платью и нисколько по жизни; архимандритъ, добивающійся во чтобы ни стало архіерейства, а архіерей — орденовъ и лучшихъ эпархій; но монахъ, ктобы онъ ни былъ, старающійся выказывать въ себѣ вельможу-аристократа (что жъ послѣ этого обѣты, которые, давалъ онъ при вступленіи въ монашество? — игрушка, паутина, которую ничего не стоитъ разорвать?), но монахъ, подъ благовиднымъ предлогомъ управленія Церковію, присвоившій себѣ и всѣми силами удерживающій ни на чемъ неосновательное право: вмѣшиваться во всѣ дѣла духовенства бѣлаго (точно безъ этого и спасеніе его не возможно!) и пр. и. пр. и пр., — о, да проститъ Отецъ Небесный! — о такомъ монахѣ мы не въ силахъ говорить хладнокровно...

Скажутъ: „и на высотѣ всѣхъ почестей архіерейства можно остаться истиннымъ монахомъ.“ — Кто жъ и говоритъ противъ этого? Мы, даже мы, внесли въ свою памятную книгу два-три имени такихъ архіереевъ; мы считаемъ не преложною обязанностію приносить каждый день усерднѣйшее моленіе Господу: до сохранитъ онъ ихъ на скользкомъ пути богатства и почестей; но крѣпко увѣрены мы, что они не искали возвышенія, тяготятся имъ и при первой возможности бросятъ всѣ дѣла міра, чтобы работать единому Господу въ безмолвной келліи, невозмущаемомъ никакими дрязгами, не избѣжными при эпархіи. Но сколько такихъ??? —

„Ученые — не монахи.“ Такъ ради Царя небеснаго, за чѣмъ же приняли вы этотъ высокій, ангельскій чинъ? На соблазнъ другимъ?! Чтобы вамъ, если чувствовали призваніе съ ученой жизни, сдѣлаться только профессорами! — Жалованье слишкомъ мало, положеніе слишкомъ скромно и не блестяще.“ — А, такъ вотъ оно что! Но послѣ этого мы имѣемъ полное право сомнѣваться, чтобы вы имѣли истинное призваніе и къ ученой жизни. Для человѣка съ такимъ призваніемъ — жалованы и влеченіе человѣческой суетности — дѣло послѣднее; всего менѣе думаетъ онъ объ нихъ и нисколько не заботится; любитъ науку ради науки а не ради того, что она доставитъ ему возможность — разчъзжать со временемъ на четверкѣ орловскихъ рысаковъ, имѣть лучшаго повара и пр. и пр. Истинно ученые мужи, сказалъ Баконъ, поставляютъ цѣлію для себя не собственное счастіе и величіе, но благо общее: они живутъ будучи убѣждены, что имъ всегда придется дать отчетъ Богу, царю и отечеству!“

Вообще монахъ, управляющій бѣлымъ духовен-

ствомъ, явленіе, по меньшей мѣрѣ, странное. Въ благоустроенномъ обществѣ каждый долженъ быть вѣренъ званію своему и отнюдь не выходить за черту его — вмѣшиваясь какимъ бы то ни было образомъ въ сферу, чуждую для него: монахъ долженъ знать нелью, церковь и — ничего больше. Всѣ дѣла міра сего для него должны быть совершевно чужды, потому что онъ добровольно умеръ для нихъ, добровольно и безвозвратно далъ обѣты уединенія, безмолвія, нестяжательности и т. п. Управленіе за чертой монастыря, — уже не его дѣло. И безъ него найдется, кому управлять. Теперь не XV—XVIII. вв., когда ученость сосредоточивалась лишь въ монастыряхъ: изъ среды бѣлаго духовенства много, — ученыхъ умныхъ и образованныхъ не менѣе, если не болѣе, любаго монаха. Да притомъ, чтобы управлять эпархіей и обширной учености не нужно (управляютъ же и теперь и очень не даленіе въ наукѣ); добросовѣстность, благоразумная строгость, знаніе быта управляемыхъ (главное) важнѣе всѣхъ докторствъ. Прекрасные примѣры управленія священниками, управленія истинно отеческаго и христіанскаго, мы видимъ въ лицѣ двоихъ оберъ-священниковъ. Мы видимъ, слышимъ, знаемъ, какъ благодушно обращаются они съ пасомыми; какъ внимательны они къ нуждамъ ихъ (не мудрено: сами они семейные люди и понимаютъ быть и нужды семейные, не то что монахи); какъ они поддерживаютъ, ободряютъ и награждаютъ іереевъ достойныхъ; какъ входятъ сами (и разбойничьихъ вертеповъ при нихъ нѣтъ) во всѣ проступки іереевъ недостойныхъ, и строго обсуждаютъ не только дѣйствія, но и поводы къ дѣйствіямъ (немудрено: знаютъ міръ и его соблазны), — такъ и судятъ... По отеческой милости ихъ, пасомые или іереи обезпечены жалованіемъ и пансіономъ;

семейства ихъ обезпечены; самихъ іереевъ не дерзаютъ, за 100–200 р. консисторской и архіерейской сволочи, не только лишить мѣста, но даже и перстомъ тронуть... Знаемъ все это, и спрашиваемъ: Боже и Господи, за что жъ мы танъ несчастны?! Служимъ мы еще больше, чѣмъ полковые іереи и мы танъ страдаемъ тогда, какъ они ведутъ жизнь танъ спокойную для совѣсти, танъ мирную, не боясь ни секретарей консисторскихъ, ни иныхъ; даже и благочинные ихъ не грабятъ и вѣдомости исповѣдныя они отсылаютъ безъ малѣйшихъ приложеній и пр. и пр. За что же, Господи, за какіе грѣхи? И доколѣ будемъ страдать? Ужели еще не пришло время, чтобы мы сдѣлались звѣномъ нужнымъ, и не только лишь терпимъ въ государствѣ; чтобы мы были проводниками въ низшіе слои общества Вѣры, преданности Церкви и Державному Престолу? — Силенъ Царь духомъ народа своего; но не становые и не исправники въ силахъ поднять духъ народа, а священники. Дайте же имъ средства, дайте имъ возможность, и прежде всего, избавьте ихъ отъ тѣхъ, которые держатъ ихъ во тьмѣ и сѣни смертной, и увидите, что будетъ!...

Одно, — дерзаемъ сказать, что нужно измѣнить это-иноземное, чуждое для слуха Русскаго и православнаго: оберъ. На что лучше: протопресвитеры? — А впрочемъ, на основаніи словъ апостола: подобаетъ епископу быти... единыя жены мужу (I. Там. III, 2), они имѣютъ все право называться епископами. —

На тя, Господи, уповаемъ; да не постыдимся!!

ПРИМѢЧАНІЕ.

Желающіе участвовать въ редакціи Русскаго Заграничнаго Сборника благоволятъ обратиться къ нижеподписавшемуся, который обязывается помѣстить въ немъ все что только касается Литературы, Политики и Религіи, съ тѣмъ однако-жь условіемъ, чтобы посылаемые къ нему труды не заключали въ себѣ ничего противнаго ни христіанскому вѣроученію, ни началамъ нравственности, ни законной власти, которая такъ дорога сердцу русскаго, которую онъ изъявляетъ теперь ея вѣнчанному представителю тѣмъ охотнѣе что находитъ въ немъ Монарха желающаго управлять своими подданными однимъ правосудіемъ и вести ихъ къ дальнѣйшей и блистательной цѣли путями мира.

А. ФРАНКЪ
въ Парижѣ, rue Richelieu 67.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ГРАФА РОСТОПЧИНА.

V.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1858.

ПОСЛѢДНІЙ ДЕНЬ ЖИЗНИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II. И ПЕВЫЙ ДЕНЬ ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА ПАВЛА I.

Изъ Записокъ Графа Ростопчина.

Всѣ окружавшіе Императрицу Екатерину увѣряли, что произшествія во время пребыванія Шведскаго Короля въ С. Петербургѣ суть главною причиною послѣдовавшаго Ей удара 7. Ноября 1796 года, въ тотъ самый день, когда назначенъ и отмѣненъ былъ сговоръ Великой Княжны Александры Павловны. — По возвращеніи Графа Маркова отъ Шведскаго Короля съ рѣшительнымъ его отвѣтомъ, что онъ, на сдѣланное ему предложеніе, не согласится, Императрицу такъ сильно сіе поразило, что Она не могла выговорить ни слова и съ отверзтымъ ртомъ осталась нѣсколько минутъ, доколѣ Камердинеръ Ея Зотовъ, извѣстный подъ именемъ Захара, принесъ и подалъ выпить Ей стаканъ воды, но послѣ сего случая, въ теченіи 6 недѣль, не примѣтно было ни малѣйшей перемѣны въ Ея здоровьѣ. — За три дня до кончины сдѣлалась колика, но чрезъ сутки прошла. — Сію болѣзнь Императрица никакъ не признавала себѣ вредною. — Наканунѣ удара, т. е. съ 6. числа на 7., она обыкновенно

принимала свое общество въ опочивальнѣ, разговаривала очень много о кончинѣ Сардинскаго Короля и стращала смертію своего Льва Александровича Нарышкина. — 7. числа, когда Марья Савишна Перекусихина, вошедъ по обыкновенію въ 7 часовъ утра къ Императрицѣ для бужденія, спросила каково, она почивала? получила въ отвѣтъ, что давно такой пріятной ночи не проводила, и за симъ Государыня, вставъ съ постели, одѣлась, кушала потомъ кофе и побывъ нѣсколько минутъ въ кабинетѣ, пошла въ гардеробъ, гдѣ она никогда болѣе 10 минутъ не оставалась. — По выходѣ же оттуда обыкновенно спрашивала Камердинеровъ для приказанія звать къ Себѣ входящихъ ежедневно съ дѣлами. — Въ сей день, не выходя слишкомъ полчаса, Камердинеръ Тюльникъ подумалъ что Она пошла гулять въ Эрмитажъ и сказалъ о томъ Зотову; но потомъ, посмотря въ шкафъ, гдѣ лежали шубы и муфты Императрицы, которыя Она сама всегда вынимала и надѣвала, не призывая никого изъ служащихъ и видя что все тутъ на лицѣ, пришелъ въ безпокойство и по обождавъ еще нѣсколько минутъ, рѣшился идти въ гардеробъ — что и исполнилъ. — Отворивъ дверь, нашелъ Императрицу, лежавшую на полу, но не всѣмъ тѣломъ, потому что мѣсто, бывъ узко, и дверь затворена, то она не могла опуститься на полъ. Приподнявъ Ея голову, нашелъ глаза закрытыми, цвѣтъ лица багровый и хрипоту въ горлѣ. — Призвавъ къ себѣ на помощь Камердинеровъ, долго не могли они поднять тѣла по причинѣ тягости и отъ того, что одна нога подвернулась; наконецъ, употребивъ еще комнатныхъ служителей, съ великимъ трудомъ перенесли Ее въ опочивальню, но не будучи въ состояніи поднять тѣла на кровать, положили на полу на сафьянномъ матрацѣ. — Тотчасъ, послали за Докто-

рами. Князь Зубовъ бывъ извѣщенъ первый, первый и потерялъ разсудокъ и немогъ допустить дежурнаго лѣкаря пустить Императрицѣ кровь, хотя о семъ убѣдительно просила его Марья Савишна Перекусихина и Камердинеръ Зотовъ. Между тѣмъ прошло съ часъ времени, первый изъ Докторовъ пріѣхалъ Рожерсонъ, пустилъ въ туже минуту кровь, которая хорошо и пошла. Къ ногамъ приложилъ шпанскія мухи, но бывъ однакоже съ прочими Докторами одного мнѣнія, что ударъ былъ въ голову и смертельный. — Не смотря на сіе, до послѣдней минуты Ея жизни, приложены были всѣ старанія; искуство и стараніе не преставали дѣйствовать. Великій Князь Александръ Павловичъ пошелъ въ то время гулять пѣшкомъ къ Великому Князю Константину. Отъ Князя Зубова и отъ прочихъ знаменитыхъ особъ посланъ былъ къ Наслѣднику съ извѣстіемъ Графъ Зубовъ; а первый кто предложилъ и нашелъ это нужнымъ былъ Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій. — Въ тотъ самый день Великій Князь Наслѣдникъ кушалъ на Гатчинской мѣльницѣ, отъ замка въ 5 верстахъ. — Предъ обѣдомъ, когда собрались дежурные и прочія особы, общество Гатчинское составляющія, Великій Князь и Великая Княгиня разсказывали Плещееву, Кушелеву, Графу Віельгорскому и Камергеру Бибикову случившееся съ ними тою ночью. Великій Князь Наслѣдникъ видѣлъ во снѣ, что нѣкая невидимая сверхъ-естественная сила возносила Его къ небу, отъ чего Онъ часто просыпался, засыпалъ и опять былъ пробуждаемъ повтореніемъ того же сна. — Наконецъ, пробудясь еще разъ и примѣтивъ что и Великая Княгиня не почивала, сообщилъ Ей о своемъ сновидѣніи и узналъ, къ общему ихъ удивленію, что и Она тоже самое во снѣ видѣла и тѣмъ же самымъ нѣсколько разъ была про-

буждаема. — По окончаніи обѣденнаго стола, когда Великій Князь со свитою возвращался въ Гатчино, въ началѣ 3. часа, прискакалъ къ Нему на встрѣчу одинъ изъ Его гусаръ для извѣщенія о пріѣздѣ въ Гатчино Шталмейстера Графа Зубова съ какимъ-то весьма важнымъ извѣстіемъ. Великій Князь приказалъ скорѣе ѣхать и не могъ никакъ представить себѣ истинную причину появленія Графа Зубова въ Гатчино и останавливался болѣе на одной мысли, что Государыня извѣщаетъ Его, что Король Шведскій рѣшился требовать въ замужество Великую Княжну Александру Павловну. — По пріѣздѣ въ Гатчинской Дворецъ, Графъ Зубовъ былъ позванъ къ Нему въ Кабинетъ и объявилъ о случившемся съ Императрицею, разсказавъ всѣ подробности; послѣ чего Великій Князь приказалъ наискорѣе запречь лошадей въ карету и, сѣвъ въ оную съ Великою Княгинею, отправился въ С. Петербургъ а Графъ Зубовъ поскакалъ напередъ въ Софію, заготовлять лошадей.

Пока все сіе происходило Петербургъ еще не зналъ о приближащейся кончинѣ Императрицы Екатерины. Бывъ въ Англійскомъ магазинѣ, я возвращался пѣшкомъ домой, прошелъ было Ермитажъ, но вспомнивъ, что на завтра отъѣзжалъ въ Гатчино, вздумалъ зайти проститься съ Анною Степановною Протасовой. Вошедъ въ ея комнату, увидѣлъ дѣвицу Полетику и одну изъ моихъ свояченицъ въ слезахъ; онѣ сказали мнѣ о болѣзни Императрицы и были встревожены первымъ извѣстіемъ объ опасности. Анна Степановна давно уже какъ пошла въ комнаты Императрицы и я послалъ за нею одного изъ лакеевъ, дабы узнать обстоятельнѣе о происшедшемъ. Ожидая возвращенія посланнаго, увидѣлъ я вошедшаго въ комнату скорохода Великаго Князя Алек-

сандра Павловича, который сказалъ мнѣ что онъ былъ у меня въ домѣ, просилъ отъ имени Великаго Князя, чтобы я пріѣхалъ къ Нему скорѣе. Исполняя волю Его, немедленно встрѣченъ былъ въ комнатахъ Камердинеромъ, который, прося меня обождать скораго возвращенія Его Высочества, сказалъ что Императрицѣ сдѣлался сильный параличный ударъ въ голову, что она безъ всякой надежды, и, можетъ, въ сію минуту и не въ живыхъ болѣе. — Спустя минутъ 5 пришелъ къ себѣ и Великій Князь. Онъ былъ въ слезахъ и черты лица Его представляли великое душевное волненіе. Обнявъ меня нѣсколько разъ, Онъ спросилъ знаю ли я о произшедшемъ съ Императрицею? На отвѣтъ мой, что слышалъ отъ Парланта. Онъ подтвердилъ мнѣ, что надежды къ спасенію никакой не было и просилъ убѣдительно ѣхать скорѣе къ Великому Князю Наслѣднику для извѣщенія, примолвя къ сему, что хотя Графъ Зубовъ поѣхалъ въ Гатчино, но что я отъ имени Его могу лучше разсказать о семъ несчастномъ произшествіи. Доѣхавъ домой на извощикѣ, велѣлъ я запречь маленькіе сани въ три лошади и въ часъ прискакалъ въ Софію; тогда уже было 6 часовъ по полудни. Перваго тутъ видѣлъ Шталмейстера Графа Зубова, который, возвратясь изъ Гатчина, шумѣлъ съ какимъ то человѣкомъ, приказывая ему скорѣе вести лошадей. Хотя было и не до смѣха, однакожь тутъ я слышалъ нѣчто странное. — Этотъ человѣкъ, который шумѣлъ съ Графомъ Зубовымъ, былъ пьяный Засѣдатель. — Когда Графъ Зубовъ, по старой привычкѣ обходиться съ гражданскими чиновниками наровнѣ съ свиньями, крпчалъ ему: „лошадей! лошадей! тебя запрягу подъ Императора?“ тогда Засѣдатель, весьма манерно, пополамъ учтиво и грубо, отвѣчалъ: „Ваше

Сіятельство! запречь меня же не диковинка, какая польза? вѣдь я не повезу, хотя до смерти извольте убить! Но что такое Императоръ? ... Если онъ есть въ Россіи, то дай Богъ ему здравствовать, если же Матери нашей не стало — то Ей виватъ?“ — Пока шумѣлъ вѣстникъ съ Исправникомъ, прискакалъ верьхомъ конюшенный офицеръ Маіоръ Быковъ, и только что остановилъ лошадь свою, показались фонари экипажа съ 7 лошадьми, въ коемъ скакалъ Великій Князь. — Когда карета остановилась и я, подошедъ къ оной, сталъ говорить, то Великій Князь, услыша мой голосъ, закричалъ: Ah! c'est vous mon cher Rostopchine!“ — и за сими словами, вышелъ изъ кареты, сталъ разговаривать со мною разспрашивая подробно о произшедшемъ. — Это продолжалось до того времени, какъ сказали что все готово; садясь въ карету, сказалъ мнѣ: „faites moi le plaisir de me suivre; nous arriverons ensemble, j'aime a Vous voir avec moi!“ — Сѣвъ въ сани съ Быковымъ, я поскакалъ за каретою. — Отъ Гатчина до Софіи встрѣтились съ Великимъ Княземъ 5 или 6 курьеровъ, всѣ съ однимъ извѣстіемъ къ нему отправленныхъ отъ Великихъ Князей, отъ графа Салтыкова и прочихъ. И какъ они всѣ были съ записками, то я, узнавъ сіе, напередъ изъ Софіи велѣлъ взять фонарь съ свѣчею, на случай, если еще будутъ письма изъ С. Петербурга, то чтобы можно было читать ихъ въ каретѣ; однакожь, письма ни одного не было, а попались на встрѣчу около 20 человѣкъ разныхъ посланниковъ коихъ мы, ворочая назадъ, составили предлинную свиту саней. Не было ни единой души изъ тѣхъ кои дѣйствительно или мнительно имѣли какія либо сношенія съ окружающими Великаго Князя, которые бы не отправили нарочнаго съ извѣстіемъ въ Гатчино, и между

прочимъ одинъ изъ придворныхъ поваровъ и рыбный подрядчикъ наняли курьеровъ и тоже послали вѣстниковъ. Проѣхавъ Чесменскій дворецъ, Великій Князь вышелъ за надобностію изъ кареты. Я привлекъ Его вниманіе на красоту ночи: она была самая тихая и свѣтлая, холоду было не болѣе 3. градусовъ, луна то показывалась, то опять скрывалась за облака; казалось, что въ ожиданіи столь важной перемѣны въ свѣтѣ, стихіи всѣ пребывали въ молчаніи и царствовала единая тишина. — Говоря о погодѣ, я увидѣлъ что Государь устремилъ взглядъ свой на мѣсяцъ и при полномъ сіяніи могъ я замѣтить что глаза Державнаго наполнялись слезами и текли по лицу. Преисполненъ бывъ важностію сего дня, преданный сердцемъ и душою, тому кто восходитъ на Тронъ Россійской, любя Отечество и представивъ себѣ сильно всѣ послѣдствія, всю важность перваго шага, всякое вліяніе надъ чувствами преисполненнаго здоровьемъ, пылкостью и необычайнымъ воображеніемъ самовластнаго Государя отвыкшаго владѣть самимъ собою, я не могъ воздержатся отъ повелителнаго движенія и забывъ разстояніе между имъ и мною, схватя Его за руку, сказалъ: „Monseigneur, quel moment pour Vous!“ — На что онъ отвѣчалъ пожавъ крѣпко мою руку: „Attendez, mon cher, attendez; j'ai vécu 42 ans, Dieu m'a soutenu, peut être me donnera-t-il les forces, la raison, pour supporter l'état auquel il me destine; j'espère tout de sa bonté!“ — Тотчасъ сѣлъ въ карету а въ $8^1/_2$ часовъ по полудни Великій Князь въѣхалъ въ С. Петербургъ, въ коемъ весьма мало людей знали о произшедшемъ. Дворецъ весь былъ наполненъ всякаго рода и званія людьми, кои должностью, страхомъ или любопытствомъ бывъ собраны вмѣстѣ, всѣ съ трепетомъ ожидали окончанія одного долговременнаго Царствованія для вступленія въ другое, совсѣмъ новое!..

До пріѣзда Великаго Князя, всякой кто хотѣлъ, постигнутый жалостью или любопытствомъ, входили въ ту самую комнату, гдѣ лежало едва двигащее тѣло Императрицы. Вопросы повторялись то о часѣ кончины, то о дѣйствіи лекарствъ, то мнѣнія Докторовъ. — Всякой разсказывалъ разное, однакожь общее желаніе было имѣть хотя слабую надежду на Ея выздоровленіе. Вдругъ пронесся слухъ, что Государыня будто, при отнятіи шпанскихъ мухъ, открыла глаза и просила пить, — всѣ обрадовались. — Но потомъ черезъ минуту возвратились всѣ къ прежней мысли, что ожидать инаго не оставалось, кромѣ часа Ея кончины! — Великій Князь, зашедъ на минуту въ свою комнату въ зимнемъ Дворцѣ, пошелъ на половину къ Императрицѣ; проходя сквозь комнаты, наполненныя людьми ожидающими восшествія Его на престолъ, оказывалъ всѣмъ видъ ласковый и учтивый. Пріемъ, Ему сдѣланый, былъ въ лицѣ уже Государя а не Наслѣдника. — Поговоря нѣсколко съ Медиками и разпрося обо всѣхъ подробностяхъ пропшедшихъ пошелъ съ Великою Княжною въ угольный Кабинетъ и туда призвалъ всѣхъ тѣхъ, съ коими хотѣлъ разговаривать или коимъ приказывать. На разсвѣтѣ, 2½ часа спустя послѣ удара вошелъ Великій Князь въ почивальню гдѣ лежало тѣло Императрицы — сдѣлалъ вопросъ Докторамъ, имѣютъ ли они надежду? и получа въ отвѣтъ что никакой, приказалъ позвать въ комнату Преосвященнаго Гавріила съ Духовенствомъ, читать глухую исповѣдь и причастить Св. Таинъ; что и было исполнено. — Потомъ, позвавъ меня въ кабинетъ, изволилъ сказать: „Я тебя совершенно знаю каковымъ ты есть и спрашиваю чтобы ты откровенно сказалъ, чѣмъ ты при Мнѣ быть желаешь?“ — Имѣя всегда въ виду истребленіе неправосудія, не оста-

навливаясь ни мало, сказалъ я: „Секретаремъ для пріема просьбъ!“ — Великій Князь, позадумавшись, сказалъ: „Тутъ я не найду своего счета! знай что я назначаю тебя Генералъ-Адъютантомъ, но не такимъ, чтобы гулять по Дворцу съ тростію, а для того чтобы ты правилъ Военною коллегіею!“ — Молчаніе было моимъ отвѣтомъ, хотя мнѣ и не хотѣлось быть опять въ военной службѣ, но непристойно отказать первую милость, коего входящій на престолъ Государь собственнымъ уваженіемъ мнѣ оказалъ. — Потомъ съ четверть часа разговаривалъ онъ съ камердинеромъ Нелидовымъ, вѣроятно, о теткѣ его Екатеринѣ Ивановнѣ, которая столь важную роль играла до возшествія и послѣ возшествія Императора Павла на Престолъ. Она уже 8 мѣсяцевъ жила въ Смольномъ монастырѣ, поссорясь съ Великимъ Княземъ въ Гатчинѣ. — Между тѣмъ мы ежеминутно ожидали конца жизни Императрицы и Дворецъ наполнялся болѣе всякаго званія людьми. — Гр. Безбородко болѣе 30. часовъ не выѣзжалъ изъ Дворца. Онъ былъ въ отчаяніи: неизвѣстность службы, страхъ быть подъ гнѣвомъ новаго Государя и живое воспоминаніе благотвореній умирающей Императрицы — наполняли глаза его слезами, сердце, горестью, духъ ужасомъ! Раза два о немъ Р. говорилъ умилительнымъ голосомъ что онъ надѣется на мою дружбу, что онъ старъ, боленъ, имѣетъ 250 т. дохода и единой просить милости быть отставленнымъ отъ службы безъ посрамленія. — При семъ, соболезнуя, просилъ о Трощинскомъ, который былъ его твореніе, сказывая, что уже 7 дней какъ указъ о производствѣ его въ Дѣйствительные Статскіе Совѣтники подписанъ, но не отосланъ Грабовскимъ въ Сенатъ. Вошедъ къ Великому Князю и отвѣчая на вопросъ его, что дѣлается во Дворцѣ? — я нашелъ

удобнымъ описатъ отчаяніе Гр. Безбородки и положеніе Трощинскаго. — Тутъ я получилъ повелѣніе увѣрить Гр. Безбородко, что Великій Князь не имѣтъ никакого особеннаго противъ него неудовольствія, но и проситъ его забыть все прошедшее, и что Онъ считаетъ на его усердіе, зная довольно дарованія и способности его въ дѣлахъ. — Указъ же о пожалованіи Трощинскаго приказалъ мнѣ взять и отослать въ Сенатъ. — Грабовскій, въ видѣ человѣка, желающаго изчезнутъ, принесъ и отдалъ мнѣ его, сказавъ что не онъ виноватъ, а Князь Зубовъ который не приказывалъ отсылать Указа. — Великій Князь позвалъ Графа Безбородко, приказалъ ему заготовить Манифестъ о восшествіи на престолъ, а мнѣ препоручилъ написать Князю Алексѣю Борисовичу Куракину, бывшему тогда въ Москвѣ, чтобы онъ поспѣшилъ своимъ пріѣздомъ въ С. Петербургъ. — Я въ своемъ письмѣ далъ ему знать объ отчаянной болѣзни Императрицы, отправилъ оное съ курьеромъ. — Въ часъ собрали въ коридорѣ за спальнею столъ, за коимъ Великій Князь и Великая Княгиня кушали двое. Въ три часа по полудни приказано было Вице Канцлеру Гр. Остерману ѣхать къ Гр. Маркову, собрать всѣ его бумаги, запечатать и привезти; но, не знаю почему Гр. Остерманъ вздумалъ, что препорученіе привезти бумаги заключало въ себѣ обязанность внести оныя самому, и какъ онѣ были завязаны въ двѣ скатерти, то онъ сквозь всѣ комнаты Дворца, тащилъ эти двѣ кипы бумагъ, точно какъ дѣти, игравъ, таскаютъ не въ силу нагруженные, маленькіе салазки. Великій Князь, отдавъ мнѣ свою печать, которую нашивалъ на часахъ, приказалъ вмѣстѣ съ Гр. Самойловымъ запечатать кабинетъ Императрицы. — Тутъ я имѣлъ еще два доказательства глупости и подлости

Александра Николаевича: бывъ съ нимъ сперва знакомъ и любимъ, попалъ послѣ подъ гневъ за то что сказалъ предварительно о судьбѣ моей Гр. Безбородкѣ, прежде его, но видя мой новый доступъ и какъ вздумалъ сдѣлать изъ меня опять себѣ друга и стряпчаго, началъ увѣрять въ своей признательности и разсказывать о гоненіяхъ кои онъ претерпѣлъ отъ Императрицы (которую онъ называлъ уже покойною), за то что представилъ къ награжденію какого-то Гатчинскаго лѣкаря, и ничто меня такъ не удивило, какъ его предложеніе, для лучшаго и точнаго исполненія приказанія Великаго Князя въ запечатаніи вещей и бумагъ, находящихся въ кабинетѣ, чтобы сдѣлать прежде всему опись. — Согласясь однакожь со мною, что на сіе потребно нѣсколько недѣль и писцовъ, мы завязали все что было на столахъ въ салфетки, положили въ большой сундукъ, и ко дверямъ приложили ввѣренную мнѣ печать. Великій Князь приказалъ Оберъ Гофмаршалу Князю Барятинскому ѣхать къ себѣ въ домъ, должность же его поручилъ Гр. Шереметеву а Гофмаршалами назначилъ Графовъ Тизенгаузена и Віельгорскаго. — Съ 5 часовъ по полудни въ тѣлѣ Императрицы слабость пульса сдѣлалась гораздо примѣтнѣе; раза 3 или 4 Доктора думали что послѣдуетъ конецъ; но крѣпость сложенія и множество силъ, борясь съ смертію, удерживали и отдаляли ея ударъ. Тѣло лежало въ томъ же положеніи на сафьянномъ матрацѣ, недвижно съ закрытыми глазами. — Сильное хрипѣніе въ горлѣ слышно было въ другой комнатѣ, кровь вся поднималась въ голову и цвѣтъ лица иногда былъ багровый а иногда какъ самый живой румянецъ. У тѣла, по перемѣнно стояли на колѣняхъ придворные лѣкаря, которые ежеминутно вытирали платками текущую изъ рта сперва желтую

подъ конецъ черноватую матерію. — Въ комнатѣ, исключая фамиліи Императорской, внутренней услуги и факультета, была во все время Камеръ-Фрейлина Анна Степановна Протасова, погруженная въ горесть, имѣя безпрестанно устремленные глаза на полумертвое тѣло своей благодѣтельницы. Еще до пріѣзда въ С. Петербургъ Великаго Князя Наслѣдника, Великіе Князья Алелсандръ и Константинъ одѣты уже были въ мундиры тѣхъ баталіоновъ, коими они командовали въ модельномъ войскѣ наслѣдника. — Часовъ въ 5 по полудни Великій Князь приказалъ мнѣ спросить у Гр. Безбородки, нѣтъ ли какихъ дѣлъ, времени не терпящихъ и хотя обыкновенныя донесенія по почтовымъ дѣламъ и не требовали ли скораго рѣшенія? но Гр. Безбородко разсудилъ войти съ ними въ угловой кабинетъ, гдѣ и мнѣ Великій Князь приказалъ остаться. — Онъ былъ чрезвычайно удивленъ памятью и ловкостью Гр. Безбородки, который недовольно по надписямъ указывалъ откуда пакеты, но и называлъ по имянно писавшихъ. Сіе не такъ окажется чрезвычайно, когда извѣстно что всѣ рапорты сіи были или отъ Генералъ Губернаторовъ или отъ Начальниковъ разныхъ мѣстъ, кои еженедельно присылали Вѣдомости къ Государынѣ для формы, предоставляя важнѣйшія интересныя дѣла для переписки съ Кн. Зубовымъ, Гр. Салтыковымъ и Генералъ Прокуроромъ. — При входѣ Гр. Безбородко съ бумагами, Великій Князь сказалъ ему, показывая на меня: „Вотъ человѣкъ, отъ котораго у меня скрытаго нѣтъ!“ — А когда Гр. Безбородко, окончивъ, вышелъ вонъ, то Великій Князь бывъ еще въ удивленіи, объяснился весьма лестно на его счетъ, примолвя: „Этотъ человѣкъ для меня даръ Божій! Спасибо тебѣ что ты меня съ нимъ помирилъ“ — Въ теченіи дня Великій Князь разъ 6 призывалъ

къ себѣ Кн. Зубова, разговаривалъ съ нимъ милостиво и увѣрялъ въ своемъ благорасположеніи. — Отчаяніе сего временщика ни съ чѣмъ сравниться не можетъ! — не знаю какія чувства сильнѣе дѣйствовали на его сердце и душу, но увѣренность въ паденіи и ничтожествѣ изображалась не только на лице его, но и во всѣхъ движеніяхъ ... Проходя сквозь почивальню, останавливался нѣсколько разъ предъ тѣломъ Императрицы, громко рыдая. — Помѣщу здѣсь одно изъ моихъ примѣчаній. — Вошедъ къ комнату, называемою Дежурною, увидѣлъ я Князя Зубова, сидящаго въ углу; толпа придворныхъ удалялась отъ него, какъ отъ зараженнаго, и онъ, терзаемый жаждою и жаромъ, не могъ выпросить себѣ стакана воды! я послалъ лакея и подалъ самъ питья, въ коемъ отказывали ему тѣ самые которые сутки тому назадъ, на одной улыбкѣ его устроивали зданіе своего счастія, и та комната, въ коей давили другъ друга, чтобы къ нему приблизиться, обратилась для него въ необитаемую степь! ...

Въ 9 часовъ по полудни, Рожерсонъ вошедъ въ кабинетъ въ коемъ сидѣли Великій Князь съ Великою Княгинею объявилъ что Императрица кончается; тотчасъ велѣно было войти въ опочивальню Великимъ Князьямъ и Великимъ Княжнамъ Александрѣ и Еленѣ, съ коими вошла и Штатсъ Дама Ливенъ, Кн. Зубовъ, Гр. Остерманъ, Гр. Безбородко, и Гр. Самойловъ. — Сія минута и до сихъ поръ и до конца моей жизни пребудетъ незабвенна! ... по правую сторону стояли Великій Князь и Великая Княгиня съ дѣтьми, у головы, позванные въ комнату Плещеевъ и я, по лѣвую сторону, — Доктора, лѣкаря и вся услуга Императрицы. Дыханіе Ея сдѣлалось трудно и рѣдко; кровь, то бросалась въ голову, перемѣняя совсѣмъ черты лица, то опускаясь въ низъ возвращала ему естествен-

ный видъ. Молчаніе всѣхъ присутствующихъ, устремленные всѣхъ взгляды на единый важный предметъ, отдѣленный на сію минуту отъ всего прочаго, — слабый свѣтъ въ комнатѣ, — все сіе обнимало ужасомъ и возвѣщало скорое пришествіе смерти! Ударила первая четверть 11. часа . . . и Великая Екатерина, вздохнувъ въ послѣдній разъ, на ряду съ прочими смертными предстала предъ Судъ Всевышняго! . . . Казалось, что смерть пресѣкши жизнь Великой и нанеся своимъ ударомъ конецъ и великимъ дѣламъ Ея, оставило тѣло въ объятіяхъ сладкаго сна! . . . пріятность и величественность возвратились снова въ черты лица Ея и представили еще Царицу, наполнявшую Вселенную славою Своего Царствованія! . . . Сынъ Ея и Наслѣдникъ, склоня голову предъ тѣломъ, вышелъ, заливаясь слезами, въ другую комнату; почивальня, въ мгновеніе ока, наполнилась воплемъ женщинъ, служившихъ Екатеринѣ! . . . Какъ почтенна была тутъ любимица Ея Марья Савишна Перекусихина!... Бывъ при ней долгое время безотлучно, достойно уважена всѣми, пользуясь всею довѣренностію и неупотребляя оную никогда во зло, довольствуясь во все время двумя а иногда и одною комнатою во Дворцахъ, убѣгая лести а единственно занятая услугою и особой своей Государыни и благотворительницы! . . . съ жизнію Ея теряла счастіе и покой. оставалась сама въ живыхъ, но для того чтобы Ее оплакивать! Твердость духа сей почтенной женщины привлекла многократно вниманіе бывшихъ въ почивальнѣ. — Занятая единственно Императрицею, она служила Ей точно такъ, какъ будто въ ожиданіи Ея пробужденія, сама поминутно приносила платки, коими лѣкаря обтирали текущую изо рта матерію, поправляла то руки, то голову, то ноги, покоила тѣло Ея и не смотря что Им-

ператрица окончила бытіе свое, но Марія Савишна видимо оставалась у тѣла усопшей Государыни и духъ ея стремился въ слѣдъ за безсмертною душею Императрицы Екатерины! . . . Слезы и рыданія не простирались далѣе той комнаты, гдѣ лежало тѣло Государыни. Прочія были наполнены людьми знатными и чиновниками, которые, во всѣхъ, какъ счастливыхъ такъ и несчастныхъ произшествіяхъ, заняты бываютъ единственно сами собою, а сія минута была для нихъ то, что Страшный Судъ для грѣшниковъ. Гр. Самойловъ, вышедъ въ дежурную комнату, натурально съ глупымъ лицемъ, хотя и тщетно принуждалъ изъявлять сожалѣніе, сказалъ: „Милостивые Государи! Императрица Екатерина скончалась, а Государь Императоръ Павелъ Петровичъ изволилъ войти на Престолъ!“ — Тутъ нѣкоторые (коихъ я не хочу назвать, не потому чтобы забыты мною были ихъ имена, но отъ живаго омерзѣнія, которое я къ нимъ питаю) бросились обнимать Гр. Самойлова и всѣхъ предстоящихъ поздравлять съ Императоромъ! . . . Оберъ Церемоній-мейстеръ Валуевъ, который всегда единственно занятъ церемоніей, пришелъ съ докладомъ, что въ придворной церквѣ все готово къ присягѣ. — Императоръ, со всею фамиліею, въ сопровожденіи всѣхъ съѣхавшихся во Дворецъ, изволилъ пойти туда. — Пришедъ, сталъ на Императорское мѣсто и всѣ читали присягу за Духовенствомъ, послѣ чего Императрица Марія, подошедъ къ Императору, хотѣла броситься на колѣна, но была имъ удержана, такъ какъ и всѣ дѣти. — Потомъ каждый цѣловалъ крестъ и Евангеліе и подписавъ имя свое, подходилъ къ рукѣ Императора. — По окончаніи присяги, Государь пошелъ прямо въ опочивальню покойной Императрицы, коей тѣло въ бѣломъ платьѣ положено было уже на кровать и Діа-

конъ читалъ на оное Евангеліе. — По отданіи Ей поклона, спустя нѣсколько минутъ, Государь, возвращаясь въ свои собственные покои, позвалъ къ себѣ Ник. Петр. Архарова, что то у него спросилъ и, пришедъ въ кабинетъ, пока раздѣвался, призвалъ меня къ Себѣ и сказалъ: „Ты усталъ и мнѣ совѣстно, но потрудись пожалуста съѣздить къ Графу Орлову и приведи его къ присягѣ. Его не было во дворцѣ, а я не хочу чтобы онъ забывалъ 29. Іюня. Завтра скажи мнѣ, какъ у васъ сдѣлается!“ — Тогда уже было за полночь и я, сѣвъ въ карету съ Архаровымъ поѣхалъ на Васильевскій островъ, гдѣ жилъ въ своемъ домѣ Гр. Алек. Григ. Орловъ. — Весьма бы я дорого далъ, чтобы не имѣть сего препорученія. не спавъ двѣ ночи. разстроенъ всѣмъ произшедшимъ и утомленъ менѣе тѣломъ, чѣмъ душою. исполняя поминутно одинъ въ теченіи сутокъ всѣ приказанія, бѣгая нѣсколько разъ чрезъ Эрмитажъ въ комнаты Ан. Степ. Протасовой, гдѣ во все сіе время была моя жена, преданная не словомъ но сердцемъ покойной Императрицѣ, въ столь горестномъ положеніи, что мое присутствіе было ей весьма нужно. — И. П Архаровъ, не зная почти меня, но видя новаго временщика, не переставалъ говорить мерзости на счетъ Гр. Орлова, и такъ что я вынужденъ былъ сказать ему что наше дѣло привести Графа къ присягѣ, а остальное предоставить Богу и Государю. Я имѣлъ осторожность взять съ собою одинъ изъ печатныхъ листовъ присяги, подъ коимъ присягающіе по обыкновенію подписывали свои имена и сказалъ на отрѣзъ Архарову, который хотѣлъ своею милостивца и побѣдителя при Чесмѣ везти въ приходскую церковъ, что я на сіе ни какъ ни соглашусь. — Мы нашли ворота запертыми; вошедъ въ домъ, я велѣлъ первому появившемуся къ намъ человѣку, выз-

вать камердинера Графскаго, коему сказалъ чтобъ онъ разбудилъ Графа и объявилъ о пріѣздѣ нашемъ. Архаровъ отъ нетерпѣнія или по какимъ-либо мнѣ неизвѣстнымъ причинамъ, пошелъ въ слѣдъ за камердинеромъ и мы вошли въ ту комнату гдѣ спалъ Графъ А. Г. Орловъ. Онъ былъ нездоровъ уже съ недѣлю и не имѣлъ силъ долѣе оставаться во Дворцѣ, нѣсколько часовъ спустя по пріѣздѣ Государя во Дворецъ изъ Гатчина, поѣхалъ домой, легъ въ постель и спалъ крѣпкимъ сномъ; камердинеръ, добудясь его, сказалъ: Ваше Сіятельство! Николай Петровичъ Архаровъ пріѣхалъ!“ — За чѣмъ? — Не знаю, а желаетъ говорить съ Вами.“ — Тогда Графъ велѣлъ надѣть себѣ туфли и сошелъ въ тулупѣ съ постели, спросивъ довольно грозно у Архарова: „За чѣмъ Вы, Милостивый Государь, въ эту пору ко мнѣ пожаловали?“ — Архаровъ, подойдя къ нему, объявилъ, что онъ и я (называя меня по имени и отечеству) присланы для приведенія его къ присягѣ по волѣ Государя Императора. — „А Императрицы развѣ не стало?“ — спросилъ Гр. Орловъ и получа въ отвѣтъ, что она скончалась, поднялъ глаза, наполнитыми слезъ къ небу, сказалъ: „Господи, помяни Ея во царствіи Твоемъ! вѣчная Ей память!“ — потомъ продолжая плакать, говорилъ съ огорченіемъ что какъ Государь могъ усомниться въ его вѣрности? — что онъ служа Матери Его и Отечеству, служилъ и Наслѣднику Престола, что онъ присягаетъ ему Государю съ такимъ же чувствомъ какъ присягалъ и Наслѣднику Императрицы! . . . Все сіе заключилъ предложеніемъ итти въ Церковь. Архаровъ тотчасъ, показалъ на сіе свою готовность, но я, взявъ уже тогда на себѣ первое дѣйствующее лице, просилъ Графа, чтобъ онъ въ Церковь не ходилъ и что я привезъ присягу, на которой рукоприкладство его бу-

детъ достаточно — „Нѣтъ, Милостивый Государь! отвѣчалъ онъ мнѣ — я буду и хочу присягать Государю предъ образомъ Божіимъ! . . . — и снявъ самъ образъ со стѣны, держа зажженую свѣчу въ рукѣ, читалъ твердымъ голосомъ присягу и, по окончаніи, приложилъ къ ней руку. — За тѣмъ, поклонясь, мы оба пошли вонъ, оставивъ его въ покоѣ. — Не смотря на трудное положеніе Графа Орлова, я не замѣтилъ въ немъ ни малѣйшаго движенія трусости или подлости. — Архаровъ завелъ меня въ домъ, гдѣ я жилъ, говоря во всю дорогу о притѣсненіяхъ, кои онъ вытерпѣлъ въ минувшее царствованіе, давая чувствовать, что онъ страдалъ за преданность его къ Государю. Кто его не зналъ, тотъ бы могъ на моемъ мѣстѣ подумать что онъ былъ гонимъ за твердость духа и честь.

Такимъ образомъ кончился послѣдній день жизни Императрицы Екатерины! сколь ни велики были дѣла Ея, а смерть слабо дѣйствовала надъ чувствами людскими; казалось что все было въ положеніи сбившагося съ дороги путешественника, но всякой надѣялся же ни попасть скоро. Всѣ, любя перемѣщенія, думали найти въ ней выгоды и всякой, закрывъ глаза и зажавъ уши, пускался бездушно разыгрывать снова безвинную лотерею слѣпаго счастія! . . .

15. Ноября 1796 года.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКАГО ГЛАВНАГО АРХИВА
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХЪ

КАРАМЗИНЪ И СПЕРАНСКІЙ.

VI.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1858.

КАРАМЗИНЪ.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился въ Оренбурской Губерніи (а не въ Симбирской, какъ предполагаютъ большая часть біографовъ) 1. Декабря 1765 года т. е. въ ту эпоху, когда Россія понесла въ Ломоносовѣ потерю, которую ему впослѣдствіи суждено было восполнить. Едва научившись читать, онъ съ жадностію пожиралъ всѣ книги, которыя попадались ему подъ руку въ домѣ отца, дворянина незнатнаго происхожденія. Книги эти, хотя ничтожныя по содержанію, къ счастію, не испортили его сердца. Достигши юношескаго возраста онъ былъ помѣщенъ въ одно изъ Московскихъ училищъ, отъ котораго ходилъ слушать лекціи въ тамошнемъ Университетѣ, гдѣ и оставался до поступленія своего въ Преображенскій полкъ въ 1782 году. Служба его продолжалась два года; смерть отца вынудила его выйдти въ отставку и въ 1784 году ѣхать въ Симбирскъ. Дружба нѣкоторыхъ людей привлекла его вскорѣ въ Москву. Здѣсь совершилось окончательное его развитіе; въ сношеніяхъ его съ Дмитріевымъ и Новиковымъ и вообще съ людми сочувствовавшими прекрасному находившимися въ столицѣ, обнаружилось настоящее его назначеніе. Подобно почти всѣмъ соотечественникамъ своимъ, Карамзинъ

не получилъ прочнаго, научнаго образованія; онъ очень хорошо чувствовалъ это и старался пополнить недостатокъ добросовѣстными занятіями и путешествіемъ по тѣмъ странамъ, которыя въ то время были разсходниками цивилизаціи и знаній. Два года путешествовалъ онъ по Германіи, Франціи и Англіи. Его „Письма русскаго путешественника.“ (4 тома) доказываютъ что же два года проведены были имъ не безъ пользы. Первымъ дѣломъ его, по возвращеніи въ Москву, было начать изданіе журнала, подъ названіемъ „московскаго журнала“ (8 томовъ 1792 и 1793), имѣвшаго, по своей новизнѣ, огромное вліяніе. Первый, онъ осмѣлился писать обыкновеннымъ разговорнымъ языкомъ (конечно когда хорошо говорятъ), уничтожить выраженія усторѣвшія и германскія, избрать предметы для своихъ повѣстей изъ жизни дѣйствительной а не фантастической, изъ преданій нашей національной старины а не иностранныхъ народовъ, сблизить, однимъ словомъ, общество наше съ русскою литературою, сдѣлавъ ее понятною и привлекательною. Ему принадлежитъ слава классика реформатора: еслибы онъ не очистилъ языкъ отъ посторонней примѣси въ Жуковскомъ не могло бы быть столько гармоніи, ни въ Пушкинѣ столько энергіи.

Вскорѣ изданіе этаго Журнала не удовлетворяло болѣе его дѣятельности. Въ 1794 году онъ основалъ новый сборникъ „Аглая“; въ 1797, съ сотрудничествомъ Державина, поэтическій альманахъ „Аониды,“ или собраніе разныхъ стихотвореній (три части 1797, 98, 99), въ которомъ были помѣщены нѣкоторыя изъ его стихотвореній, по достоинству уступающихъ его прозѣ, не лишенныя однако вдохновенія. Въ 1798 онъ издалъ „Пантеонъ иностранной словесности“

(три книжки); въ 1801 году „Историческое слишкомъ похвальное слово Екатеринѣ II.“ и въ слѣдующіе годы былъ сотрудникомъ „Вѣстника Европы,“ лучшаго сборника этаго времени. Достойныя произведенія Карамзина, извѣстныя подъ именемъ Мои бездѣлки составляютъ 12 томовъ in 8° изъ коихъ 9 суть правда переводы, потому что онъ перевелъ на русскій языкъ почти всѣ „Повѣсти Мармонтеля“ (Москва, 1794 и 1815) и даже довольно безполѣзно „Повѣсти Жанлисъ“ (Москва, 1816). Послѣ этихъ разнообразныхъ занятій онъ предпринялъ трудъ, въ которомъ превзошелъ себя и который вполнѣ доставило ему право на народную признательность, это его „Исторія Государства Россійскаго.“ Онъ 12 лѣтъ писалъ свои первые 12 томовъ. Когда онъ представилъ ихъ Императору Александру I., который столь извѣстенъ своими благородными стремленіями, Государь наградилъ его чиномъ Статскаго Совѣтника и украсилъ его орденомъ Св. Анны 1. класса и пожелалъ чтобы онъ зимою жилъ въ Таврическомъ дворцѣ а лѣтомъ въ Царскомъ селѣ, гдѣ бесѣдовалъ съ нимъ каждодневно, какъ онъ называлъ, въ своемъ зеленомъ кабинетѣ т. е. въ густой и уединенной аллеѣ этого русскаго Версалья.

Его неизданная „Записка,“ которую мы здѣсь предлагаемъ, показываетъ, что было предметомъ бесѣды Императора и Карамзина и обнаруживаетъ въ семъ послѣднемъ менѣе либерализма нежели въ самомъ Монархѣ.

Съ этаго времени онъ не написалъ ни одной страницы, какъ бы она ни была независима, не представляя ее Императору. Преждевременная кончина его благодѣтеля остановила его бѣглое перо; она произвела глубокое впечатлѣніе на его душу, которая

впрочемъ не была избалована милостями. Она сократила дни его жизни, истощенной частыми и продолжительными бдѣніями: онъ видѣлъ что мечты о свободѣ и нравственномъ величіи для любезнаго отечества, взлелѣянныя въ душѣ Монарха, исчезали какъ призракъ.

Императоръ Николай продолжалъ знаменитому Исторіографу милостей своего предшественника. Онъ предложилъ ему цѣлый фрегатъ, чтобы перевести его изъ Петербурга подъ болѣе благопріятное небо; но Карамзинъ не могъ имъ воспользоваться и угасъ 22. Мая 1826 года съ этою преданностію судьбѣ, свойственной славянской природѣ, преданностію, которая можетъ быть вредитъ ея соціальному прогрессу но запечатлѣваетъ послѣдній часъ ея истиннымъ величіемъ: если Русскій не умѣетъ жить, какъ часто и не такъ давно объ этомъ говорили, надо сознаться, что онъ умѣетъ умереть.

На его могилѣ начертаны слѣдующія слова Евангелія.

Блаженни чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ.

Исторія Государства Россійскаго Карамзина составляетъ 12 толстыхъ томовъ in 8°; она остонавливается къ несчастію на 1611 годѣ въ эпоху въ высшей степени интересную. Она была переведена на Нѣмецкій, Англійскій, Италіанскій и Греческій языки, и даже на Китайскій.*)

---

*) Славный нашъ Синологъ А. Л-Леонтьевъ до того усвоилъ себѣ и языкъ и кисть Китайца, что перевелъ на Китайскій языкъ первый томъ Исторіи Карамзина.

Французскій переводъ, начатый Г-ми Thomas и Jauffret, и оконченный Г-мъ Divof (Paris, II. vol. in 8° 1819—26) хотя содержащій небольшую часть примѣчаній автора, заслуживалъ бы новаго изданія; ее почти невозможно найти въ торговлѣ. Карамзинъ, говоритъ Пушкинъ, есть первый нашъ Историкъ и послѣдній лѣтописецъ. Своею Критикою онъ принадлежитъ исторіи, простодушіемъ и апофѳегмами хроникѣ. Критика его состоитъ въ ученомъ сличеніи преданій, въ остроумномъ изысканіи истины, въ ясномъ и вѣрномъ изображеніи событій. Нѣтъ ни единой эпохи, ни единаго важнаго произшествія, которыя не были бы удовлетворительно развиты Карамзинымъ. Гдѣ разсказъ его не удовлетворителенъ, тамъ не доставало ему источниковъ: онъ ихъ не замѣнялъ своевольными догадками. Нравственныя его рязмышленія, своею пиѳическою простотою, даютъ его повѣствованію всю неизъяснимую прелесть древней лѣтописи. Онъ ихъ употребляетъ какъ краски, но не полагаетъ въ нихъ никакой существенной важности. Всѣ иностранцы имѣвшіе Исторію Карамзина въ рукахъ говорили о ней съ уваженіемъ и частію съ удивленіемъ. И въ самомъ дѣлѣ, написанная съ этою глубокою ученостію, что индексъ его содержитъ въ себѣ болѣе милліона статей она замѣчательна сколько по слогу столько по своему безпристрастію и проницательности. Только когда на своемъ пути Карамзинъ встрѣчаетъ Католическую церковь, что случается въ его Исторіи неоднократно, онъ смущается и становится не похожимъ на себя; но въ чемъ истина иногда заставляетъ его сознаться на этотъ счетъ очень драгоцѣнно и достойно вниманія.

Жители Симбирска воздвигли ему памятникъ въ 1845 году. Еще болѣе порадовало бы прахъ его если

бы оконченъ былъ памятникъ который онъ самъ воздвигъ отчеству своею Исторіею Государства Россійскаго, произведеніемъ вкуса и науки.

(Nouvelle Biographie générale publiée par MM. Firmin Didot frères).

СПЕРАНСКІЙ.

Графъ Михаилъ Михаиловичъ Сперанскій, сынъ сельскаго священника Владимірской губерніи, родился 1771 года. Родовое прозваніе его было Грамотинъ, но въ Владимірской семинаріи, гдѣ онъ получилъ первоначельное образованіе, переименовали его Сперанскимъ, заимствуя это прозваніе отъ надеждъ (латин. spes — надежда, sperant — надѣющійся), возбужденныхъ отличными способностями юноши. Изъ семинаріи поступилъ онъ въ Александро-Невскую Духовную Академію, гдѣ такъ ревностно продолжалъ свое ученіе, что на 21 мъ году самъ занималъ званіе профессора словесности, потомъ физики и математики. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ (служившій при генералъ-прокурорѣ Кн. Вяземскомъ) пригласилъ его давать уроки своему сыну и вмѣстѣ предложилъ ему мѣсто частнаго секретаря своего. Когда, въ царствованіе Павла 1, Кн. Куракинъ назначенъ былъ генералъ-прокуроромъ, Сперанскій охотно промѣнялъ духовное поприще на гражданское: онъ опредѣлился въ Канцелярію Князя и переименованъ изъ магистра въ титулярные совѣтники (1797 г.). Необыкновенныя дарованія, глубокія познанія и ясное изложеніе трудныхъ

дѣлъ, поручаеныхъ Сперанскому, сдѣлали его извѣстнымъ всѣмъ лицамъ, занимавшимъ разныя должности. Онъ сохранилъ мѣсто секретаря при Князѣ Лопухинѣ, смѣнившемъ Кн. Куракина, а потомъ при Беклешевѣ и Обольяниновѣ. По вступленіи на престалъ Императора Александра 1го, былъ онъ опредѣленъ директоромъ при министрѣ удѣловъ, Трошинскомъ; въ 1801 г. назначенъ статсъ-секретаремъ въ Государственномъ Совѣтѣ; въ 1802 г., при образованіи министерствъ, было поручено ему составить, подъ надзоромъ Графа В. П Кочубея, перваго министра внутреннихъ дѣлъ, взявшаго его къ себѣ въ директоры, планъ устройства этаго министерства, долженствовавшій служить образцемъ и для устройства другихъ министерствъ. Удивительнымъ даромъ въ организаціи, Сперанскій дѣйствовалъ благотворно, стараясь на мѣсто злоупотребленій водворять вездѣ общеполезный порядокъ и замѣнять личный произволъ законностію дѣйствій. При этомъ оказалъ онъ еще важную, хотя и побочную заслугу, преобразовавъ русскій Канцелярскій слогъ, который дошелъ было до крайней запутанности: все что ни писалъ Сперанскій, даже и по обыкновеннымъ дѣламъ, было образцемъ прекраснаго изложенія. Годовые отчеты министерства внутреннихъ дѣлъ, имъ составляемые и печатаемые въ С. Петербурскомъ журналѣ, имъ учрежденномъ и издававшемся съ 1804 до Конца 1809, представляютъ образцы дѣловаго слога, какимъ должны писаться оффиціальныя бумаги. Въ 1803 г. Государь поручилъ ему, чрезъ Графа В. П. Кочубея, составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ имперіи, что имъ и было исполнено. Графъ В. П. Кочубей сблизилъ его съ Государемъ Императоромъ, который назначилъ его товорищемъ министра юстиціи и директоромъ коммисіи составленія законовъ,

которая подъ управленіемъ его получила новую жизнь и впослѣдствіи поставлена была въ возможность быстро окончить возложенное на нее дѣло. Государь, поручивъ ему обработку всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ и плановъ по части высшаго государственнаго управленія, проводилъ съ нимъ цѣлые вечера въ чтеніи различныхъ сочиненій, относящихся къ государственному устройству и управленію. По покореніи Финляндіи, Сперанскому поручено было (1809) управленіе этаго края и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ назначенъ канцлеромъ Абовскаго (Гельзингфорскаго) университета. Въ томъ же году составилъ онъ планъ образованія Государственнаго Совѣта и министерствъ, уставъ каждаго изъ нихъ съ опредѣленіемъ порядка ихъ сношеній между собою, и въ слѣдствіе этаго плана учреждены два новыя министерства: полиціи и государственнаго контроля. Но важнѣйшій трудъ его измѣненіе финансовой системы. Имъ приведена въ порядокъ система податей, учрежденъ капиталъ погашенія долговъ, вынута изъ обращенія значительная часть ассигнацій, введена новая монетная система, изданъ общій тарифъ и подвергнуты всѣ смѣты министерствъ контролю Государственнаго Совѣта, а всѣ издержки государственному Контролю. Сверхъ того, преобразованіе всѣхъ духовныхъ училищъ въ Россіи и устроеніе прочнаго ихъ управленія, опредѣленіе мѣщанскихъ и крестьянскихъ повинностей, собраніе матеріаловъ для статистики Россіи, образованіе рекрутскихъ округовъ — все это суть образцовые труды Сперанскаго, который въ теченіе пятнадцати лѣтъ своей службы (съ 1797 по 1812) достигнулъ до важнаго званія государственнаго секретаря, былъ, тайнымъ совѣтникомъ и Александровскимъ кавалеромъ, и пользовался милостью и довѣренностію Государя Императора.

Различныя дѣйствія и нововведенія Сперанскаго возбудили мнѣнія противоположныя и вооружили противъ него многихъ. Передъ начатіемъ отечественной войны онъ былъ удаленъ отъ дѣлъ въ Нижній Новгородъ, а когда непріятель занялъ Москву — перемѣщенъ въ Пермь, гдѣ Государь не оставлялъ его денежнымъ пособіемъ. Изъ Перми Сперанскій отправилъ къ Императору свое оправданіе.

(Полная Русская Хрестоматія А. Галахова, Москва, 1849, ч. III).

Мало извѣстный и нигдѣ до сихъ поръ напечатанъ, благосклонные читатели Русскаго заграничнаго Сборника будутъ, можетъ быть, читать съ любопытствомъ важный сей документъ для исторіи царствованія Александра I.

ЗАПИСКА, ПРЕДСТАВЛЕННАЯ ГОСУДАРЮ 18. Октября 1819 года.

Н. М. КАРАМЗИНЫМЪ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕЛѢ,

гдѣ онъ тогда жилъ въ китайскомъ домикѣ.

Государь! Въ волненіи души моей, любящей Отечество и Васъ, спѣшу послѣ нашего разговора излить на бумагѣ нѣкоторыя мысли, не думая ни о краснорѣчіи, ни о строгомъ логическомъ порядкѣ; какъ мы говоримъ съ Богомъ и совѣстію, хочу говорить съ Вами.

Вы думаете возстановить Польшу, въ ея цѣлости, дѣйствуя какъ христіанинъ, благотворя врагамъ.

Государь! Вѣра Христіанская есть тайный союзъ человѣческаго сердца съ Богомъ; есть внутренное неизглаголанное небесное чувство, она выше земли и міра, выше всѣхъ законовъ, физическихъ, гражданскихъ, государственныхъ, но ихъ неотмѣнятъ.

Солнце течетъ и нынѣ по тѣмъ же законамъ, по коимъ текло до явленія Христа Спасителя; такъ и гражданскія общества непеременили своихъ коренныхъ уставовъ, все осталось какъ было на землѣ и какъ иначе быть не можетъ: только возвышалась душа, въ

ея сокровенностяхъ, утвердилась въ невидимыхъ связяхъ съ Божествомъ, съ своимъ вѣчнымъ и истиннымъ отечествомъ, которое внѣ матеріи, внѣ пространства и времени: мы близились съ небомъ въ чувствахъ, но дѣйствуемъ на землѣ, какъ прежде дѣйствовали. „Несмь отъ міра сего“ сказалъ Христосъ, а граждане и государства въ семъ мірѣ. Христосъ велитъ любить и враговъ, любовъ есть чувство, но онъ не запретилъ судьямъ осуждать злодѣевъ, не запретилъ воинамъ охранять государство. Вы христіанинъ, но вы истребили полки Наполеоновы въ Россіи, какъ Греки-язычники истребляли Персовъ на поляхъ Эмсады; вы исполняли законъ государственный, который не принадлежитъ къ религіи, но также данъ Богомъ. Законъ естественный оборона, необходимый для существованія всѣхъ земныхъ тварей и гражданскихъ обществъ. Какъ христіанинъ, любите своихъ личныхъ враговъ, но Богъ далъ вамъ Царство, и вмѣстѣ съ нимъ обязанность исключительно заниматься благомъ онаго. Какъ человѣкъ по чувствамъ души, озаренной свѣтомъ христіанства, Вы можетъ быть выше Марка-Аврелія, но какъ Царь, Вы тоже, что онъ.

Евангелія молчитъ о политикѣ; не даетъ, новой, если мы захотѣвъ быть христіанами — политиками, впадаетъ въ противорѣчія и несообразности. Меня ударятъ въ ланиту, я какъ христіанинъ долженъ подставить другую. Непріятель сожжетъ намъ городъ; впустимъ ли мирно въ другой, чтобы онъ также обратилъ его въ пепелъ? Какъ могъ язычникъ Маркъ-Аврелій, такъ можетъ и христіанинъ Александръ I. благотворить врагамъ государственнымъ, уже побѣжденнымъ, слѣдуя закону человѣколюбія, извѣстнаго и добродѣтельнымъ язычникамъ, но единственно въ та-

комъ случаѣ, когда сіе благотвореніе не вредно для отечества. Любите людей, но еще болѣе любите Россіянъ, ибо они и люди и Ваши подданные, дѣти Вашего сердца. И Поляки теперь слушаютъ Александра, но Александръ взялъ ихъ русскою силою, а Россіянъ далъ ему Богъ и съ ними снискалъ Онъ благодѣтельную славу освободителя Европы.

Вы думаете возстановить древнее Королевство Польское, но сіе возстановленіе согласно-ли съ закономъ государственнаго блага Россіи? Согласно-ли съ Вашими священными обязанностями? съ Вашею любовью къ Россіи. Не говоря о Пруссіи, спрашиваю Австрія отдастъ-ли добровольно Галицію? Можите-ли Вы творецъ священнаго союза, объявить войну, противную не только христіанству, но и государственной справедливости? ибо Вы сами признали Галицію законнымъ владѣніемъ Австрійскимъ. Во вторыхъ: можете-ли съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлоруссію, Литву, Волынію, Подолію отверженную собственность Россіи, еще до Вашего Царствованія? Не клянутся ли Государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были за Россіею, когда Митрополитъ Платонъ вручилъ Вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую Вы сами называли Великою. Скажутъ ли, что она беззаконно раздѣлила Польшу? Но Вы поступили бы еще беззаконнѣе, если бы вздумали загладить ея несправедливость раздѣломъ самой Россіи. Мы взяли Польшу мечемъ, вотъ наше право, коему всѣ государства обязаны бытіемъ своимъ, ибо всѣ составлены изъ завоеваній. Екатерина отвѣтствуетъ Богу, отвѣтствуетъ Исторіи за свое дѣло, но оно сдѣлано и для Васъ

уже свято: для Васъ Польша есть законное Россійское владѣніе. Старыхъ крѣпостей нѣтъ въ политикѣ: иначе мы долженствовали бы возстановить: Казанское и Астраханское Царство, Новгородскую Республику, Великое Княжество Рязанское и т. д. Къ тому же и по старымъ крѣпостямъ Бѣлоруссія, Волынія, Подолія вмѣстѣ съ Галиціею, были нѣкогда кореннымъ достояніемъ Россіи. Если Вы отдадите ихъ, то у Васъ потребуютъ и Кіева, и Чернигова, и Смоленска, ибо они также долго принадлежали враждебной Литвѣ.

Или все или ничего. До селѣ нашимъ государственнымъ правиломъ было: „не пяди ни врагу, ни другу.“ Наполеонъ могъ завоевать Россіею, но Вы хотя и Самодержавецъ не могли договоромъ уступить ему ни одной хижины русской. Таковъ нашъ характеръ и духъ государственный! — Вы любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловестной собственности? Будите ли самовольно раздроблять ее на части и дарить ими кого заблагоразсудите? Россія, Государь, безмолвна передъ Вами; но еслибы возстановилась древняя Польша (чего Боже сохрани!) и произвела нѣкогда историка достойнаго, искреннаго безпристрастнаго, то онъ Государь! осудилъ бы Ваше великодушіе, какъ вредное для Вашего истиннаго отечества, доброй, сильной Россіи. Сей историкъ сказалъбы совсѣмъ не то, что могутъ говорить Вамъ Поляки, извиняемъ ихъ, но Васъ бы мы русскіе не извинили, еслибы Вы для ихъ рукоплесканія ввергнули насъ въ отчаяніе. Государь! нынѣ славный, великій, любезный! Отвѣтствую Вамъ головою за сіе неминуемое дѣйствіе цѣлаго возстановленія Польши. Я слышу русскихъ: мы лишились бы не только прекрасныхъ областей, но и любви къ Царю;

остыли бы душею и къ отечеству, видя оное игралищемъ самовластнаго произвола, ослабѣли бы не только уменьшеніемъ государства, но и духомъ; унизились бы передъ другими и передъ собою. Не опустѣлъ бы конечно дворецъ, Вы и тогда имѣли бы министровъ, генераловъ, но они служили бы не отечеству, а единственно своимъ личнымъ выгодамъ, какъ наемники, какъ истинные рабы. . . .

А Вы Государь! гнушаетесь рабствомъ и хотите дать намъ свободу.

Однимъ словомъ . . . и Господь сердцевѣдецъ да замкнетъ смертію уста мои въ сію минуту, если говорю Вамъ не истину.

Однимъ словомъ: возстановленіе Польши будетъ паденіемъ Россіи, или сыновья наши обогрятъ своею кровью землю польскую и снова возьмутъ штурмомъ Прагу.

Нѣтъ, Государь! никогда Поляки не будутъ ни искренними братьями, ни вѣрными союзниками; теперь они слабы и ничтожны: слабые не любятъ сильныхъ, а сильные презираютъ слабыхъ; когда же усилите ихъ, то они захотятъ независимости, и первымъ ея будетъ отступленіе отъ Россіи; конечно не въ Ваше Царствованіе, но Вы Государь! смотрите далѣе своего вѣка и, если не безсмертны тѣломъ, то безсмертны славою. Въ дѣлахъ государственныхъ чувство и благородность безмолвны, а независимость есть главный законъ гражданскихъ обществъ. Литва, Волынія желаютъ Королевства Польскаго, но мы желаемъ единой Имперіи Россійской: чей голосъ долженъ быть слышнѣе для Вашего сердца? Они въ случаѣ войны впрочемъ не мало вѣроятной (ибо кому теперь возставать на Россію) могутъ измѣнить, тогда покажемъ измѣну силою и правомъ; право всегда имѣетъ осо-

бенную силу, а бунтъ, какъ беззаконіе отнимаетъ ее. Поляки закономъ утвержденные въ достоинствѣ особеннаго державнаго народа, для насъ опаснѣе Поляковъ Россіянъ.

Государь! Богъ далъ Вамъ такую славу и такую державу, что Вамъ безъ неблагодарности, безъ грѣха христіанскаго и безъ тщеславія осужденнаго самою человѣческою политикою, нельзя хотѣть ничего болѣе, кромѣ того, чтобы утвердить миръ въ Европѣ и благоустройство въ Россіи; первое безкорыстнымъ великодушнымъ посредничествомъ, второе хорошими законами и еще лучшею управою. Вы уже пріобрѣли имъ Великаго, пріобрѣтите имя Отца нашего! Пусть существуетъ и даже благоденствуетъ Россія какъ она есть и какъ оставлена Вамъ Екатериною. . . .

Екатерина любила насъ нѣжно, любила и наше Отечество. Ея тѣнь здѣсь присутствуетъ. . . .

Умолкаю.

ПИСЬМО ТАЙНАГО СОВѢТНИКА М. М. СПЕРАНСКАГО КЪ ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Января 1813 г. изъ Перми.

Всемилостивѣйшій Государь!

При отлученіи меня В. И. В. между прочими знаками милостиваго вниманія, — сказали мнѣ, что: „во всякомъ другомъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, Вы употребили бы годъ или два, чтобы точнѣе разсмотрѣть и повѣрить свѣдѣнія къ Вамъ о мнѣ дошедшія.“ — Изъ сего долженъ я заключить, что мнѣніе Ваше обо мнѣ еще не рѣшено невозвратно. Въ послѣдствіе, назначеніе денежнаго мнѣ пособія и невидимая, но мнѣ примѣтная защита Ваша, утвердили еще болѣе сію надежду.

Среди дѣлъ, столь высокой важности, мнѣ казалось не пристойнымъ развлекать собою Ваше вниманіе. Теперь, когда дѣла сіи пріемлютъ видъ окончательной, могу-ли я ласкаться, что В. В. исполните то, что прежде считали справедливымъ? . . .

Представляю сіе письмо посредствомъ моей дочери, потому что всякой другой путь откровеннаго изъяс-

нія пресѣченъ мнѣ и не знаю еще какъ сіе дойдетъ непосредственно до рукъ Вашихъ? —

Удостойте, Всемилостивѣшій Государь, Вашего вниманія объясненія при семъ прилагаемыя, не столько изъ снисхожденія къ моей судьбѣ, какъ по уваженію ихъ предмета. Судьба моя и безъ нихъ, по единому движенію справедливости и благости Вашей, могла бы рѣшиться. Но Государи всегда имѣютъ личную и прямую пользу внимать истинѣ, особливо когда она касается до важныхъ дѣлъ Государственныхъ.

Есмь съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

М. Сперанскій.

Въ самомъ началѣ Царствованія В. И. В. постановили себѣ правиломъ, послѣ толикихъ колебаній нашего Правительства, составить наконецъ твердое и на законахъ основанное положеніе, сообразное духу времени и степени просвѣщенія и слѣдовать ему неуклонно.

Отъ сего единаго начала постепенно возникали всѣ главныя учрежденія Ваши, учрежденія, кои, по важности и пространству своему, могли прославить самое долголѣтнее и дѣятельное царствованіе, еслибы или люди были справедливѣе или обстоятельства счастливѣе.

Исполнители, коихъ В. В. употребляли въ семъ дѣлѣ, каждый поперемѣнно въ свою очередь, были предметомъ зависти, клеветы и злословія, въ большей или меньшей степени. Сему и быть надлежало, когда В. В. и сами нерѣдко встрѣчались съ такъ называемымъ общимъ мнѣніемъ, коего привычки и страсти не терпѣли перемѣнъ въ настоящемъ и страшились ихъ еще болѣе въ будущемъ.

Не взирая на сіе чрезъ 12 лѣтъ В. В. постоянно

слѣдовали симъ путемъ. Мѣнялись люди, измѣнялись планы, но главная мысль и намѣреніе оставались неизмѣнными.

До 1808 года я былъ почти только зрителемъ сихъ преобразованій, но мысли мои и сердце всегда слѣдовали за ними. Когда В. В. угодно было поручить мнѣ чрезъ Графа Кочубея, въ начальствѣ коего я тогда служилъ, составить планъ образованія судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ въ Имперіи, я принялъ сіе порученіе съ радостію и исполнилъ его съ усердіемъ.

Въ концѣ 1808 года послѣ разныхъ дѣлъ В. В. начали занимать меня постояннѣе предметами высшаго управленія, тѣснѣе знакомить съ образомъ Вашихъ мыслей, доставляя мнѣ бумаги, прежде къ Вамъ дошедшія и нерѣдко удостоивая провождать со мною цѣлые вечера, въ чтеніи разныхъ сочиненій, къ сему относящихся.

Изъ всѣхъ сихъ упражненій, изъ стократныхъ можетъ быть разговоровъ и разсужденій В. В. надлежало наконецъ составить одно цѣлое. Отсюда произошелъ планъ всеобщаго Государственнаго образованія.

Въ существѣ своемъ онъ не содержалъ ничего новаго; но идеямъ съ 1801 г. занимавшимъ В. В. дало въ немъ систиматическое расположеніе.

Весь разумъ сего плана состоялъ въ томъ, чтобы посредствомъ законовъ и установленій утвердить власть правительства на началахъ постоянныхъ и тѣмъ самымъ сообщить дѣйствію верховной власти болѣе правильности, достоинства и истинной силы.

Въ теченіи двухъ слишкомъ мѣсяцевъ занимаясь почти ежедневно разсмотрѣніемъ его, послѣ многихъ перемѣнъ, дополненій и поправленій, В. В. положили наконецъ приводить его въ дѣйствіе.

Полѣзнѣе можетъ быть было бы, всѣ установленія сего плана, приуготовивъ вдругъ, открыть единовременно; тогда онѣ явились бы всѣ въ своемъ размѣрѣ и стройности и не произвели бы никакого въ дѣлахъ смѣшенія. — Но В. В. признали лучшимъ терпѣть на время укоризну нѣкотораго смѣшенія нежели все вдругъ перемѣнить, основавшись на одной теоріи.

Сколько предусмотреніе сіе не было основательно, но въ послѣдствіе оно сдѣлалось источникомъ ложныхъ страховъ и неправельныхъ понятій. Не зная плана правительства, судили намѣренія его по отрывкамъ, порицали то*) чего еще не знали и не видя точной цѣли и конца перемѣнъ устрашились вредныхъ нововведеній (установленій).

Пройду кратко всѣ установленія, отъ плана сего возникшія, дабы означить, какъ вмѣстѣ съ ними возникала и разширялась клевета и ненависть всегда ихъ преслѣдовавшія.

I. Совѣтъ. Учрежденіе его за мѣсяцъ прежде открытія сообщено было Гр. Н. И. Салтыкову и Князю Лопухину. Словесно и письменно они его одобрили, все послѣдствія его оправдали но одни видѣли въ семъ установленіи подражаніе Французскому хотя кромѣ раздѣленія дѣлъ ничего онѣ не имѣютъ общаго. — Другіе утверждали, что разумъ сего учрежденія стѣсняетъ власть Государя. Гдѣ и какимъ образомъ?... не по Государеву-ли повелѣнію дѣла вносятся въ совѣтъ не единымъ ли словомъ его рѣшаются?... но зависть и клевета лучше желаютъ казаться смѣлыми, чѣмъ безгласными.

II. Министерства. Въ манифестѣ 1802 года обѣщаны были подробныя учрежденія или инструкціи ми-

*) Не на Карамзина ли этотъ попрекъ?.. прим: переписчика.

нистрамъ но до 1810 года ихъ не было. — Безпорядокъ и смѣшеніе при личныхъ взаимныхъ недоразумѣніяхъ, доходили до крайности. В. В. стоя въ средоточіи, дѣлъ, въ собственной работѣ Вашей съ Министрами, болѣе всѣхъ сіе чувствовали и почти ежедневно напоминали мнѣ о необходимости сего учрежденія.

По мыслямъ В. В. составленъ былъ планъ, внесенъ на разсмотрѣніе предсѣдателей Совѣта, всѣми единогласно одобренъ и потомъ принятъ въ Совѣтѣ. На семъ основанъ былъ Манифестъ о раздѣленіи министерствъ и составить общій уставъ.

Въ раздѣленіи министерствъ допущена нѣкоторая отъ прежнихъ перемѣна въ размѣщеніи или, такъ сказать, въ рамахъ дѣлъ; но рамы сіи никогда не могли быть неподвижны и на будущее время; еще нѣсколько разъ измѣнится могутъ. Изъ сей перемѣны возникли два новыя министерства: полиціи и контроль; но первое учреждено по собственному и личному убѣжденію В. В. въ его необходимости, а второе основано на порядкѣ счетовъ, неоспоримомъ и очевидномъ.

Общій уставъ постановилъ самые точные и ясные предѣлы отношеніямъ и власти министровъ. Смѣю утверждать съ достовѣрностію, что ни одно государство въ Европѣ не можетъ похвалиться учрежденіемъ, столь опредѣлительнымъ и твердымъ: оно лежитъ теперь покрытое пылью и прахомъ, но время и опытъ возстановятъ его и оправдаютъ.

Надлежало приступить къ застылымъ уставамъ. Возложено было на самихъ министровъ составить проектъ, дабы послѣ пересмотрѣть ихъ и привесть въ единство.

Здѣсь каждый министръ, считая ввѣренное ему министерство за пожалованную деревню, старался

наполнить ее и людьми и деньгами. Тотъ кто прикасался къ сей собственности, былъ явный иллюминатъ и предатель государства — это былъ я!... Мнѣ одному противъ весьма сильныхъ надлежало вести сію тяжбу. У однаго министра финансовъ*), не говоря о другихъ, убавлены цѣлые два Департамента и сверхъ того нѣсколько отдѣленій и такимъ образомъ уменьшены штаты ежегодно болѣе нежели на 100 тыс. рублей. — Въ самыхъ правилахъ наказа надлежало сдѣлать важныя перемѣны, отсечь притязанія власти, привести ее въ придѣлы, преградить насильныя завладѣнія одной части надъ другою и, словомъ, всѣ сіи наказы вовсе передѣлать. — Можно ли было сіе достигнуть, не прослывъ рушителемъ всякаго добра, человѣкомъ опаснымъ и злонамѣреннымъ? —

Другіе, можетъ меня счастливѣе, совершатъ сію работу, но совершить ее необходимо: ибо какъ скоро одно Министерство движется не по данному направленію то вмѣстѣ съ нимъ должны идти и другія; иначе онѣ другъ друга будутъ затруднять, какъ то опытъ уже доказалъ и доказывать будетъ.

Между тѣмъ занимаясь сею работою, В. В. подтверждали мнѣ многократно о проектѣ образованіи Сената.

III. Сенатъ. Образованіе Сената было въ необходимой связи съ учрежденіемъ Министерствъ. Не могутъ два сіи учрежденія идти на двухъ началахъ, совершенно противоположныхъ. Проектъ сего образованія прежде всѣхъ сообщенъ былъ Графу Завадовскому, Князю Лопухину и Графу Кочубею. Письменные ихъ отзывы находятся при самыхъ бумагахъ. Послѣ сего онъ разсмотренъ въ собраніи Предсѣда-

*) Графъ Гурьевъ. прим: переписчика.

телей, напечатанъ, внесенъ въ Совѣтъ. мѣсяцъ времени опредѣленъ былъ для того, чтобы каждый у себя дома могъ его обдумать.

Изъ сего хода всякъ лично могъ усмотрѣть, что не желали тутъ ни исторгнуть согласіе, ни предвосхитить его смятеніемъ и поспѣшностію. — Не взирая на сіе, возстали укоризны. Не буду здѣсь упоминать о томъ, что въ укоризнахъ сихъ было жестокаго и терзающаго мою душу. Обращусь къ самому источнику тѣхъ только возраженій, кои имѣли видъ безпристрастія.

Возраженія сіи большею частію происходили отъ того что элементы Правительства нашего не довольно еще образованы и разумъ людей, его составляющихъ, недовольно еще пораженъ несообразностями настоящаго порядка вещей, чтобы признать благотворныя Ваши перемѣны необходимыми — и слѣдовательно надлежало дать время, должно было еще потерпѣть, попустить еще безпорядокъ и злоутребленіе, чтобы наконецъ ихъ ощутили и тогда вмѣсто того чтобы затруднять намѣренія Ваши, сами пожелали бы ихъ совершенія.

Мысль сія съ горестью вырвалась у меня въ самыхъ разговорахъ и разсужденіяхъ. Я представилъ ее во всей силѣ В. В. и означилъ даже въ докладной моей запискѣ, которая при дѣлахъ должна находиться. Могъ ли я тогда подумать что сіе самое разсужденіе даетъ поводъ врагамъ моимъ сдѣлать то злобное приложеніе, какое въ послѣдствіи оказалось?

Между тѣмъ мнѣнія въ пользу проэкта были многочисленны и уважительны. Съ твердостью и чистотою намѣреній В. В. не рѣшались еще остановить исполненіе двумя записками, въ разное время отъ меня поднесенными, представлялъ я, сколько неудобно было-

бы, при настоящемъ расположеніи умовъ, продолжать сіе дѣло. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возвращающіеся слухи о войнѣ рѣшили наконецъ В. В. отложить его до времени.

Дай Богъ, Всемилостивѣйшій Государь, чтобы время сіе настало; проэктъ можетъ быть перемѣненъ, исправленъ или и совсѣмъ передѣланъ людьми, болѣе меня свѣдущими; но я твердо увѣренъ, что, безъ средоточія и твердой связи дѣлъ, Министерства всегда будутъ наносить болѣе вреда и Вамъ заботъ, нежели пользы и достоинства.

IV. Законы. Есть люди кои и коммисію законовъ считаютъ вреднымъ установленіемъ, хотя она учреждена еще при Петрѣ Великомъ и съ того времени непрерывно существовала.

Развлеченный множествомъ дѣлъ, я не могъ сей части дать того хода, какого бы желалъ, но смѣю сказать, что и въ ней сдѣлано въ теченіе двухъ лѣтъ болѣе, нежели во все предидущее время Цѣлое почти столѣтіе протекло въ однихъ несвязныхъ планахъ и обѣщеніяхъ; въ мое время составлены не только твердые планы на важнѣйшія части, но составлены, изданы и въ совѣтѣ разсмотрены двѣ труднѣйшія части гражданскаго уложенія, третья и послѣдняя требовали только отдѣлки. — Совсѣмъ тѣмъ не хвалился я никогда работами и охотно и въ Совѣтѣ и предъ В. В. раздѣлялъ честь ихъ съ коммисіей, но несправедливости людей принуждаютъ меня наконецъ быть любочестивымъ. Пусть сличатъ безобразныя компиляціи, представленныя мнѣ отъ коммисіи и отъ Господина Розенкамфа — и если найдутъ въ 102 параграфахъ коими я воспользовался, я уступаю имъ всю честь сего произведенія. Сличеніе сіе не трудно, ибо компиляціи сіи всѣ остались въ моемъ кабинетѣ.

Другіе искали доказать, что уложеніе мною внесенное, есть переводъ съ французскаго или близкое подражаніе — ложь или не знаніе кои изобличить не трудно также, ибо и то и другое напечатано. Въ источникѣ своемъ, т. е. въ Римскомъ правѣ всѣ уложенія будутъ сходны, но съ здравымъ смысломъ, съ знаніемъ сихъ источниковъ и кореннаго ихъ языка, можно почерпать прямо изъ нихъ, не подражая никому и не учась ни въ нѣмецкихъ ни въ французскихъ университетахъ!...

V. Финансы. Въ исходѣ 1809 г. тогда какъ В. В. занимали меня планомъ общаго образованія представился вопросъ, дѣлу сему посторонній, но по важности своей привлекшій на себя все Ваше вниманіе. В. В., съ справедливымъ безпокойствомъ, взирали на постепенный упадокъ ассигнацій и не могли съ равнодушіемъ видѣть что средства къ пополненію недостатковъ Вамъ представляемыхъ, состояли въ умноженіи тѣхъ же ассигнацій. Безпокойство сіе возросло до высшей степени, когда въ смѣтѣ на 1810 годъ заранѣе представленной, открытъ былъ ужасный недостатокъ въ 105,000,000 рублей а способъ къ замѣнѣ его въ виду небыло!...

Вступало къ Вамъ можество проэктовъ, но всѣ они представляли минуимыя и вредныя облегченія. В. В. желали открыть корень зла и пресѣчь его до колѣ была еще возможность. Сею одною рѣшительностію смѣло могу утвердить, что В. В. спасли тогда Государство отъ банкротства.

Послѣ многократныхъ о семъ разсужденій, составленъ былъ планъ финансовъ и внесено въ комитетъ, который тогда собирался въ домѣ Графа Гурьева. По двухкратномъ, предварительномъ разсмотрѣніи, онъ призналъ было необходимымъ и представленъ Совѣту.

Были споры, но самое важное большинство его одобрило, принялись за исполненіе.

Здѣсь тѣже самые члены правительства, кои планъ одобрили, вмѣсто того чтобы единодушно способствовать его исполненію, начали всемѣрно затруднять его и тотъ кто долженъ былъ быть главнымъ исполнителемъ, Министръ Финансовъ, не отрекаясь отъ него на словахъ, сталъ первымъ противникомъ на дѣлѣ.

Откуда сіе противорѣчіе? . . . оно изъясняется слѣдующимъ: весьма легко сказать „прекратить выпускъ ассигнацій“ — но надобно чѣмъ нибудь ихъ замѣнить. Для сего надлежало: 1) сократить и привести въ порядокъ издержки, а здѣсь то неудобство и роптаніе! . . . Вмѣсто того, что прежде каждый Министръ могъ почерпать свободно изъ такъ называемыхъ экстраординарныхъ суммъ, — въ новомъ порядкѣ все надлежало вносить въ годовую смѣту; потомъ каждый почти рубль подвергать учету въ двухъ инстанціяхъ Совѣта, часто терпѣть отказы и всегда почти уменьшеніе а въ концѣ всего еще ожидать ревизіи контроля. — Самъ Министръ Финансовъ, подвергся тому же праву. Могъ ли кому нравиться сей порядокъ вещей? . . .

Надлежало возвысить налоги. Слишкомъ 20 лѣтъ Россія сего не знала. Каждый членъ правительства хотѣлъ сложить съ себя бремя сей укоризны; надлежало однакоже чтобы кто-нибудь ее понесъ. — Судьба и несправедливостъ людей меня избрали на сію жертву, меня осыпали эпиграммами, ругательствами и пр. и. пр. а другіе были въ сторонѣ! . . .

Были попытки и тогда уже окружить Ваше Величество страхомъ народнаго неудовольствія и подозрѣніями ко мнѣ. Отчетъ который за 1810 годъ имѣлъ я удовольствіе представить въ Февралѣ послѣдующаго

года, изображалъ во всей силѣ мои опасенія. — Я предвидѣлъ, не безъ страха, всѣ личныя слѣдствія и тогда уже просилъ уволить меня отъ званія Государственнаго Секретаря. Ваше Величество самымъ милостивымъ образомъ опровергли и мои желанія и мои страхи. Такъ прошелъ 1810 годъ. 1811. представилъ Совѣтъ противныя явленія. Тутъ Министръ Финансовъ предлагалъ налоги, а Совѣтъ отвергалъ ихъ, яко неблаговременные; онъ Министръ доказывалъ что въ половинѣ года все станетъ, прошелъ цѣлый годъ; ничто не остановилось и передержки были малозначущи. Тѣмъ не менѣе и въ семъ году я былъ рушителемъ порядка и человѣкомъ опаснымъ.

Насталъ 1812 годъ. Недостатокъ весьма важный и сверхъ того близкая война. Министръ Финансовъ представилъ систему налоговъ, чрезмѣрно крутую и тягостную; часть ихъ принята а другая замѣнена налогами легчайшими.

Сіе смѣтеніе и сіи перемѣны, умноживъ раздраженіе, послужило послѣ Министру Финансовъ и обширному кругу друзей его весьма выгоднымъ предлогомъ, отречься отъ всѣхъ мѣръ новаго положенія, сложить съ себя всю ихъ отвѣтственность и по примѣру 1810 года но уже съ большею силою, на меня однаго обратить всѣ неудовольствія.

Еслибы въ то время можно было напечатать всѣ представленія того Министра, тогда всѣ нареканія съ меня обратились бы на него; но его бумаги лежали покойно въ дѣлахъ Совѣта а Манифестъ съ примѣчаніями, толкованіями, московскими вѣстями и ложными страхами ходилъ по рукамъ!...

Я мнилъ что покойный взглядъ и терпѣніе двухъ или трехъ мѣсяцевъ, разсѣятъ сію бурю. Въ самомъ

дѣлѣ она начала утихать, налоги приняли свою силу и пошли своимъ чередомъ*) но между тѣмъ, какъ я былъ спокоенъ, властолюбивая зависть не дремала и воспользовалась стеченіемъ обстоятельствъ (здѣсь разумѣю моихъ доносителей, имена ихъ Ваше Величество извѣстны). Приступаю къ подробностямъ весьма для меня горестнымъ.

Я не знаю съ точностью въ чемъ состояли секретные доносы, на меня взведенные. Изъ словъ, кои при отлученіи меня Ваше Величество сказать изволили мнѣ, могу только заключать, что было три главныхъ пунктовъ обвиненій: 1) что финансовыми дѣлами старался я разстроить Государство, 2) привесть налогами въ ненависть правительство и 3) отзывы о правительствѣ.

1) О Финансахъ. Въ 1810 году доходы государственные составляли около 125 мил. рублей. Въ 1812 году они доведены были до 300 мил. рублей; приращенія въ два года 175 мил. рублей. Слова можно превратить, исказить, перестановить, а дѣлъ, на простомъ счетѣ основанныхъ перемѣнить нельзя! . . .

Смѣло могу еще разъ утвердить что, перемѣнивъ систему финансовъ, Ваше Величество спасли Государство отъ банкротства. Придетъ время, Всемилостивѣйшій Государь, когда благія учрежденія Ваши, оправдавшись опытомъ, привлекутъ на себя благословенія всѣхъ людей благомыслящихъ: тогда смѣю думать и мое имя и мои бѣдствія вспомнятъ не безъ сожалѣнія! . . .

Планъ финансовъ и всѣ операціи, на немъ основанныя, всегда выдержатъ съ честію самое строгое изслѣдованіе всѣхъ истинныхъ Государственныхъ

*) Большая часть ихъ и теперь существуетъ.

людей, не только у насъ, но во всѣхъ просвѣщенныхъ Государствахъ. Не словами, но математическимъ счетомъ можно доказать что если бы въ свое время онъ небылъ принятъ, то не только вести настоящую войну, но встрѣтить ее было не съ чѣмъ! . . . и тотъ планъ, въ обширныхъ его приложеніяхъ, можетъ еще доставить важное пособіе въ тѣхъ затрудненіяхъ, кои обыкновенно открываются послѣ войны.

Но отчего же столько ропота? отъ того что ни въ какой землѣ не перемѣняли финансовой системы безъ неудовольствія.

Отъ чего еще, вопрашаютъ, показалось еще болѣе ассигнацій со времени введенія плана? Это есть секретъ правительства. Онъ состоитъ въ томъ: 1) что въ то же время, какъ перемѣняли систему, принуждены были выпустить около 46 мил. рублей новыхъ ассигнацій; 2) въ томъ, что отъ прежняго казначейства, безъ умысла, по единому незнанію, представленъ былъ неправельный счетъ той массы, котарая была въ обращеніи, и на семъ счетѣ, коего неправильности узнать никакъ небыло возможно, основаны были первыя операціи. — Но совсѣмъ тѣмъ, унизясь въ первый разъ, ассигнаціи потомъ такъ установились что въ теченіи трехъ послѣдующихъ годовъ, онѣ сохраняли постоянно свое достоинство и теперь еще, послѣ всѣхъ бѣдствій войны, онѣ охотнѣе по цѣли ихъ принимаются въ народѣ, нежели серебро. Сіе-ли называется разрушеніемъ государственнаго кредита? . . .

2) О ропотѣ отъ налоговъ. Какое странное притязаніе желать, чтобы народъ кланился и благодарилъ, когда облагаютъ его налогами! — естественно что сперва поговорятъ, побранятъ, потомъ перестанутъ и со вре-

менемъ, когда образумятся, то и благодарить будутъ... Гдѣже не бранили за налоги? но можно ли сіе минутное неудовольствіе признавать опаснымъ ропотомъ? если налоги, въ половинѣ февраля произвели опасный ропотъ, то куда же дѣвалась сія опасность, въ мартѣ, маѣ и іюлѣ? гдѣ слѣдъ сего общаго неудовольствія? . . . налоги не были сложены; напротивъ, во многихъ мѣстахъ усилены, слѣдовательно — опасный ропотъ сей былъ — басня, выдуманная людьми легкомысленными, кои, противь весь вѣкъ въ женскихъ сплетняхъ, по тѣмъ же самымъ сплетнямъ и московскимъ вѣстятъ, судятъ и о дѣлахъ государственныхъ и дали (горько помыслить) мнятъ управлять ими! . . .

Не могу здѣсь миновать однаго примѣчанія, которое и прежде, въ первомъ письмѣ моемъ отсюда, я старался сколько могъ означить.

Не попустите Всемилостивѣйшій Государь, чтобы система ложныхъ страховъ и подозрѣній, система коею, какъ я догадываюсь, ищутъ уловить вниманіе Вашего Величества, чтобы система сія, всегда приводившая Государей къ безславію а Государство къ бѣдствію превозмогла надъ достоинствомъ моральнаго Вашего характера, который одинъ, смѣю сказать, среди всѣхъ неустройствъ нашего Правительства, доселѣ составлялъ отраду, награду и надежду всѣхъ людей благомыслящихъ и просвѣщенныхъ, одни мечтали что люди ей важные и властолюбивые могутъ видѣть въ народѣ въ самомъ кроткомъ и добродушномъ, въ подданныхъ, готовыхъ повиноваться самой малѣйшей власти и вамъ Всемилостивѣйшій Государь, дѣйствительно и лично преданныхъ, — могутъ въ семъ народѣ, въ мнѣніяхъ его, пустыхъ толкахъ неразумія или легкомыслія, видѣть ропотъ, опасность,

причины важныхъ подозрѣній. — Ужасъ поражаетъ мое воображеніе, когда я помыслю о слѣдствіяхъ сихъ внушеній. Смѣло могу ихъ назвать, если онѣ существуютъ, преступленіемъ противъ самаго Величества. Но Богъ, проведшій Васъ сквозь толикое множество трудныхъ произшествій и сохранившій для благодѣйствія Россіи, безъ сомненія, сохранитъ и отъ сихъ опасныхъ сѣтей, скрытыхъ подъ видомъ низкой преданности и какой-то привязанности къ старымъ русскимъ правиламъ. — Истинныя русскія правила суть: взаимная любовъ и довѣріе между Государемъ и подданными, — точное отношеніе отца къ дѣтямъ, — а совѣты, основанные на страхѣ и угодливости мнимому общему мнѣнію, когда оно несправедливо, а пользамъ государственнымъ противно, суть совѣты не русскіе, но совѣты или малодушные или злые и во всѣхъ отношеніяхъ Васъ недостойные. Сіе мнимое общее мнѣніе слабо и ничтожно, когда его презираютъ, напротивъ, строптиво и ужасно когда его слушаютъ! Простите, Всемилостивѣйшій Государь, сіе невольное сердца моего изліяніе Враги мои могли очернить меня предъ Вами, но никогда не отучатъ сердца моего желать Вашей славы, сохраненія Вашего достоинства и кроткаго правленія! . . .

3) Объ отзывахъ. Третій пунктъ обвиненія, сколько могъ я выразумѣть, состоялъ въ томъ, что я отзываюсь худо о правительствѣ. — Если доносители подъ именемъ правительства разумѣютъ тѣ элементы, изъ коихъ оно слагается, т. е. разныя установленія. — то правда, что (съ горестью) я не скрывалъ и въ послѣдствія время съ горестью многимъ повторялъ, что они состоя изъ старыхъ и новыхъ, весьма худы и не сообразны. — Но сіе было мнѣніе всѣхъ людей благомыслящихъ и, смѣю сказать, мнѣніе Вашего Ве-

личества. — Скрывать же его не имѣлъ никакой нужды. — Если разумѣютъ подъ именемъ правительства людей его составляющихъ, то и въ семъ я также признаюсь, горесть — видѣть все искаженнымъ, все переиначеннымъ, всѣ труды покрытыми самою ѣдкою желчью и при покорности намѣреніямъ Вашимъ на словахъ, видѣть совершенную противуположность имъ на дѣлѣ, горесть, снѣдавшая мое сердце и за это доводившая до отчаянія имѣть при сихъ элементахъ и людяхъ какой либо успѣхъ въ дѣлахъ, не взирая на всѣ Ваши желанія, горесть сія часто, а особенно въ послѣднее время, по случаю сенатскихъ и финансовыхъ споровъ, вырывались невольнымъ образомъ изъ сердца. —

Но, Всемилостивѣйшій Государь, измученъ, дѣйствительно измученъ множествомъ дѣлъ и ежедневно еще терзаемъ самыми несносными укоризнами, могъ ли я быть всегда равнодушнымъ? . . . и впрочемъ сіи самые члены Правительства, коихъ чувствительность отзывомъ симъ оскорбились, не воздавали ли мнѣ за сіе сторицею?

Но чтобъ могъ я разумѣть подъ именемъ правительства особу Вашего Величества душа моя возмущается при размышленіи что я доведенъ до того, чтобы опровергать сію гнусную клевету, ниже какъ презрѣніемъ! . . . съ 1801 года чрезъ 12 лѣтъ, въ разныхъ разстояніяхъ отъ Вашего лица, я неуклонно слѣдовалъ сердцемъ и душею за всѣми Вашими намѣреніями и въ послѣдніе два года былъ близнимъ ихъ исполнителемъ. Во всѣхъ представленіяхъ моихъ я имѣлъ дѣло съ однимъ Вашимъ разумомъ и никогда не хотѣлъ обольщать Вашего сердца. — Вашъ разумъ и строгая съ моей стороны логика были однѣ мои орудія: въ нихъ состояла вся тайна моихъ работъ и

успѣховъ. Никогда и ни въ чемъ важномъ не желалъ я, да и не могъ получить Вашего согласія иначе какъ чрезъ посредство самыхъ точныхъ доказательствъ и разсужденій. — Для чего сочиняемы мною были не докладныя записки, но можно сказать, цѣлыя книги. Въ истинѣ всего сего смѣю ссылаться на Ваши собственныя воспоминанія, на всѣ докладныя бумаги, кои я Вамъ подносилъ. — Какимъ же образомъ, съ какою же уродливою лживостію, противъ ежедневнаго моего опыта, вздумалъ я порицать и злословить въ послѣднее время то, что очевидно чтилъ и уважалъ въ теченіи столь многихъ лѣтъ? Для чего, какую цѣль могла имѣть сія лживость? . . . возбудить неудовольствіе, — но въ комъ? — въ Армфельдѣ и Балашевѣ, — и на какой конецъ? чтобы сдѣлать переворотъ въ правительствѣ. — Но въ чію пользу? гдѣ способы? гдѣ сообщники? гдѣ связи? Въ дѣлахъ 20 лѣтней службы, во всѣхъ бумагахъ, въ двугодичномъ моемъ удаленіи, во всѣхъ надзорахъ и изысканіяхъ, тогда какъ сердца и умы открыты слушать обо мнѣ клевету и нелѣпость, открыли-ли хоть одинъ слѣдъ, одну тѣнь какой либо связи подозрительной? . . .

Здѣсь одна горестная мысль раздираетъ мое сердце. Непріятели мои могли сомнѣваться въ политическихъ моихъ правилахъ, могли думать о привязанности моей къ Французской системѣ; но Ваше Величество зная мои по сей части работы, не могли колебаться. — Поведеніе мое столь было ясно, что еслибы бумаги и дѣла мои устыдились бы своихъ предположеній! не я ли былъ одинъ изъ первыхъ который обращалъ вниманіе Вашего Величества на предстоящую войну и на всѣ козни ей предшествовавшія? . . . ссылаюсь на подробныя записки, многократно въ разныхъ эпохахъ и въ разное время поднесенныя. Онѣ всѣ находятся

въ моихъ бумагахъ. Смѣю себѣ присвоить, что никто можетъ быть, по крайней мѣрѣ, случайно, столько не содѣйствовалъ, чтобы заранѣе освѣтить истинныя намѣренія Франціи, — какъ я. — Когда отправили въ Парижъ Гр. Несельроде, на короткое время, съ порученіемъ финансовымъ по займу, тогда предположенному и совсѣмъ безъ видовъ дипломатическихъ, не я ли представлялъ Вашему Величеству открыть съ нимъ переписку, которая сдѣлалась въ послѣдствіи источникомъ свѣденій вѣрнѣйшихъ и полезнѣйшихъ. И впрочемъ если бы и не могъ я привести сихъ и имъ подобныхъ доводовъ, какъ можно согласить вообще слѣдующія противорѣчія быть преданнымъ Франціи и лишить ее всей торговли въ Россіи, введеніемъ новаго тарифа; желать разрушенія порядка и въ тоже время всемирно содѣйствовать его устроенію; желать ослабить Правительство и вмѣстѣ возвышать его доходы; быть глубокимъ честолюбцемъ и имѣть вокругъ себя однихъ враговъ; желать привести у народа въ ненависть правительство и себя перваго и прежде всего подвергать неминуемой сей самой ненависти?... пусть согласятъ все сіе мои доносители: мнѣ и писать и слышать о семъ омерзительно.

Между тѣмъ однакоже, сіе же самое предубѣжденіе о связяхъ моихъ съ Франціей, бывъ поддержано эпохою моего удаленія, составляетъ теперь самое важное и могу сказать единственное пятно моего въ народѣ обвиненія.

Вамъ единственно, Всемилостивѣйшій Государь, Вашей справедливости принадлежитъ его изгладить. Смѣю утвердительно сказать въ вѣчной правдѣ передъ Богомъ, Вы обязаны Государь, сіе сдѣлать, Вы не можете тутъ во лжѣ имѣть ни малѣйшаго сомнѣнія. Вашею тайною, а не своею я связанъ. — Вамъ же

слѣдовательно и разорвать все должно. Финансы, налоги, новыя установленія, всѣ дѣла публичныя, въ коихъ я имѣлъ счастіе быть Вашимъ исполнителемъ, все оправдается временемъ; но здѣсь чѣмъ я оправдаюсь, когда все покрыто и должно быть покрыто тайною!...

Обращаюсь еще разъ къ личнымъ отзывамъ. Отъ чего, спросятъ, доходили отъ разныхъ лицъ однѣ вѣсти?... отъ того что сіи разныя лица составляли одно тѣло, а душа сего тѣла былъ тотъ самый, кто всему казался и теперь кажется посторонимъ.

Если въ правотѣ моей совѣсти и дѣлъ нужно было мнѣ не спускаться по симъ потаеннымъ сплетнямъ, на коихъ основаны мои обвиненія, я легко бы могъ показать и начало ихъ и происхожденіе; — открыть и воздушныя ихъ финансовыя системы и личные ихъ корыстолюбивые расчёты, указать всѣ лица, запечатать каждое изъ нихъ своею печатью, обличить ложь въ самомъ ее средоточіи и представить на все то столь ясные доводы, что они сами бы, можетъ быть онѣмѣли. Но къ чему всѣ сіи улики? онѣ будутъ теперь имѣть видъ рекрименацій, всегда ненавистныхъ!... и, сверхъ того, враги мои, можетъ быть и въ сію минуту предъ Вашимъ Величествомъ а я за 2000 верстъ и весь почти въ совершенной ихъ власти. Мнѣ остается пояснить одно обстоятельство, которое скрывъ моихъ непріятелей, дало имъ случай всю громаду ихъ лжи прикрыть нѣкоторою истинною. Ваше Величество припомнить безъ сомненія изволите, какъ въ одно время я докладывалъ, что Бекъ приходилъ ко мнѣ и просилъ исходатайствовать ему у Васъ минуту вниманія. — „На что?“ изволили Вы спрашивать. —

„Онъ что-то нашелъ въ перлюстраціи, чего не хочетъ показать канцлеру, не представивъ прежде Вамъ.“ — Ваше Величество сказали мнѣ что позовете его черезъ Геслера, что дѣйствительно и исполнили и давъ ему Ваше наставленія, дозволили впредь въ подобныхъ случаяхъ также къ себѣ относиться. Бекъ, благодаря за сей случай, предложилъ, что когда встрѣтится въ дѣлѣ его что либо достойное вниманія особеннаго, онъ будетъ меня извѣщать. Онъ могъ сіе сдѣлать, въ чистотѣ совѣсти, не считая себя чуждымъ правительству и по тайнамъ. — Съ вѣдома ли его или нѣтъ, но черезъ третье лице, въ самомъ дѣлѣ разновременно и безъ связи получилъ я нѣсколько сихъ листовъ. Что они въ себѣ заключали? . . . пустыя вѣсти о войнѣ, свѣдѣнія и разсужденія кои, стоя въ средоточіи дѣлъ и имѣя всегда и по симъ предметамъ доступъ къ Вашему Величеству, я въ тысячу разъ лучше и подробнѣе зналъ, нежели они. Что могли мнѣ новаго сказать какой нибудь Гнъ Бекъ и ему подобные, жалкіе дипломаты? . . . слѣдовательно, допустивъ входить къ себѣ сіи бумаги, даже въ видахъ любопытства, не могъ я назначать имъ высокой важности. — Одинъ взглядъ на содержаніе ихъ удостовѣритъ Васъ, Всемилостивѣйшій Государь, въ маловажности ихъ, числа ихъ докажутъ, что они вошли ко мнѣ безъ связи; — а все вмѣстѣ можетъ увѣрить что тутъ могло быть легномысліе; но никто, никогда не въ силахъ превратить сего въ государственное преступленіе! . . . Со всѣмъ тѣмъ и прежде и теперь я повергаю себя единственно въ Ваше великодушіе и желаю еще лучше быть прощеннымъ, нежели совсѣмъ правымъ. Нужно ли, Всемилостивѣйшій Государь, чтобы я оправдывалъ себя противъ тѣхъ объясненій, кои разсѣваемы были моими врагами, о нравственныхъ

моихъ правилахъ и о связахъ моихъ съ мартинистами и иллюминатами и проч.?

Бумаги мои ясно доказываютъ, что никогда и никакихъ связей я не имѣлъ и что вообще о всѣхъ вѣщахъ старался имѣть собственное мнѣніе и никогда не вѣрилъ слѣпо чужимъ.

Когда Ваше Величество пожелали о предметахъ сего рода и въ особенности о мистической ихъ части имѣть свѣдѣнія, — я съ удовольствіемъ готовъ былъ посвятить Вамъ всѣ плоды моихъ собственныхъ изысканій и размышленій. Бесѣды сіи были тѣмъ мнѣ пріятнѣе чѣмъ болѣе я ждалъ, что предметъ ихъ сообразенъ съ сердечными Вашими чувствами. Не изъ книгъ, не изъ актовъ и хартій, почерпалъ я сіи истины; онѣ были изліяніемъ души моей, смѣю сказать, ими переношенной! . . . обстоятельства и многодѣлія прервали, слишкомъ рано, сіи личныя для меня сношенья и хотя не имѣлъ я еще времени открыть Вамъ во всемъ пространствѣ ихъ знаменованія, но судя по самому ихъ началу, смѣю сослаться на собственное Ваше сердце и на самыя бумаги, у Васъ оставшіяся, что не другое Вы слышали въ сихъ истинахъ отъ меня, кромѣ указаній на достоинство человѣческой природы, на высокое предназначеніе, на законъ всеобщей любви, яко единственный источникъ бытія, порядка, счастія, всего изящнаго и высокаго? — Да и когда, при какихъ случаяхъ, слыщали Вы, Всемилостивѣйшій Государь, отъ меня другіе правила? . . . Во все время, какъ я пользовался Вашимъ довѣріемъ, кого и чѣмъ я очернилъ, помрачилъ или кому старался повредить въ глазахъ Вашихъ? . . . На кого навелъ я какую либо тѣнь подозрѣнія? . . . напротивъ, я всегда желалъ и при всѣхъ случаяхъ старался питать и возвышать въ душѣ Вашей ту любовь къ человѣкамъ, ту кротость

и снисходительность, коимъ Богъ и Природа въ благости Васъ одарили!... Всемилостивѣйшій Государь, въ невидимомъ присутствіи Бога, Сердцевѣдца, смѣю здѣсь вопросить: такъ-ли поступаетъ, совѣтуетъ, дѣйствуетъ и говоритъ мрачный честолюбецъ, ненавидящій своего Государя и желающій привести Его въ ненависть! —

Простите, Всемилостивѣйшій Государь, пространность сихъ изъясненій. Въ теченіи двухъ лѣтъ враги мои говорили одно, — а мнѣ оставалось страдать и молчать! —

Въ награду всѣхъ горестей, мною потерпѣнныхъ, въ возмездіе всѣхъ тяжкихъ трудовъ, въ угожденіе Вамъ, къ славѣ Вашей и къ благу Государства подъятыхъ, въ признаніи чистоты и непорочности всего поведенія моего въ службѣ и наконецъ въ воспоминаніи тѣхъ милостивыхъ и лестныхъ мнѣ взаимныхъ сношеній, въ коихъ одинъ Богъ былъ и будетъ свидѣтелемъ между Вами и мною, — прошу единой милости, дозволить мнѣ съ семействомъ моимъ въ маленькой моей деревнѣ провести остатокъ жизни, по истинѣ одними трудами и горестями преизобильной.

Если во всемъ уединеніи, угодно будетъ поручить мнѣ окончить какую либо часть публичныхъ законовъ, разумѣю гражданскую, уголовную или судебную, я приму сіе личное отъ Вашего Величества порученіе съ радостію и исполню ее безъ всякой помощи, съ усердіемъ, не ища другой награды, какъ только: свободы и забвенія.

Богъ общій Отецъ и судія Государей и ихъ подданныхъ, да благословитъ благія намѣренія Вашего Величества въ пользу государства, да низпошлетъ Вамъ исполнителей кроткихъ безъ малодушія, усерд-

ныхъ безъ властолюбія. Сіе будетъ на всегда предметомъ желаній человѣка, коего многіе въ службѣ могутъ быть счасливѣе, но никто не можетъ быть лично Вамъ преданнѣе! . . .

NB. Въ слѣдствіе этого письма, Сперанскій былъ помѣщенъ Гражданскимъ Губернаторомъ въ Пензу.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Желающіе участвовать въ редакціи Русскаго Заграничнаго Сборника благоволятъ обратиться къ нижеподписавшемуся, который обязывается помѣстить въ немъ все что только касается Литературы, Политики и Религіи, съ тѣмъ однако-жь условіемъ, чтобы посылаемые къ нему труды не заключали въ себѣ ничего противнаго ни христіанскому вѣроученію, ни началамъ нравственности, ни законной власти, которая такъ дорога сердцу русскаго, которую онъ изъявляетъ теперь ея вѣнчанному представителю тѣмъ охотнѣе что находитъ въ немъ Монарха желающаго управлять своими подданными однимъ правосудіемъ и вести ихъ къ дальнѣйшей и блистательной цѣли путями мира.

А. ФРАНКЪ
въ Парижѣ, rue Richelieu 67.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

РУССКІЙ ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ПИСЬМО КЪ НАСТАВНИКУ Е. И. В. ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1858.

ПИСЬМО КЪ НАСТАВНИКУ Е. И. В. ГОСУДАРЯ НАСЛѢДНИКА.

Съ особеннымъ удовольствіемъ услышалъ я, любезнѣйшій Владиміръ Павловичъ, о твоемъ назначеніи, и рѣшился тотчасъ написать къ тебѣ это письмо по дѣлу столько близкому къ сердцу всякаго Русскаго любящаго свое отечество.

Много думалъ я на своемъ вѣку о воспитаніи, и тысячи дѣтей, юношей прошли передъ моими глазами, выросли, и уже старѣются! Я хочу подѣлиться съ тобою моими многолѣтними опытами, увѣренный, что ты скажешь мнѣ спасибо, и удобное къ исполненію употребишь въ дѣло, а прочее отложишь спокойно въ сторону. Тридцатилѣтняя слишкомъ наша дружеская связь даетъ мнѣ право говорить съ тобою безъ обиняковъ, иснажающихъ у насъ всякія сношенія, и общественныя и частныя.

Какъ Историкъ, начну съ Исторіи. Знаешь ли что впродолженіе полутораста лѣтъ во всемъ Русскомъ Царствѣ никто не воспитывался, кажется, случайнѣе, чтобъ не сказать иначе, безцѣльнѣе, Наслѣдниковъ Престола. Крестьянскій сынъ пріучается съ изма-

ленька пахать землю, пономаренокъ пищитъ на крылосѣ, дворянчикъ ѣздитъ хоть верхомъ чтобъ поступить въ гусары или уланы, купчикъ наметывается въ своей лавченкѣ, одни только наши наслѣдники не были почти вовсе приготовляемы соотвѣтственно своему назначенію. Какъ воспитывался Петръ III.? Кто заботился о Павлѣ! А Константинъ, Николай, Михаилъ? При Александрѣ только мы встрѣчаемъ одно порядочное имя Лагарпа, но Лагарпъ былъ все-таки Французъ 18 вѣка, и походилъ на Крыловскаго орла, который могъ научить львенка только какъ вить гнѣзда.*) Что принадлежало Муравьеву, мы не знаемъ основательно, потому что лица окружавшіе Александра не оставили намъ никакихъ воспоминаній этого рода изъ его разговоровъ. Изъ учителей и надзирателей послѣдовавшаго времени я встрѣчалъ многихъ, здѣсь и за границею: это такая посредственность, бездарность и пошлость, что заднимъ числомъ становилось грустно и страшно за ихъ воспитанниковъ. Любознательности не было развито ни у кого, Русскаго языка и словесности никто не зналъ, читать никто не любилъ. Въ одномъ покойномъ Государѣ было еще болѣе Русскаго элемента которымъ онъ впрочемъ обязанъ былъ единственно себѣ, а не воспитанію.

Воспитаніе развивало въ нихъ однѣ способности военныя, и тѣ только въ самой нижней ихъ степени: между ними не образовалось вѣдь ни одного полководца!

Среди моихъ историческихъ розысканій попались мнѣ драгоцѣнныя записки Штелина о воспитаніи Императора Петра III. Сообщаю здѣсь кратную выписку, которая заставитъ всякаго задуматься.

---

*) Си: Орелъ и Кротъ.

„Когда Принцъ въ городѣ Калѣ на седьмомъ году вышелъ изъ рукъ женщинъ, къ нему приставляемы были гофмейстерами по перемѣнно нѣкоторые камеръюнкеры и каммергеры. Всѣ сіи придворные кавалеры занимали вмѣстѣ и офицерскія въ Герцогской гвардіи. Въ прочихъ же маленькихъ корпусахъ было нѣсколько офицеровъ, служившихъ нѣкогда въ Прусской арміи. По этому при Дворѣ только и говорили, что о службѣ. Самъ наслѣдный Принцъ былъ пожалованъ унтеръ-офицеромъ, учился ружью и маршировкѣ, ходилъ на дежурство съ другими молодыми, и говорилъ съ ними только о внѣшнихъ формахъ солдатскаго быта. Оттого, случайно, съ самаго нѣжнаго возраста, такъ онъ къ нему пристрастился, что ни о чемъ другомъ не хотѣлъ и слышать. Когда производился маленькій парадъ передъ окнами его комнаты, тогда онъ оставлялъ книги и перья, и бросался къ окну, отъ котораго его нельзя было оторвать, пока продолжался парадъ. И потому иногда въ наказаніе, за его дурное поведеніе, закрывали нижнюю половину его оконъ, оставляя свѣтъ только вверху, чтобъ Его Королевское Высочество не имѣлъ удовольствія смотрѣть на горсть Голштинскихъ солдатъ. Объ этомъ часто разсказывалъ мнѣ Принцъ, какъ о самомъ жестокомъ наказаніи. Онъ приходилъ въ восторгъ, когда говорилъ о солдатахъ, о своихъ военныхъ выходкахъ и о строгости военной службы. Никакой день въ его жизни не былъ для него такъ достопамятенъ, какъ тотъ, въ который, на 9. году своего возраста, былъ произведенъ изъ сержантовъ въ офицеры отцовскаго войска. Это случилось въ день рожденія Герцога, празднованный при Дворѣ съ возможною пышностію (1738). Былъ большой обѣдъ. Маленькій Принцъ въ чинѣ сержанта стоялъ на часахъ вмѣстѣ съ другимъ великорослымъ

сержантомъ у дверей въ столовую залу. Такъ какъ онъ на этотъ разъ долженъ былъ смотрѣть на обѣдъ, въ которомъ обыкновенно участвовалъ, то у него безпрестанно текли слюнки. Герцогъ смотрѣлъ на это смѣясь, замѣтилъ нѣкоторымъ изъ сидѣвшихъ съ нимъ вмѣстѣ особъ. Когда подали второе блюдо, онъ велѣлъ смѣнить маленькаго унтеръ-офицера, поздравилъ его офицеромъ, и позволилъ ему занять мѣсто за столомъ по его новому чину. Въ радости отъ такого неожиданнаго повышенія, онъ (какъ самъ мнѣ разсказывалъ), почти ничего не могъ ѣсть. Съ этого времени всѣ мысли его были заняты только военною службою, и его обхожденіе съ пустоголовыми его товарищами стало свободнѣе. Онъ говорилъ имъ всѣмъ ты и хотѣлъ, чтобъ они, какъ его братья и товарищи, также говорили ему ты.“

Какая грусть обняла мое сердце, когда я въ первый разъ въ своей уединенной нельѣ, на Дѣвичьемъ полѣ, вдали отъ городскаго шума, читалъ эти роковыя строки. Я видѣлъ, кажется, мальчика, какъ онъ становился на окошко, поднимался на цыпочки, чтобъ посмотрѣть на проходившихъ двадцать-тридцать Голштинскихъ солдатъ! Огонекъ блеснулъ въ его радостныхъ глазенкахъ! Вотъ онъ, вотъ пагубный моментъ, насланный Богомъ въ гнѣвѣ за наши грѣхи, на бѣдное наше отечество. Вотъ зарожденіе этой несчастной, такъ называемой Голштинской болѣзни, изъза которой пролито столько слезъ на святой Руси . . .

Я вспомнилъ тогда, что видѣлъ во время перваго моего путешествія въ Варшавѣ: цѣлый уголъ въ Лазенковскомъ дворцѣ заваленъ былъ жестяными солдатиками, конными и пѣшими, во всякихъ мундирахъ и всѣхъ цвѣтовъ, а Великій Князь Константинъ Пав-

ловичъ бѣжалъ ночью изъ дворца самъ-другъ, и не защитила его эта многочисленная армія, что ходила по ниточкѣ ему въ утѣшеніе!

Теперь поговорю съ тобою какъ Педагогъ.

Развитіе однѣхъ, какихъ бы то ни было, способностей, бываетъ всегда вредно, нарушая законное равновѣсіе, во всякомъ частномъ человѣкѣ, а въ Государѣ оно гибельно, особенно если относится къ способностямъ столь низкимъ.

Наши дѣти увлекаются обыкновенно шіорами и султанами, эполетами и шарфами. Стоитъ часто большаго труда отучить ихъ отъ этого расположенія, и сообщить другое. А если давать ему пищу, ободрять и даже вмѣнять въ обязанность что же изъ нихъ выйдетъ? Тутъ уже не спрашивай никакого ученія, не задавай упражненій умственныхъ, а опредѣляй въ службу шестнадцати лѣтъ. Дѣти не хотятъ ничего дѣлать, и съ ними не сладишь.

Это ничего еще, что занятія военныя отнимаютъ время. Но онѣ наполняютъ голову лишними образами, которыми заслоняются, оттѣсняются другіе нужнѣйшіе; онѣ заставляютъ биться юное серце не оттого, отъ чего оно должно биться, онѣ доставляютъ удовольствіе, которое должно беречь для чистѣйшихъ источниковъ, онѣ производятъ равнодушіе къ благороднѣйшимъ умственнымъ занятіямъ, мѣшаютъ всякой сосредоточенности, притупляютъ высшія способности, разрываютъ теченіе времени, поворачиваютъ мысли молодаго человѣка въ другую сторону. Глазъ изострится видѣть движеніе ногъ или плечъ, подмѣчать малѣйшее ихъ уклоненіе отъ назначенной линіи, а ухо непремѣнно притупѣетъ слышать прочіе звуки, и привычка требовать исполненія лишь только выговорится приказъ, перенесенная въ гражданскія сферы со-

вершенно различныя, произведетъ великое разстройство повсюду. Способности человѣческія таинственно дѣйствуютъ одна на другую.

Приведу тебѣ еще примѣръ въ доказательство моей мысли какъ вредно занимать однѣ способности на счетъ другихъ.

У насъ господствуетъ въ обществѣ предубѣжденіе о необходимости учить дѣтей вдругъ многимъ иностраннымъ языкамъ. Слѣпцы родители думаютъ выучa дитя рано лепетать на пяти языкахъ, что они приносятъ ему великую пользу. Нѣтъ, страшный вредъ приносятъ они своимъ дѣтямъ, скажу я имъ, на основаніи многолѣтнихъ своихъ наблюденій, и чѣмъ больше словъ пріобрѣтаетъ память, тѣмъ меньше понятій способенъ развивать умъ. Исключенія бываютъ, но рѣдко. И пустота, бездѣльность нашего высшаго сословія, въ которомъ не знаешь кого и указать, — такъ оно выродилось, — происходитъ по моему мнѣнію весьма много отъ ихъ ученія въ дѣтствѣ многимъ иностраннымъ языкамъ. Въ этомъ отношеніи я благословилъ внутренно нашу Государыню, когда услышалъ ее говорящую съ дѣтьми, и дѣтей ей отвѣчающихъ, по Русски ясно, чисто, правильно. Это гораздо болѣе значитъ, нежели какъ о томъ думаютъ.

Нынѣшній Государь, также какъ и Государыня имѣютъ, правда, другой взглядъ на военное дѣло, но во дворцѣ при воспитаніи образовалось уже преданіе, разные обычаи вошли въ привычку, составились правила, отъ которыхъ отступить считается невозможностію, сочинилась цѣлаяся стема, которой строгое исполненіе необходимо. Такъ заведено! Такъ было прежде! Рутина вездѣ беретъ свое!

Въ запрошломъ году я былъ приглашенъ показать Великому Князю Московскія достопримѣчательности.

Что же-нѣсколько дней сряду нельзя было начать обозрѣнія: нынѣ какой-то смотръ, завтра полковой праздникъ, послѣ завтра пріемъ поздравленій, и тому подобное. Разумѣется я не могъ утерпѣть и тогда же сказалъ и даже написалъ объ этомъ два слова къ Генералу Зиновьеву.

Не знаю, будешь ли ты имѣть достаточно силы, чтобъ настоять на перемѣну системы воспитанія въ этомъ отношеніи, и освободить Великаго Князя отъ всѣхъ служебныхъ обязанностей по полкамъ, въ которыхъ онъ числится. Я боюсь, что ты, дипломатъ, послѣ легкаго и тонкаго стороною замѣчанія, омоешь свои руки, точно какъ въ Константинополѣ, слѣдуя въ точности инструкціямъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Извини, никакъ не могу удержаться, чтобъ не задѣть тебя мимоходомъ, хоть можетъ быть и безъ основанія. Я боюсь, потому что на дипломатію, сдѣлавшуюся второю твоею натурою, долженъ еще подѣйствовать теперь зловредный, растлительный придворный воздухъ. Мнѣ случилось въ послѣднее время быть во дворцахъ разъ пять-шесть. Ей-богу, человѣческаго зрака я не видалъ тамъ на помертвѣлыхъ лицахъ. Самые честные и благородные люди дѣлаются какими-то механическими куклами, потерявшими всякое сознаніе человѣческаго достоинства, лишенными собственной воли. Покойный Графъ Петръ Александровичъ Толстой говаривалъ: „эка, братецъ, притча; живешь бывало въ чужихъ краяхъ ну и расхрабришься, и думаешь вотъ что скажу, вотъ что сдѣлаю. Поѣдешь назадъ въ возвратный путь, и станешь чувствовать себя помаленьку тише, тише. На границѣ начнетъ тебя какъ будто коробить, а переступилъ черезъ порогъ въ Зимнемъ дворцѣ, и поползъ на четверенькахъ.“ Честный Екатерининскій старикъ

чувствовалъ по крайней мѣрѣ, что онъ ползаетъ на четвереньнахъ, а нынѣшніе гады, которые пресмыкаяся по грязи, мечтаютъ, что парятъ въ небесахъ какъ иже херувимы. Но это мимоходомъ.

Второе зло, хоть менѣе важное и гибельное, однако весьма вредное, состоитъ въ томъ что Великіе Князья воспитываются взаперти. Они не видятъ никого, кромѣ учителей, смѣняющихся предъ ними по часамъ, надзирателей, приставляемыхъ смотрѣть за ихъ шалостями, и не говорящихъ съ ними ни одного слова лишняго, да штатныхъ служителей, вѣроятно говорящихъ только лишнее. Прочія фигуры, видимые ими, суть автоматы, отъ которыхъ ни одного живаго слова, не только живаго языка услышать несчастныя дѣти не могутъ. Все натянуто, все условно и противуестественно. Кругомъ обманъ, лесть, притворство, раболѣпіе. Никто не смѣетъ рта разинуть ни объ какихъ злоупотребленіяхъ. Вездѣ какъ будто царствуетъ блаженство, вездѣ разливаются удовольствія, наслажденія; вездѣ денно и нощно раздаются благословенія! Какъ тутъ не испортиться зрѣнію, какъ тутъ не вскружиться головѣ, и надо удивляться, что Богъ сохраняетъ еще иногда чистоту, благонамѣренность и здравый смыслъ. Бѣдныя дѣти не получаютъ никакого понятія о народѣ, которымъ управлять предназначаются, не узнаютъ ни его нуждъ ни средствъ ихъ удовлетворенія, кромѣ особенныхъ случаевъ. Нѣтъ, электрическіе токи изъ народа, изъ земли надо провесть въ ихъ учебныя комнаты, надо чтобъ ежеминутно приносились туда свѣжія любопытныя обо всемъ, что происходитъ въ отечествѣ, въ Казани и Одессѣ, Архангельскѣ и Саратовѣ, въ Сибири и Малороссіи. Живое сообщеніе должно быть устроено съ народомъ, чтобъ Великіе Князья жили

одною съ нимъ жизнію, горевали, радовались, веселились, чувствовали по временамъ одинакой голодъ и жажду, благодарили и молились вмѣстѣ. Надо, чтобъ они познакомились со всѣми сословіями, не чрезъ театральныя декораціи, а побывали бы и у крестьянина въ избѣ и въ хлѣву, и у купца, въ мелочной лавочкѣ, и у попа, у просфирни въ ихъ хижинахъ, и уподъячаго на чердакѣ; посѣтили бы сѣнокосъ и жатву, крестьянскую свадьбу, похороны, толкучій рынокъ, земскій судъ, пріемный день Губернатора; пожили бы въ уѣздномъ городѣ, въ селѣ, на фабрикѣ.

Учебныя методы должно измѣнить во многомъ. По часамъ, по классамъ, по параграфамъ, по линейкамъ, можно вѣдь выучить ихъ только тому, чему мы выучиваемся, или менѣе, а они должны знать въ сотеро противъ насъ. Они должны знать все, и обо всемъ имѣть понятіе. Настоящія методы изобрѣла для насъ нужда и необходимость, а они имѣютъ всѣ средства для того, чтобъ образоваться и развить свои способности иначе, для того, чтобъ стать съ вѣкомъ на равнѣ, и не краснѣть внутренно на всякомъ шагу отъ невѣжества. Одно свѣденіе должны они узнать за урокомъ, другое услышать въ чужомъ разговорѣ, на третье наткнуться среди прогулки, четвертое провѣдать отъ заѣзжаго путешественника, пятое за обѣдомъ, шестое въ театрѣ, седьмое на лекціи, осьмое въ засѣданіи ученаго общества, девятое въ гимназическомъ классѣ, десятое отъ просителя, одинадцатое изъ газетъ въ видѣ новости, двѣнадцатое въ любопытномъ письмѣ къ учителю, въ журнальной статьѣ, въ извѣстіи о новой книгѣ, и проч. и проч. Всѣ отличные люди, по какой бы то ни было части, должны поочередно являться въ ихъ учебной комнатѣ, художники, купцы, изобрѣтатели, крестьяне, военные, граж-

данскіе чиновники, духовные, и разсказывать имъ, или разговаривать предъ ними съ ихъ воспитателями о всѣхъ предметахъ правленія, науки, искусства, жизни, въ Россіи и Европѣ. Надо, чтобъ они имѣли около себя представителей всѣхъ нравственныхъ и умственныхъ добродѣтелей и достоинствъ, а не два-три пошлыя лица, къ которымъ они привыкаютъ, съ которыми скучаютъ, а отъ которыхъ бѣгутъ часто развлечься въ переднюю или коридоръ. Одинъ учитель долженъ отличаться твердостію, другой строгостію, третій мягкосердечіемъ, порядкомъ, бережливостію, щедростію. Наука, искуство, словесность должны имѣть около нихъ жаркихъ ревнителей. Время покажетъ благотворное дѣйствіе. Надо составить около нихъ особую атмосферу, и преимущественно около Наслѣдника, чтобъ воздухъ былъ въ ихъ комнатахъ иной, чтобъ самыя стѣны говорили, чтобъ чрезъ окна лезли къ нимъ новые образы; чтобъ изъ-подъ пола проведены были слуховыя трубы, чтобъ двери отворяясь возбуждали вниманіе . . .

Но вотъ я и въ области Поэзіи. Знаю, что здѣсь есть много печальнаго. Я хотѣлъ сказать тебѣ только моими мечтаніями, что настоящія методы воспитанія для Великихъ Князей недостаточны. Я хотѣлъ сказать тебѣ, въ какомъ родѣ должны образоваться новыя. Знаній умножилось, столько и столько открылось новыхъ сторонъ въ старыхъ знаніяхъ, что по обыкновенному порядку нельзя овладѣть ими, на торныхъ дорогахъ, а нужны каменныя, (я терпѣть не могу слова шоссе и желѣзныя). Жизнь ушла далеко впередъ. Придумывать новые способы одному человѣку нельзя, какія бы достоинства ни имѣлъ онъ. Нуженъ цѣлый совѣтъ, время отъ времени возобновляющійся, изъ опытныхъ, знающихъ по всѣмъ ча-

стямъ людей, которые безпрестанно бы переговаривались между собою, сообщали другъ другу свои наблюденія, и дѣйствовали совокупными силами для достиженія самой высокой цѣли, какая только существуетъ въ дѣлѣ воспитанія. Ты опытный регентъ движеніями своего камертона, будешъ приводить всѣ предположенія изъ слова въ дѣло, собирать всѣ отдѣльные звуки въ одну гармонію, и дѣйствовать на юную душу, воспитывать нашу надежду, нашу радость!

Наконецъ я долженъ сказать нѣсколько словъ объ участіи родителей въ дѣлѣ воспитанія.*) Сколько видѣлъ я отцевъ и матерей, посвящавшихъ себя, по ихъ выраженію, воспитанію своихъ дѣтей, не щадившихъ для нихъ ни трудовъ, ни попеченій, ни издержекъ, и между тѣмъ приносившихъ имъ вреда больше всѣхъ. Воспитаніе имѣетъ свою науку и свое искусство; воспитаніе требуетъ особенныхъ способностей. Даже такъ называемые учители не всѣ способны учить.

Кто можетъ быть чище Жуковскаго, кто можетъ желать добра больше его своимъ воспитанникамъ, а его Историческія таблицы отняли много времени даромъ, и лишили насъ многихъ прекрасныхъ стиховъ. Привожу этотъ примѣръ въ доказательство, что никому нельзя полагаться на себя особенно въ новыхъ замышленіяхъ Никому нельзя полагаться на свое вдохновеніе. Нельзя импровизировать учебные совѣты. Это вообще объ учителяхъ и родителяхъ. Что же если родители Царственные, которыхъ слово считается закономъ. А они вѣдь могутъ ошибаться также, какъ и всѣ мы простые смертные, еще болѣе, потому что

---

*) Прекрасно, но зачѣмъ же почтенный Историкъ и Педагогъ не прибавляетъ къ этому нѣсколько словъ объ участіи религіи въ дѣлѣ воспитанія?

у нихъ недостаетъ времени обдумывать свои мнѣнія и они привыкли къ самонадѣянности. Въ этомъ случаѣ я думаю, что поможетъ тебѣ твоя дипломатія, и ты съумѣешь лучше всѣхъ отклонить неудобоисполнимое, и воспользоваться дѣльными указаніями, къ коимъ способно бываетъ преимущественно материнское чуткое сердце.

Я слышалъ въ чужихъ краяхъ что ты написалъ откровенно свою исповѣдь. Ты поступилъ благородно, но никто не могъ мнѣ растолковать, какая это исповѣдь? Политическая, гражданская? объявилъ ли ты свой образъ мыслей, или описалъ тотъ, который считаешь обязанностію внушать своему воспитаннику, Наслѣднику Русскаго престола. Это двѣ вещи разныя. Что нужно, полезно намъ, частнымъ людямъ, то можетъ быть не нужно и не полезно Государю, и, на оборотъ, многое нужно Ему, безъ чего мы можемъ обойтися. Прошу тебя прислать мнѣ копію. Тогда можетъ быть я сообщу тебѣ какія-нибудь мысли. Ты провелъ большую часть своей жизни въ чужихъ краяхъ, посѣщалъ насъ только наѣздомъ, а у насъ впродолженіи послѣдняго времени произошло столько новаго, всплыло на верхъ столько не ожиданнаго и не извѣстнаго, что мудрено, кажется, тебѣ вдругъ опознаться. На всѣхъ высонихъ мѣстахъ нужна, непременно нужна теперь взаимная искренняя критика, отъ которой чувствуется у насъ какое-то роковое отвращеніе. Всякой хочетъ дѣлать по-своему и считаетъ для себя обидою, униженіемъ посторонніе совѣты. Что касается до меня, я обѣщаю тебѣ къ каждому празднику приготовлять по двѣ по три біографіи Русскихъ примѣчательныхъ людей, для возбужденія въ душѣ юныхъ твоихъ воспитанниковъ отчизнолюбиваго чувства. Отняла у меня много времени проклятая поли-

тика въ эти два-три года, а то была бы уже готова въ нынѣшнемъ году цѣлая дюжина, съ священникомъ Сильвестромъ во главѣ.

Предоставляю тебъ сдѣлать употребленіе изъ моего письма, какое заблагоразсудишь.

Денабря 9. 1856.

---

*) Священникъ Сильвестръ, Новгородецъ родомъ, вызванъ былъ въ 1547 г. Московскимъ Митрополитомъ Макаріемъ въ Москву, яко мужъ примѣрнаго благочестія и добродѣтелей, для собесѣдованій и наставленій юному Царю Ивану Василіевичу. Когда въ 1560 г. Царица Анастасія Романовна скончалась, Романовы доносили Царю что смерть ей приключилась отъ чарованій Сильвестра. Не призвавъ, ниже спросивъ обвиняемаго, Грозный созвалъ Соборъ и осудилъ своего наставника на заточеніе въ Соловецкій Монастырь, гдѣ онъ и скончался. Біографія сего примѣчательнаго Священника не находится въ Словарѣ достопамятныхъ людей Русской земли Бантышъ-Каменскаго.